

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

П. Каршиковський.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.И.МЕЧНИКОВА
КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ
ОДЕССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ
ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
НАН УКРАИНЫ

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

**СБОРНИК СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ 85-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА
ПЕТРА ОСИПОВИЧА КАРЫШКОВСКОГО**

Подписано к печати 03.03.2006 г.
Гарнитура PragmaticaC.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. лист. 16.
Заказ № 634. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Измаильской городской типографии, ул. Ватутина, 38.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.И.МЕЧНИКОВА
КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ
ОДЕССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ
ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НАН УКРАИНЫ

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

**СБОРНИК СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ 85-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА
ПЕТРА ОСИПОВИЧА КАРЫШКОВСКОГО**

ОДЕССА - 2006

Редколлегия:**Кушнер В.Г.** - к.и.н., главный редактор**Избаш Т.А.** - к.и.н., ответственный секретарь**Бачинская Е.А.** - д.и.н., профессор кафедры истории Украины**Ванчугов В.П.** - к.и.н., директор Одесского археологического музея НАН Украины**Демин О.Б.** - д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории**Дзиговский А.Н.** - д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины**Радзиховская Е.А.** - к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков**Руссев Н.Д.** - д.и.н., ректор Высшей антропологической школы (г. Кишинев)**Смынткина Е.В.** - д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины**Рецензенты:****Крыжицкий С.Д.** - акад. НАН Украины, доктор архитектуры.**Хмарский В.М.** - д.и.н., зав. кафедрой истории Украины

ISBN 966-7609-12-x

© Гермес, 2006

«ЛЕГКИЙ» АУРЕУС ЦАРЯ ФАРЗОЯ ИЗ ТИРЫ

Несколько лет тому назад мною были опубликованы шесть «легких» ауреусов сарматского царя Фарзоя с надчеканками, относящихся по классификации П.О. Карышковского к «переходной» группе монет этого царя и происходящих, по словам их владельцев, из Тире (Алексеев, 1998. С.6-10, 7. Рис.1; Алексеев, 2000. С.174-177, 175. Рис.1, 1-6). В 2003 г. в Белгороде-Днестровском был найден еще один «легкий» ауреус Фарзоя, но уже принадлежащий «второй» группе указанной классификации - с круговой надписью титула и имени царя на аверсе. Хранится в частной коллекции. Дадим его описание.

Л. с. Голова царя Фарзоя в диадеме вправо, перед ней кадуцей. Слева направо, по дуге вниз вдоль края монеты надпись - **ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΦΑΡΖΟΙΟΥ** («дзета» дана в зеркальном отражении).

О. с. Орел с приподнятыми крыльями в три четверти вправо держит в лапах тамгу. Внизу - буквы ОЛ, монограмма А и справа буквы АЛ. Точечный ободок. Золото. Д. 20х18 мм, в. - 7 г (табл., № 1).

Данная монета может быть отнесена по указанным признакам ко второй группе монет Фарзоя, к «легким» ее ауреусам по классификации П.О. Карышковского (1982. С.70, 68. Рис.1, 10, 12-15) или к третьей группе по классификации А.В. Орешникова (1921. С.227сл.).

Штемпели представляемой монеты, хотя и близки штемпелям двух изданных монет - берлинского (табл., № 2) и парижского экземпляров (табл., № 3) с магистратским сокращением АЛ (см. Карышковский, 2003. С.284, № 460а, 460б. С. 640. Табл. ССXXX, № 8, 9; Орешников, 1890. Табл. II, 9), но не тождественны им. Отметим наиболее важные отличия. На аверсе изломаны - левая часть петли кадуцей и левая верхняя его часть. Прическа царя не имеет обобщенный вид копны волос, «шапки» с валиком в надлобной части - пряди волос тщательно дифференцированы на всех участках прически. Детали лица царя трактованы в несколько иной манере.

¹ Название этому ауреусу «берлинский» дано по месту издания (см. Pick, 1898. Taf. XII, 7) - хранение данной монеты (из бывшего собрания Г.П. Алексеева) сейчас неизвестно (см. Карышковский, 1962. С.107, 113. Табл. II, 5).

Штемпель реверса также новый - главное отличие: отростки правой части тамги почти вплотную приближены к монограмме. Апейсы в буквах надписей на сторонах нашей монеты выделены более явно и имеются на большем числе букв (см. табл., № 1 и № 2, 3). Исходя из приведенных наблюдений над этими монетами, можно сказать, что их штемпеля вырезал, вероятно, один мастер, который, варьируя детали изображений их сторон и графику букв в надписях, сохранил единый для них стиль.

Изображения головы Фарзоя на этих трех его монетах однозначно свидетельствуют о том, что на них представлен «варвар» (см. Карышковский, 1982. С.70, 76) со специфическими этническими особенностями, но без утрированных и деградированных черт. Другие же монеты второй группы монет Фарзоя ясно демонстрируют упадок изобразительного мастерства (Карышковский, 1982. С.68. Рис. 1, 13-15. С.71). Поэтому, если не выделять из этой второй группы отдельные ее экземпляры в самостоятельную группу (это не позволяют сделать веса всех этих монет, близкие к 7 г - 6,97 г, 6,98 г, 6,95 г, 6,93 г (см. Карышковский, 1982. С.82. Приложение. № 10-13) и вес нашей монеты 7 г], то разделить вторую группу на две подгруппы вполне допустимо. 1-я подгруппа - монеты с удовлетворительным художественным исполнением головы царя, отражающим в обобщенной форме этнические признаки варварских племен (табл., № 1-3) и 2-я подгруппа - монеты с явно деградированными чертами в облике Фарзоя (см. Карышковский, 1962. С.113. Табл. II, 7-9).

Монеты второй группы, число которых (Карышковский, 1982. С.82. Приложение - № 9-14) после публикации нашей монеты увеличилось до семи, датируются П.О. Карышковским периодом времени с 68 г. (т. е. после денежной реформы Нерона 64 г. н. э.) до 82/83 гг. н. э., когда были отчеканены последние монеты Фарзоя (Карышковский, 1982. С.72). В.А. Анохин относит монеты этой группы к более сжатому отрезку времени - 69/70 гг. н. э. - 75/76 гг. н. э. (Анохин, 1989. С.69 сл. С.113. № 361-365).

Появление в Тире публикуемой монеты Фарзоя, как и ранее нами изданных шести его монет, можно объяснить двумя причинами: как результат торговых операций либо эти монеты занесены были случайно частыми передвижениями воинственных варварских племен.

Проведенные исследования специалистов разных профилей свидетельствуют, что Тира с середины I в. н. э., находясь под властью Рима, расширила свои торговые связи (Карышковский, Клейман, 1985. С.92; Сон, 1993. С.77-79). Показательным в этом отношении является то, что, несмотря на редкие находки монет Ольвии в Тире, большинство из них относится к середине и второй половине I в. н. э. Так, кроме ранее опубликованных шести золотых монет Фарзоя и представленного здесь ауреуса, отметим медные монеты Ольвии: два ассария Зевс - орел, два дупондия Аполлон-орел (Карышковский, 2003. С.293. Приложение 3. № 17), два тетрассария Писистрата Дадакова (Булатович, 1989. С.84; Алексеев, 1997. С.17. № 21) и два тетрассария II в. н. э. - с именем архонта Каллисфена и римского императора Септимия Севера (Карышковский, 2003. С.293. Приложение 3. № 17-8, 9), т. е. из 15 ольвийских монет, найденных в Тире, 13 относятся к середине и второй половине I в. н. э. Торговые интересы Ольвии могли обеспечить как Рим, так и варварские цари. В этом смысле, нам кажется, можно отчасти рассматривать фрагмент ольвийского декрета, в котором говорится о посольстве к гегемонам Мезии и царям Аорсии (Сидоренко, 1988. С.86 сл.). Если исходить из топографии находок монет Фарзоя, концентрирующихся в западном от Ольвии направлении, и понимать на основании этого районы с находками его монет как подвластные царю территории (Карышковский, 1982. С.76 сл.), то Тиру будет трудно представить как город, входящий в сферу влияния Фарзоя, или тем более как подчиненный ему полис. Ведь в Тире в середине I в. н. э. были выпущены монеты с надписью **ΙΕΡΑΣ ΣΥΝΚΑΝΤΟΥ** (священный сенат), а в 70-е гг. I в. н. э. были отчеканены медные монеты с головой императора Августа или Веспасиана и римским орлом, которые явно свидетельствуют о признании Тирой римской власти (Карышковский, Клейман, 1985. С.86. Рис. 28, № 7, 8. С.88). Союзные отношения между Фарзоем и Римом, возможно, существовали в период выпуска первых монет царя, статеров (50-60 гг.). Об этом позволяет догадываться присутствие на их реверсах изображения типично римского орла, держащего в лапах тамгу Фарзоя. Стиль этих орлов, как и на медных ольвийских монетах с Зевсом этого же времени, полностью соответствует изображению орлов на штандартах римских легионов и римских монетах I в. до н. э. и I в. н. э. (Карышковский, 1962. С.116. Табл. III, 1-5. С.119. При-

мечание № 124). Другим косвенным доводом, подкрепляющим это предположение, служит то, что Фарзой, как доказано специалистами, был правителем аорсов (Симоненко, Лобай, 1991. С.71-75, 85-88), а именно эти сарматские племена, как известно, поддерживали Рим в 40-х гг. I в. н. э. в римско-борспорской войне. С.Ю. Сапрыкин даже считает Фарзоя «римским клиентным правителем», ибо политика Рима в Северном Причерноморье, реализованная империей в отношении западнопонтийских полисов и Фракийского царства, по его мнению, сводилась к тому, чтобы «связать местных царей с греческими городами путем союза-симмахии, но под своей опекой, а позже превратить клиентное или вассальное государство в римскую провинцию» (Сапрыкин, 1997. С.54 сл.). Однако в период, когда начали выпускаться тяжелые ауреусы Фарзоя с 60 г. до 64 г. н. э. и легкие ауреусы с 64 г. до 82 г. н. э. (т. е. монеты переходной и второй групп) ([Карышковский, 1982. С.68. Рис.1, № 8-10, 12-15. С.72), то на их реверсах изображения орлов в римской транскрипции исчезают и вместо них предстают орлы, исполненные в сугубо ольвийской изобразительной традиции, хотя к этому времени несколько деградировавшей. И почти синхронно с этими изменениями совпадают осложнения в отношениях Рима и Фарзоя. Так, когда римляне до конца 60-х годов I в. н. э. были заняты борьбой с парфянами и в 68/69 гг. гражданской войной, то сарматские племена и, как полагают, аорсы Фарзоя (Симоненко, Лобай, 1991. С.87 сл.), воспользовавшись этим, дважды вторгались в Мезию (зимой 67/68 и 69/70 гг. н. э. - Тас. Hist., I, 79). Эти исторические события и набеги различных сарматских племен на дунайские границы Рима при Домициане в 89 г. и 92 г. н. э. не могли не затронуть в той или иной мере Тиру и дают основание предполагать, что публикуемый ауреус, как и ранее изданные шесть золотых монет Фарзоя, могли быть занесены в этот город и волнами варварских племен.

Таковы, по моему мнению, основные две причины, которые, возможно, объясняют появление семи «легких» ауреусов Фарзоя в Тире. После данного сообщения и предыдущих наших публикаций общее число монет Фарзоя, известных науке, возросло с 14-ти экземпляров (см. Карышковский, 1982. С.81-82. Приложение. № 1-14) до 21-го.

Ауреусы Фарзоя — 1 — публикуемая монета (в. 7 г),
2 — берлинский экземпляр (вес неизвестен),
3 — парижский экземпляр (в. 6,97 г).

Степень увеличения публикуемой и изданных монет различия.
1 — публикуемая монета, найденная в 2003 г. в Белгород-Днестровском.
2 — Pick B. Die antiken Munzen Nord-Griechenlands Berlin. 1898. Bd. I. Teil I. Tab.XII, 7; Карышковский П. И. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї // Археологічні пам'ятки УРСР. 1962. Т. XI. С. 113. Табл., II, 5.

Литература:

- Алексеев В.П. Редкие и неизданные монеты античных городов Северного Причерноморья. Одесса. 1997.
- Алексеев В.П. Новая монета царя Фарзоя // Древнее Причерноморье. Одесса. 1998.
- Алексеев В.П. Монеты царя Фарзоя из Тиры // Stratum plus. С.-Петербург - Кишинев - Одесса - Бухарест. 2000. № 6.
- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1989.
- Каришковський П.Й. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї // Археологічні пам'ятки УРСР. 1962. Т. XI.
- Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1982.
- Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. - IV в. н. э.). Одесса. 2003.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев. 1985.
- Орешников А.В. О монетах скифских царей с именем г. Ольвии // ЗРАО. Новая серия. 1890. Т. IV.
- Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1921. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари // Археологія. 1997. № 4.
- Сидоренко В.А. Фрагмент декрета раннеримского времени из раскопок под Мангуном // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов Крымской научной конференции. Симферополь. 1988. Ч. I.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев. 1991.
- Сон Н.А. Тира римского времени. Киев. 1993.
- Pick B. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Berlin. 1898. Bd. I. Teil. 1.

Абызова Е.А., Рябцева С.С. (Кишинев)

ИЗДЕЛИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЮВЕЛИРОВ ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ЦЕНТРОВ КАРПАТО-ПОДНЕСТРОВЬЯ

К настоящему времени известен довольно обширный круг ювелирных украшений, предметов декорировки пояса и конской сбруи, происходящих из золотоордынских центров зоны молдавских Кодр, исследуемых у сел Старый Орхей и Костешты. О работе ювелиров на этих памятниках свидетельствуют и находки инструментария.

В ходе археологических работ на городище Старый Орхей были найдены разнообразные ювелирные украшения, туалетные принадлежности, предметы личного христианского благочестия, детали декора одежды, пояса. Кроме того, выявлены значительные следы ювелирной деятельности - металлические матрицы, каменные формочки, тигельки, льячки, детали миниатюрных весов, ювелирная наковальня, металлические заготовки и полуфабрикаты, куски металлических пластин и проволоки. Ювелирный инструментарий был обнаружен, в том числе, и в составе комплекса ювелирной мастерской (Бырня, Рябой, 1989. С.97-103). Золотоордынские мастера использовали техники литья,ковки, пайки, чеканки, волочения, зерни и скани. На городище Костешты была найдена бронзовая пластинка, использовавшаяся для пробы чеканов.

Рассмотрим некоторые наиболее показательные находки украшений и предметов декорировки одежды и пояса, происходящие из памятников Карпато-Поднестровья золотоордынского времени.

Серьги в виде знака вопроса. На золотоордынских памятниках к украшениям, представляющим собой определенную серию, можно отнести только серьги в виде «знака вопроса». Эти украшения составляют одну из характерных особенностей золотоордынского металлического убора (Полякова, 2000. С.233). В XIII-XIV вв. они были распространены не только среди всех слоев городского и кочевнического населения Золотой Орды, но встречаются и далеко за ее пределами (Федоров-Давыдов, 1994). На городище Старый Орхей найдены бронзовые серьги с подвесками, декорированными глухими тиснеными, проволочными и стеклянными бусинами (Бырня, Рябой, 1989. С.98).

Серьги с каплевидной подвеской. Если серьги в виде «знака вопроса» являлись предметом интернациональной моды, сформировавшейся под ордынскими влиянием, то серьги с каплевидными подвесками не были так широко распространены. На городище Старый Орхей была обнаружена одна серебряная декорированная сканью подвеска от подобной серьги (Бырня, Рябой, 1989. С.99). Сходные украшения были обнаружены в могильнике Бабий Бугор в Поволжье и Чонгай VIII на Ставрополье (Ефимова, 1960. С.184; Полякова, 2000. С.234). Серьги из Бабьего Бугра декорированы янтарными вставочками, из Чонгай - костяными. Отдаленным прототипом для ордынских серег с каплевидной подвеской могут слу-

жить роскошные серьги работы китайских мастеров, у которых каплевидная форма буквально тонет в облаке ажурной скани (Полякова, 2000. С.235; Маршак, 1982. С.65). В дальнейшем, ордынские серьги с каплевидной подвеской послужили основой для сложения многообразных вариантов височных украшений и серег, характерных для этнографического костюма казанских татарок XIX- начала XX в. (Суслова, 1980. С.23-25).

Перстневидные колечки с драконьими головками. Небольшие перстневидные колечки, один из концов которых оформлен в виде головы змея-дракона, кусающего себя за хвост, также были типичны для ювелирного убора золотоордынского периода. В Старом Орхее найден один экземпляр подобного колечка (Бырня, Рябой, 1989. С.98). Датируются эти украшения второй четвертью XIV-началом XV в. и распространены в небольшом количестве на памятниках от Волгоградской обл. в России до Молдовы. Два подобных кольца были найдены, например, на могильнике Мамай-Сурка в Поднепровье (Ельников, 2001. С.142-19).

Трехбусинные серьги. Если на примере серег в виде «знака вопроса» мы можем говорить о влиянии золотоордынского ювелирного убора на убор населения Древней Руси, то в случае с трехбусинными серьгами речь идет о находках украшений древнерусского круга. В орхейской коллекции содержатся фрагменты серег с тисненными бусинами или бусинами, выполненными из цветных стеклянных бусинок. Примечательно, что тип застежки, представленный на этих украшениях, был характерен именно для древнерусской ювелирной традиции.

Подвески. О связи с древнерусской традицией свидетельствуют и находки на городище Старый Орхей трехрогих подвесок-лунниц (Бырня, Рябой, 1989. С.98). Кроме того, из покупок Национального музея истории Молдовы происходит несколько подвесок, найденных на городище Костешты. К ним относятся серебряная ажурная подвеска с характерным для золотоордынского ремесла «жемчужниковым» орнаментом по краю и бронзовая подвеска с прочеканенным криновидным узором.

Фибулы. Существовали у населения Старого Орхее и связи с прибалтийскими землями, напрямую или опосредованно, через Русь. О наличии подобных связей свидетельствует находка на городище небольшой бронзовой ложновитой фибулы с наконечника-

ми в виде зооморфных (драконьих?) головок. Подобные фибулы бытуют довольно продолжительное время (с XI- по XIV вв.) в древностях балтов, находят их и в слоях Новгорода этого же периода (Седова, 1981. С.89).

Птицевидные нашивки. В Старом Орхее были найдены фигурные нашивки, являющиеся дериватами птицевидных нашивок, известных по кочевническим захоронениям еще в X в. (Федоров-Давыдов, 1966. С.66, 67). Нашивки в виде распластанной птицы были найдены, например, в женском захоронении конца X - начала XI в., раскопанном у с. Лопас в Нижнем Поволжье (Филиппенко, 1959. С.240). Судя по расположению при костяке в этом погребении, подобные нашивки декорировали плечи и рукава одеяния.

Лотосовидные бляшки. Из раскопок городища Костешты происходит серебряная позолоченная ажурная лотосовидная бляшка, украшенная сканными завитками. Обратная сторона бляшки гладкая, слегка загнутая в лицевую сторону для удобства крепления боковой стенки. Хрупкая ажурная лицевая сторона украшения дополнительно укреплена серебряными пластинками. Аналогичные бляшки происходят из Алуштинского и Симферопольского кладов XIV в., из Херсонеса, из Болгар и из Тушкова Городка под Можайском (Крамаровский, 1982. С.69; 2001. С.328). Золотое украшение из Тушкова городка отличается от своих аналогов самой обильной и изысканной филигранью, дополненной зернью (Рабинович, 1957. С.45-52).

Если Тушков городок является, пожалуй, наиболее северной точкой, из которой происходит находка подобной бляшки, то наиболее западная расположена на территории Румынии. В 1953 г. при археологических раскопках на территории Сучавской крепости был обнаружен клад, в составе которого было найдено 190 золотых изделий и 745 барочных жемчужин. Среди украшений выделяется 171 золотая бляшка, декорированная сканью (один экземпляр имеет лотосовидную форму) (Manea, 1997. С.387-406). В целом набор бляшек из этого клада близок к находимым в золотоордынских памятниках Крыма и происходит, вероятно, из крымских мастерских.

Своеобразным «негативом» для подобных бляшек является изображение «арабского цветка», представленное на знаменитой «Шапке Мономаха». Если отдельные бляшки украшались внутри сканными завитками, то на Шапке крупные сканные завитки составляют фон, а сам цветок гладкий, опущенный на уровень основы

изделия, с контуром, обрамленным золотой проволокой и зернью (Спицын, 1909. С.76). Без опушки и наверхья Шапка Мономаха представляет собой низкий полусферический головной убор, тканый сканью, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, с каймой в нижней части и изображением «арабского цветка», находящий близкие аналогии в этнографическом головном уборе замужних монгольских женщин (Boyer, 1952. P.23).

Детали поясной гарнитуры и инструментарий для их изготовления. Кроме железных рамочных пряжек (Старый Орхей) и бронзовых поясных накладок и поясных крючков (Костешты), были найдены и отдельные фрагменты парадной гарнитуры. К ним относятся, например, массивная бронзовая пряжка со следами позолоты из Старого Орхея. Пряжка украшена прочеканенным орнаментом, сочетающим растительные мотивы и плетенку. О наличии у населения городища роскошных поясов с тисненными накладками мы можем судить по находкам инструментария ювелиров, изготовлявших их. По одному экземпляру матриц с фигурками ланей происходит с городища Старый Орхей (Бырня, Рябой, 1989. С.98) и Костешты (хранится в частной коллекции). На костештской матрице изображена лежащая лань с подогнутыми ножками. Сходная бронзовая матрица происходит из сборов Русского археологического института в Константинополе (Крамаровский, 2001. С.50). Роскошные пояса, детали конской сбруи и сабельных портупей, содержащие накладки с фигурками ланей, были найдены могильнике Таш-Башат в Таласской долине Киргизии, в погребении XIV в. в Хорезме, в урочище Гашун-Уста на Северном Кавказе. Основным периодом распространения подобных поясов, сформировавшихся, вероятно, под влиянием торевтики Китая, приходится на середину XIII - середину XIV в. (Крамаровский, 2001. С.46, 47, 56).

На городище Старый Орхей была найдена и половинка каменной литейной формочки, предназначенной для отливки поясной бляшки с кольцом в нижней части, служившей, вероятно, в качестве обоймицы для подвешивания колчана. Бляшка, отлитая в такой форме, должна была быть украшена растительно-геометрическим узором, основным элементом которого являлся вписанный в прямоугольник ромб. Подобные бляшки присутствуют в составе золотого пояса, выполненного предположительно в мастерских Крыма во второй половине XIV в., найденного при раскопках курганов в Акмолинской губернии (Сокровища, 2000. С.19).

Таким образом, пестрый этнический состав и разнообразные торговые и культурные контакты населения золотоордынских памятников Карпато-Поднестровья нашли свое отражение и в предметах металлической пластики. Здесь находят украшения и предметы декора одежды, пояса, впитавшие в себя китайские, печенежские, в широком смысле слова ордынские традиции, и украшения, имеющие славянские и балтские истоки.

Литература:

- Бырня П.П., Рябой Т.Ф. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхея. // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев, 1989.С. 97-103.
- Ельников М. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы. // Татар археологиясе. №1-2 (8-9). Казань, 2001.С. 142-190.
- Ефимова А.М. Могильник на Бабьем Бугре. // МИА №80. М., 1960.
- Крамаровский М.Б. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Маршак Б.И. Скань XIII в. на Ближнем востоке. // СГЭ XLVII. 1982.С. 63-66.
- Полякова Г.Ф. О датировке некоторых типов ювелирных изделий Волжской Болгарии. // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды ГИМ вып. 122. М., 2000. С. 232-236.
- Рабинович М.Г. Золотое украшение из Тушкова городка.//КСИИМК. М., 1957. вып. 68.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV). М., 1981.
- Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000.
- Спицын А.А. Бухарский клад и Мономахова шапка. // ИАК вып. 29. СПб., 1909. С. 73-81.
- Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX - начала XX в. М., 1980.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золото-ордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Филипченко В.А. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лопас. // СА, №2, 1959. С.239-242.
- Boyer M. Mongol jewellery. København. 1952.
- Manea Cristina Anton. Unele probleme referitoare la datarea tezaurul de la Suceava. // Cercetări arheologice X. Muzeul național de Istorie a României. București, 1997. P.387-406.

**ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
В НОВОРОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

Определяющим моментом отечественной науки о классической древности в последней трети XIX столетия становится поступательное оформление русского антиковедения в «полнокровную научную отрасль, служившую, по общему убеждению, фундаментом всего гуманитарного образования и гуманитарной науки» (Фролов, 1999. С.400). В этой связи интерес представляет оформление этой комплексной науки в стенах Новороссийского университета - уже в первые годы ставшего видным центром исследования северопонтийских древностей (Березин, Избаш, 2004). Тогда же начинается и чтение «официальной» для всеобщников дисциплины - греческой истории. Однако, «живые и горячие» лекции А.Г. Брикнера «сообщали различные мнения, но без окончательного вывода... что, впрочем, и понятно, так как профессор специалистом в древней истории не был», как не был эллинистом и другой преподаватель кафедры, Ф.К. Брун (Маркевич, 1890. С.198, 191) «Отдавало серьёзной наукой» и от курса Ф.И. Успенского, - «страстного византолога... кажется, смотревшего на чтение лекций как на какую-то назойливую причину, отвлекающую его от научных исследований в области своей любимой специальности» (Левитский, 1999. С.42). Его преемники, Р.Ю. Виппер и П.Н. Ардашев, также не углублялись специально в вопросы античной истории. Положение изменилось, лишь когда чтение было «поручено» специалистам-антиковедам, представителям кафедры классической филологии Э.Р. фон Штерну (1901/11) и М.И. Мандесу (1912/-) (Березин, 2001, 2002).

Показательно: именно «античники» первоначально выступили с позиций единства исторического и филологического начал на факультете. Прочным стержнем становится филологическая подготовка и практические навыки работы с источником: «...их было двое: Струве и Юргевич, - и из них только первый отличался известною долей терпимости, а Юргевич и вовсе знать не хотел о существовании чего-нибудь иного, кроме классиков, а потому с фанатической ревностью относился к занятиям его предметом»

(ИРНБУ. Ф1. Д.6650. Л.32об). Учёные значительно усилили позиции «классицизма» в университете - преподавательская деятельность (1865/70) профессора греческой словесности Ф.А. Струве удачно сочеталась с исследованием эпиграфических памятников и изучением древней топографии края (Березин, 2002б). Непосредственное руководство филологической практикой возлагалось на «младших» сотрудников кафедры - исполняющего обязанности доцента Д.П. Лебедева (1869/80) (ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1412) и преподавателя А.И. Солоникио (18.II.1872-17.VII.1873) (ГАОО. Ф.45. Оп.7. Д.41. Лл.1,8,11,18,53-54,60). В 1875 году на кафедру пришел доцент Л.Ф. Воеводский; «чтение» некоторое время «поручалось» профессорам В.Н. Юргевичу, И.В. Ягичу и Р.В. Орбинскому (1873/77), - однако, кадровая проблема была решена лишь с принятием нового Общего устава, объединившего «классическую филологию», упростившего процедуру приобретения прав приват-доцента и определившего трёхлетний стаж для получения штатной профессоры. В результате - молодое поколение антиковедов берёт руководство над бесконечными устными и письменными переводами, всевозможными «чтениями» и «интерпретациями», «разборами» и «объяснениями», студенческими рефератами и «сочинениями». С середины 80-х годов и до начала следующего столетия количество профессур по кафедре постоянно увеличивается (до четырёх), а число преподавателей достигает восьми (!) человек.

Мы прослеживаем и другую тенденцию - «представительства» на кафедре двух ведущих направлений в русском антиковедении: историко-филологического и культурно-исторического. Так, ученики профессора Ф.Ф. Соколова, А.В. Никитский и С.А. Селиванов (1885/97; 1896/04) устанавливают традицию «чтений со студентами важнейших для истории надписей собственной Эллады» и «введений в эпиграфику» - оба учёных получили практические навыки работы в Греции, а непосредственным результатом их исследований стали основанные на авторском материале публикации (Березин, 2003). Не меньший авторитет приобретает и второе направление, представленное учеником К.Я. Люгебиля Л.Ф. Воеводским (1875/98), подвергнувшим всестороннему анализу методами смежных дисциплин древнейший период греческой истории (Березин, 2000). В «культурно-историческом» ключе выдержаны и работы «харьковского» профессора А.Н. Деревницкого (1894/05) -

видного деятеля народного просвещения, жизнь и творчество которого только недавно стали предметом исследования (Урсу, 1999; Непомнящий, 1999; Левицкая, 2000; Березин, 2000б, 2001б, 2004).

Более трёх десятилетий (1884/11) в Одессе работал Э.Р. фон Штерн - «один из самых выдающихся ученых-классиков, чьи научные интересы простирались на все области античной истории - греческую, римскую и причерноморскую, а занятия отличались сочетанием работы историка, археолога и искусствоведа» (Фролов, 2000. С. 15). Непосредственными «продолжателями» исследования северопричерноморских древностей стали Б.В. Фармаковский и М.Ф. Болтенко; к числу его учеников принадлежат «исследователь греческой исторической традиции» М.И. Мандес и «знаток греческих религиозных представлений и верований» Е.Г. Кагаров, оба - в своё время (с 1894/ и 1911/12) преподававшие в Новороссийском университете. Архивные документы позволяют более полно осветить историю создания «одесской школы» профессора Э.Р. фон Штерна.

«Старший» из его учеников (родился 31.I.1866), двадцатилетний турецко-подданный Михаил Мандес подаёт прошение о зачислении его в Новороссийский университет для изучения юриспруденции, но через пять лет мы встречаем его фамилию уже в списках студентов, сдавших VIII-й семестр историко-филологического факультета (ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1867; Оп.12. Д.494). Готовясь к магистерским экзаменам по классической филологии, после долгой беседы с профессором Ф.Е. Коршем (не отличавшемся особым желанием общаться по-дружески со студентами), молодому учёному открылась вся «ширина данной специальности», о которой он и не подозревал: «...это был жестокий и суровый, но необходимый урок» (Мандес, 1915). Но не последний для сына приказчика (ГАОО. Ф.Р-1593. Оп.1. Д.210. Л.4), даже и заручившегося «обещанием содействия» и «влиятельной поддержкой» И.В. Помяловского (РОРНБ. Ф.608. Д.984). Здесь мы наблюдаем первое «руководство» профессора судьбой своего ученика (РОРНБ. Ф.608. Д.1450): «...по моему предложению факультет ходатайствовал об его оставлении при университете, но министерство на это не согласилось, несмотря на то, что господин Мандес уже тогда принял православие. [...] Между тем [он] успешно сдал магистерский экзамен и факультет постановил в виду блестящих результатов этого экзамена и

весьма выдающихся сведений, обнаруженный Мандесом как на испытании, так и в конкурсной работе» - ходатайствовать о его заграничной командировке с вознаграждением в 1200 рублей в год и «поручить декану лично возить это дело в С.-Петербург...» Но болезнь В.К. Надлера не способствовала быстрому разрешению дела и, как секретарь факультета, и «как лицо, с самого начала заинтересованное дальнейшей судьбой Мандеса», Э.Р. фон Штерн «беспокоит просьбой»: «...нельзя ли будет узнать, в чём остановка [«спеша присовокупить»] что «формальное препятствие, выставленное прежде министерством, ныне более не существует, [- он] принят в число русских подданных и недавно приведён был к присяге». В результате, только 15.VI.1894 последовало разрешение попечителя на проведение занятий в университете в должности приват-доцента. Курсы были объявлены, но прочитаны не были - 20 сентября учёный отправляется в командировку за границу (ГАОО. Ф.Р-1593. Оп.1. Д.210. Л.4), и с 1897/98 учебного года приступает к работе на кафедре.

Ранее мы уже рассматривали биографию и научное наследие М.И. Мандеса (Березин, Избаш, 1997; Березин, 2000), однако, некоторые моменты не получили полного раскрытия. Так, 15.XII.1915 он становится «старшим ассистентом», 20.XI.1919 - экстраординарным профессором. Однако, ещё 3.IX.1918 он был «подвергнут испытанию на замещение профессуры по кафедре классической филологии»: при восьми голосах «за» и одном воздержавшемся, один голос был «против» - голос его коллеги по кафедре, профессора Б.В. Варнеке (причём последний должен был «предоставить о своём отказе мотивированное заявление») (ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1466. Л.11-11об). Возможно, объяснение содержит личная переписка Б.В. Варнеке, в конце 1909 года сообщавшего Э.Р. фон Штерну что «главнейшей причиной, заставляющей меня желать переезда на юг, является тяжёлая и хроническая болезнь жены, которая, как уроженка Киева, не переносит климата Казани» (ИРНБУ. Ф. V. Д.2234). В начале 1912 года мнение учёного изменилось: «в Одессе я устроился великолепно. В университете, кроме ординатуры, я имею ещё поручение по истории Рима, да на женских курсах, где я состою деканом, я читаю ещё восемь лекций. Разве могу я в Киеве, при обилии у Вас профессоров, рассчитывать на такой заработок? [...] С товарищами по факультету у меня наилучшие от-

ношения и это тоже заставляет меня стыдиться уйти из Одессы только на столь же хорошие условия» (ИРНБУ. Ф. I. Д. 9757). А через два года (ИРНБУ. Ф. I. Д. 9758). Б.В. Варнеке «...уже избаловался. Здесь я *хозяин кафедры* (*курсив наш - С.Б.*) а в Киеве при таких крупных профессорах, как Ю.А. [Кулаковский] и сотни гораздо более заслуженных перед наукой и знающих, я, конечно, должен был бы перейти на дьяконское положение, а это не интересно...» - не в этом ли ответ на вопрос, почему доктор греческой словесности М.И. Мандес не получил *ординарную* профессию в Новороссийском университете?

Не меньший интерес представляет и биография «кавказского стипендиата» Е.Г. Кагарова (ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1324), по предложению Э.Р. фон Штерна оставленного (с 15.VI.1906) на два года при Новороссийском университете для подготовки к профессорскому званию (Л. 1-7). Его отчёты о занятиях за границей были признаны удовлетворительными, два из них «удостоились особенно высокой оценки», а один - был признан «выдающимся»; магистерские экзамены и прочтённые пробные лекции «обнаружили его солидные научные познания и хорошие лекторские способности, почему решение факультета о принятии Кагарова было принято единогласно» - и вскоре он становится (21.VI.1911) приват-доцентом кафедры классической филологии (Л. 65, 71, 85). Он объявляет «объяснение» Фукидида и чтение рекомендованного для классического отделения курса по античным сакральным древностям, но... с 12 декабря 1911 года приват-доцент Е.Г. Кагаров был «перемещён» в той же должности в Харьковский университет (Л. 78-80, 85-86об). Мы полагаем и небезынтересными для истории «одесской школы» сведениями, содержащимися в личной переписке Е.Г. Кагарова и Э.Р. фон Штерна (ИРНБУ. Ф. V. Д. 2331-2341), однако эта информация ещё требует уточнения.

Подводя итог, отметим актуальность дальнейшей разработки вопросов истории оформления антиковедных дисциплин в Новороссийском университете, и в целом - развития науки о «классической древности» в последней трети XIX века - начале XX столетия. В этой связи несомненный интерес представляет деятельность «одесских учёных», профессоров и преподавателей кафедры классической филологии.

Литература:

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И.Вернадского:

Ф. I. (основной). Д. 6650. Афанасьев Г.Е. «Что-то вроде чего-то» / дневник. 42 л.

Ф. I. Д. 9757. Письмо Варнеке Б.В. к Ардашеву П.Н. 4.II.1912. 2 л.

Ф. I. Д. 9758. Письмо Варнеке Б.В. к Ардашеву П.Н. 16.I.1914. 5 л.

Ф. V. (Одесское общество истории и древностей). Д. 2234. Письмо Варнеке Б.В. к Штерну Э.Р. 19.XI.1909. 1 л.

Ф. V. Д. 2331-2341. Письма Кагарова Е.Г. к Штерну Э.Р. 1905(?); 1909-1911. 10 л.

Рукописный отдел Российской национальной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина:

Ф. 608. (Помяловский И.В.). Оп. 1. Д. 984. Письма Мандеса М.И. к Помяловскому И.В. 28.IX(5.X)1891, 26.III.1892. 2 л.

Ф. 608. Оп. 1. Д. 1450. Письмо Штерна Э.Р. к Помяловскому И.В. 26.XII.1893. 6 л.

Государственный архив Одесской области:

Ф. 45. (Новороссийский университет). Оп. 4. Д. 1324. Личное дело Е.Г.Кагарова. 88 л.

Ф. 45. Оп. 4. Д. 1412. Формулярный список о службе исполняющего должность доцента Императорского Новороссийского университета коллежского советника Лебедева (1874). 9 л.

Ф. 45. Оп. 4. Д. 1466. Личное дело Мандеса [М.И.]. 17 л.

Ф. 45. Оп. 4. Д. 1867. Прощение о зачислении в студенты юридического факультета от турецко-подданного Михаила Мандеса. 15 июля 1886 г. Л. 170.

Ф. 45. Оп. 4. Д. 2601. Переписка декана историко-филологического факультета (1894). 72 л.

Ф. 45. Оп. 7. Д. 41. Дело о приват-доцентах Императорского Новороссийского университета Солоникио и Армфельде (1871-1873). 62 л.

Ф. 45. Оп. 12. Д. 494. [список студентов сдавших VIII семестр]. 3.VI.1891. Л. 1.

Ф.р-1593.(Институт Народного образования). Оп. 1. Д. 210. Личное дело М.И. Мандеса. 22 л.

Березин С.Е., Избаш Т.А.: М.И.Мандес: историк, филолог, искусствовед (по материалам фондов Государственного архива Одесской области) // Записки историчного факультету. Вип. VII. Одеса, 1998. С. 152-157; Изучение античных памятников Северного Причерноморья в первые десятилетия деятельности Новороссийского университета // Borysthenika. Николаев, 2004. С. 66-72.

Березин С.Е.: Античная история в Новороссийском университете: про-

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОСМАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ЧЕТАТЯ АЛБЭ

Южные приморские города - Кила (Килия) и особенно Аспроскастро (Четатя Албэ, Белгород) - играли исключительную роль в экономике и политической истории средневекового Молдавского княжества в эпоху его наивысшего расцвета в XV веке (Iorga, 1899. P.13-14). Города эти играли роль «морских ворот» Молдовы, через которые шла львиная доля собственно молдавской, а также транзитной торговли княжества.

Белгород-Аспроскастро стал значительным торговым центром еще в золотоордынскую эпоху. Уже тогда весомую, если не основную роль в его торговой активности играла транзитная торговля зерном, производившимся во владениях Королевства Польского и Великого княжества Литовского и продававшимся на южноевропейских рынках, в Испании и Италии (Русев, 1999. С.67, 73). После подчинения южных городов и всего региона Молдавии эта торговля заметно возросла. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что небольшое княжество, окруженное агрессивными соседями, вынуждено было признать вассальную зависимость от Польши - дабы избежать как венгерской и турецкой угроз, так и прямой аннексии Польшей. Этот акт существенно активизировал экономические связи Молдовы с северным соседом.

Белгород становится главным портом страны, через который проходит вообще почти весь ее экспорт. Такое положение фиксируется уже в последней четверти XIV века, когда появляется самый термин «молдавский шлях» (Via valachica), обозначавший транзитную дорогу от Львова до Четатя Албэ. С 1380-х гг. фактическим монополистом всей польско-молдавской торговли и зернового экспорта-транзита в особенности, постепенно становится львовское купечество. К концу «молдавского века» истории города, по привилегии 1475 года, дарованной господарем Штефаном чэл Марэ, львовская купеческая гильдия официально монополизировала зерновой транзит через Молдову (Подградская, 1974. С.298-307). Морскими монополистами зерноторговли, принимавшими в Четатя Албэ товар у львовских коллег и развозившими его по Европе,

фессор Леопольд Францевич Воеводский // Записки історичного факультету. Вип.Х. Одеса, 2000. С.59-65; Биографии историков - профессоров и преподавателей Новороссийского университета (по материалам Фондов Государственного архива Одесской области) // «Архів. Документ. Історія. Сучасність». Одеса, 20006. С. 266-269; Кафедра всесвітньої історії в структурі історико-філологічного факультету Новоросійського університету: 1866-1916 рр. // Записки історичного факультету. Вип. XI. Одеса, 2001. С. 332 - 338; Крымский период жизни профессора А.Н. Деревницкого // «Музей.Історія.Одеса». Одеса, 20016. С. 147-148; Проблеми всесвітньої історії в науково-дослідницькій та педагогічній діяльності професорів і викладачів Новоросійського університету: основні напрямки // Записки історичного факультету. Вип.XII. Одеса, 2002. С.290-300; Новые материалы к биографии Ф.А. Струве // Археологія та етнологія Східної Європи: крок молоді у XXI століття. Одеса, 20026. С.38-41; Греческая эпиграфика в Императорском Новороссийском университете: исследование и преподавание // «Древнее Причерноморье». V-е Чтения памяти профессора П.О. Карышковского (2001). Одесса, 2003. С.18-22; А.Н. Деревницкий (опыт научной биографистики) // «Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра» (2002) Ялта, 2004. С. 100-106.

Левитский А. Из студенческих воспоминаний (памяти А.И. Кипичникова и А.И. Маркевича, профессоров Новороссийского университета) // Новороссийский университет в воспоминаниях современников / авт.-сост.Ф.А. Самойлов. Одесса,1999. С.42-43.

Левицкая З.Г. О профессоре А.Н. Деревницком, первом декане историко-филологического факультета Таврического университета // Пилигримы Крыма. 2000. Т.1. С. 107-111.

Мандес М.И. Памяти Ф.Е.Корша // Одесский листок. 1915. - №50. 21 февраля. С.5.

Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. VII+733+LXXXIVс.

Непомнящий А.А. Слово о первом декане (А.Н. Деревницкий) // Учёные записки Таврического национального университета. №12. Т.1. С. 118-123.

Урсу Д.П. Перший декан // Кримська світлиця. 1999, 24 вересня.

Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. 544с.; Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон Штерн (1859-1924) // Публикации Центра антиковедения СПбГУ - <http://www.centant.spb.ru>,2000. (19с.)

еще с середины XIV века были генуэзцы. Белгород в XV веке становится одним из крупнейших городских и коммерческих центров Восточной Европы; на территории в пределах современных границ Украины с ним могли поспорить только Львов и Каффа.

Наряду с экономической мощью, весьма значительной была и молдавском государстве и политическая роль города Аспрокастро. Самое присоединение его к Молдове было постепенным. На протяжении почти двух десятилетий в качестве соправителя Приморья (Параталассии) с центром в Аспрокастро, фиксируется некий Костя Витязь. В Быстрицкой летописи он даже удостоен титула воеводы (т.е., господаря всей Молдовы); документ из Каффы 1386 г. фиксирует отправление посольства в Монкастро (т.е., тот же Белгород) к державным лицам, названным «Constantino et Petre vevoda», что в буквальном прочтении кажется обращением к равноправным соправителям; в вассальной присяге Александру чэл Буна польскому королю Владиславу Ягайле (1402 г.) Костя является лицом, которое берет на себя гарантию «тримати померение» между королем польским и молдавским господарем - ясно, что это был сановник очень высокого ранга (Бырня, 1997. С.112-114).

Молдавское присутствие в городе было в первую очередь военным. В городе стоял молдавский гарнизон во главе с комендантом (пыркэлабом); в значительной степени усилиями молдавских господарей Белгород был превращен в первоклассную крепость (известен целый ряд строительных надписей, относящихся к XV -му веку). Но политический статус города оставался особым, ибо существовала городская коммуна.

Мнение о том, что это была генуэзская колония, не находит подтверждений в источниках; еще один документ из Каффы (от 1410 г.) отмечает наличие в Монкастро генуэзского поселения, которое не имеет даже статуса фактории (Iorga, 1899. P.34). Напротив, известен такой важный символ автономии Белгорода, как городской медный чекан середины XV века, фиксирующий основным греческое название города - Аспрокастро. В источниках неоднократно упоминаются «rectores», «начальников», «civitas» - среди таковых источников и «Житие Иоанна Нового», и официальные акты правительств Венеции и Генуи (последний, датируемый 1458 г., не оставляет сомнений, что город и тогда не принадлежал Республике Сан-Джорджо) (Iorga, 1899. P.73-75).

В середине века политический статус Белгорода еще более повысился. Междоусобная война сыновей Александру чэл Буна привела в 1435/1436 гг. к разделу страны. Обособилась южная ее часть, столицей которой стал Четатя Албэ, а князем - Штефан II или Стечко, мать которого Станка происходила из «ректоров» Белгорода. (Характерны типично болгарские огласовки имен матери и сына, отмечающие наличие в Аспрокастро не только греческого, но и болгарского патрициата). Стечко в 1442 г. захватил Сучаву и вновь объединил страну. Белгород после этого, вероятно, увеличил степень своей автономии - даже пост пыркэлаба занял местный «жупан» Станко, вероятно, родственник матери господаря, а город к чеканке медной монеты добавил надчеканку джучидского серебра. А в 1456 году господарь Петру Арон особой привилегией *подтвердил* (курсив мой - Г.Б.) за Аспрокастро статус свободного порта (Iorga, 1899. P.60-61, 85).

Вступившему на молдавский трон в 1457 г. Штефану чэл Марэ удалось постепенно подчинить белгородскую коммуну и пресечь автономный монетный чекан. Но он не посмел посягнуть на привилегию *porto franco*, а гарнизон получил двух комендантов - одного назначали из Сучавы, но другого избирали «начальники» города (Iorga, 1899. P.87, 91).

Османский султанат, рожденный на Анатолийском полуострове, изначально был черноморской державой и имел свою черноморскую политику. К концу XIV века он объединил Малую Азию и большую часть Балкан, и распад империи, наступивший после поражения от Тимур-ленга под Анкарой в 1402 г., оказался временным (Иналджик, 1998. P.18-24). Экспансия Османов на северные берега Черного моря явственно оформилась уже после воссоединения султаната.

Впервые османский флот появился под стенами Аспрокастро в 1420 г., когда в Анатолии еще продолжалась междоусобица наследников Баязида Йилдырыма. Силы этой экспедиции нам неизвестны, но турецкий десант смог «осадить» крепость; впрочем, гарнизон и горожане легко справились с набегом. В 1453 году в руки султана Мехмета Фаттихха попадает главная стратегическая гавань Черноморья: Константинополь становится Истанбулом. Уже в следующем году мощная эскадра капудан-паши Тимиркая (по разным данным, от 50 до 60 судов) выходит в Черное море. Первой же

ее целью стал Аспрокастро (Гонца, 1984. Р.18-19, 22). Ни Белгорода, ни гетуэзской Каффы Тимиркаю взять не удалось, но демонстрация силы сделала свое дело: и Республика Сан-Джорджо, и господарь Петру Арон предпочли углублению конфликта с Османами выплату дани.

Штефан чэл Марэ возобновил войну с Турцией. В 1475 г. османский флот взял Каффу, от которой направился к устью Днестра. Однако турки не успели даже высадить весь десант, сброшенный в море дерзкой атакой гарнизона и ополчения. В следующем году сам Мехмет II возглавил новый поход. Молдавские войска были разбиты, страна почти полностью оккупирована, но героическая оборона ряда городов и вспыхнувшая эпидемия заставила турок отступить: выиграв битву, султан проиграл войну. Четатя Албэ атаковали татары мурзы Эминака; и крымский отряд, и очередной турецкий десант были разбиты; белгородцы успели даже прийти на помощь под Килию (Гонца, 1984. Р.35-41). Силы, однако, были слишком неравны. Сын Мехмета султан Баязид Вели лично возглавил очередной поход в мае 1484 года. В июле пала Килия, после чего, как лаконично сообщает большинство молдавских летописей, «аугуста пятого в сряду», пал и Четатя Албэ. В мерах по закреплению завоеванного, 199 богатейших семей города, преимущественно греков, в 1485 г. были выселены в Анатолию (Iorga, 1899. Р.161).

Турецкая экспансия в регионе традиционно считается стратегической. Широко известно высказывание Мехмета II, посвященное экспансионистским целям султаната в Европе: «Пока Кила и Аккерман находятся в руках влахов, а у венгров - сербский Белград, нам не видеть побед». В самом деле, после превращения Черного моря в османское озеро Белгород довольно быстро перестает быть важным торговым центром и сколько-нибудь значительным городом. Но это только один аспект проблемы.

Немалая доля международных торговых контактов молдавского Аспрокастро приходилась на южное направление, связывавшее его с Малоазийским полуостровом. Османы сохранили традиционные связи с северным побережьем Черного моря, заложенные еще в византийские времена. Турецкая торговля и в XIV, и в XV веке активно велась через Четатя Албэ. Из Турции ввозилось свыше ста двадцати наименований товаров - от парчи и шелка из Бурсы и критского вина до измирского стекла и обуви из Эдирне. Вывозили

же воск, мед, металлические изделия, отчасти опять-таки зерно; немалую часть вывоза составляли транзитные товары из Польши и Литвы. Белгородско-анатолийскую торговлю активно вели подданные Османского султаната (вскоре после завоевания Белгорода, за один только 1490 г. в порт Аккермана прибыло двадцать пять кораблей из Анатолии, из которых пятнадцать принадлежало османским грекам и шесть - мусульманам). Сразу после взятия города Баязид II специальным фирманом подтвердил существование *porto franco* (Иналджик, 1998. Р.143-145). На этом фоне нельзя не отметить тот факт, что престижная столовая раннеосманская керамика XIV-XV вв. (т.н. керамика «милетской серии») составляет весомый процент керамического импорта эпохи в средневековых слоях Белгород-Тирского городища (в среднем, до 46%!) (Богуславский, 2002. Р.271-273). Данная категория керамики является бесспорным материальным выражением связей золотоордынского и молдавского города с раннеосманской Анатолией, коррелируя с вышеуказанными данными письменных источников.

Таким образом, несомненной представляется экономическая заинтересованность Османского султаната в богатом портовом городе на северо-западе акватории Черного моря.

Целью Османов не был подрыв его экономического значения. Но именно турецкое завоевание предопределило упадок Белгорода. Город слишком сильно зависел от *транзитной* торговли. Ситуация, когда на торговой дороге через Аккерман слишком многое стало зависеть от султаната, сделала ее экономически невыгодной. Среди этих факторов и продолжение войн Турции с Польшей и Литвой, и крымские набеги, и дополнительные пошлины, и самый факт того, что из Черного моря можно было выйти только по воле Османов, господствующих на Босфоре. Выгодней стало экспортировать зерно в Европу сушей через Силезию или Балтикой через Гданьск, и умеющее считать прибыли купечество быстро переориентировало направление своей активности (Подградская, 1974. С.305-306). Именно этим, а отнюдь не злонамеренной политикой завоевателей, и объясняется упадок османского Белгорода.

Литература:

Богуславский Г.С. Поливная керамика из раскопок Белгород-Тирской экспедиции (1996-1998 гг.) // *Tyras - Cetatea Albă - Belhorod-Dnistros'kyj*. - I. București, 2002.

Быряня П.П. Из истории молдавского Белгорода - Четатя Алба // Аккерманские древности. - Вып. 1. - Белгород-Днестровский, 1997.

Гонца В. Молдавия и Османская империя в последней четверти XV - первой четверти XVI вв. Кишинев, 1984.

Иналджик Г. Османска империя. Класична доба 1300-1600. К., 1998.

Подградская Е.М. Торговые связи Молдавии со Львовом в XV-XVI вв. // Польша и Русь. М., 1974.

Руссев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII-XIV вв. Кишинев, 1999.

Iorga N. Studii istorice asupra Chiliei și Cetății Albe. - București, 1899.

Буйских С. Б. (Киев)

ГРАФФИТИ VI-III ВВ. ДО Н.Э. НА СЕРОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

В литературе распространено мнение о том, что большинство ольвийских граффити размещалось, как правило, на чернолаковых аттических сосудах и их фрагментах (Леви, 1964а. С.140; Русяева, 1987. С.139), а на керамике других групп, и, в первую очередь, сероглиняной - они встречаются чрезвычайно редко (Леви, 1956. С.71). Это положение может быть признано верным для других античных центров Северного Причерноморья, в частности - для Херсонеса (Соломоник, 1978. С.13). Однако, подобная оценка возможностей ольвийской серой керамики, как эпиграфического источника, устарела. Вопреки ей, этот материал, собранный воедино, показывает если не его массовость для нижнебугского региона, то, по крайней мере, частую встречаемость среди других эпиграфических находок из раскопок Ольвии и ее сельской округи.

В первую очередь, назовем посвятельные надписи. Это - целый ряд греческих граффити на сероглиняных сосудах из Березани, Ольвии и Бейкуша с посвящениями Афине (Яйленко, 1982. С.288, № 90), Аполлону (Яйленко, 1980. С.99, № 58; Русяева, 1986. С.45; 1987. С.145; Виноградов, Русяева, 2001. С.139, № 21-22) и Ахиллу (Русяева, 1979. С.127, 136). Последних особенно много в районе Бейкушского святилища (Русяева, 1971. С.22 - 29; 1979, С. 127-136; Отрешко, 1977. С.41, № 1-5; Буйских, 1991. С. 11-12; 2001, С.35).

На некоторых сероглиняных сосудах из Ольвии сохранились и имена посвяtitелей даров почитавшимся божествам. Это - Батон, Никион (Яйленко, 1980 а. С.82, № 77; С.93, № 98), Аристотель (Русяева, 1987. С.146) и Симиия [Толстой, 1953. С.31, № 40].

Такие имена владельцев сероглиняных сосудов как Гиппий, Адей (Яйленко, 1980 а. С.96, № 105 а; С. 99, № 118), Смикий (Яйленко, 1982. С.282, № 5; Русяева, 1987. С.149), Ксанф (Виноградов, 1971. С.237-238) и Гекатей (Русяева, 1971. С.183) сообщают нам граффити из Ольвии, Березани и хоры. Ещё два имени на серой керамике известны по надписям другого рода. Первое, мужское - Тихон - зафиксировано в бытовом стихотворном граффити на горлышке сероглиняного кувшинчика середины VI в. до н. э. (Яйленко, 1982, С.299, № 166). Второе имя, женское - Филина - содержится в надписи дарственного характера на плечиках закрытого сосуда IV в. до н. э. Яйленко, 1982. С.305, № 177).

Отметим некоторые другие надписи на ольвийской сероглиняной керамике. Так, например, граффити VI в. до н. э.: «Пусть никто не украдет меня!», прочерченное по дну небольшого сероглиняного блюда с Березани (Штерн, 1910. С.50; Яйленко, 1979. С.53-54, №1; Русяева, 1987. С.150) имело магический или охранительный характер. Уникальным эпиграфическим документом, свидетельствующем о присутствии серой керамики как товара на внутреннем рынке Ольвии, является граффити на дне сероглиняного открытого сосуда, гласящее: «Гиппий купил». По оценке публикатора граффити - «это пока единственное прямое свидетельство о торговле керамическими изделиями в Нижнем Побужье» (Яйленко, 1980 а. С.96, № 105 а). Показательно, что подобное граффити связано с гончарным изделием именно из серой глины. С этим граффити по начальной форме составления надписи и по смыслу перекликается и другое, относящееся еще к первой половине VI в. до н. э.

Вырезанное на внешней стороне сероглиняной (с лощением) чаши ольвийского производства, оно гласит: «Ксанф подарил [ведь нет у него киликов] ценных» (Виноградов, 1971. С.232 сл.; Русяева, 1987. С.148). Эта надпись говорит о доступности и популярности местной серой посуды среди ольвийского населения. Уникальной и весьма примечательной репликой на агораномные клейма ольвийских мерных сосудов является граффити IV в. до н. э. из сельской округи. Имеется в виду фрагмент стенки серолощенного от-

крытого сосуда из раскопок Глубокой Пристани (Былкова, Буйских, 1993. С.16; Былкова, 2000. С.131; рис. 4, А-4) с отчетливо вырезанной надписью **ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΙ[ΚΟΝ]**. Данное слово представляет собой одну из распространенных в это время форм этника ольвиополитов (Каришковський, 1973. С.101; Зуц, 1975. С.37 сл.).

Весьма часто на сероглиняных сосудах догетского времени (особенно архаических) встречаются одно - двухбуквенные граффити (Леви, 1956. С.71; Отрешко, 1977. С.42; Крыжицкий и др., 1989. С.86, 144; Былкова, 2004. С.73-75; Яйленко, 1980. С.89, № 13; 1982, С.284, № 16, С.285, № 43, С.286, № 63, 67, 79, 80), вероятно, являющиеся метками владельцев. Для эллинистического времени отметим также граффити на дне сероглиняного сосуда из раскопок ольвийской агоры, читаемое как ΧΑΙΡΕ (Леви, 1956. С.71). Особо выделим березанское граффити классического времени на стенке сероглиняной миски, свидетельствующее о «первых упражнениях учащегося по овладению алфавитом» (Яйленко, 1982. С.306, № 181).

Приведенные (далеко не полные) данные о граффити на сероглиняной керамике являются существенным аргументом в пользу отнесения ее к одному из важных этнопоказателей греческого этноса Нижнего Побужья в рассматриваемое время. Помимо этого, простая серая керамика также служит своеобразным зеркалом грамотности населения полиса, причем, очевидно, не самых его верхних слоев, но с самого раннего времени. Последнее лишнее раз подтверждает то, что в этнокультурном плане колонизация Нижнего Побужья была с самого начала в массе греческой (Буйских, 2004. С.46 сл.; 2005. С.15; Буйских, 2004. С.32) и опровергает точку зрения С.Л. Соловьева о том, что компоненты эллинского культурного фонда в регионе в первой половине VI в. до н. э. якобы представлены крайне слабо и большую часть его жителей составляли в это время туземцы (Соловьев, 2000. С.298-299; Solovyov, 1999. P.30, 55-56).

Серую гончарную керамику можно с полным основанием поставить в один ряд с теми устойчивыми этнографическими признаками, которые в целом определяли вначале культуру и быт ионийских переселенцев в Нижнее Побужье, а затем и граждан Ольвийского полиса - ольвиополитов (Крыжицкий и др., 1989. С.221), что и подтверждают приведенные граффити.

Литература:

- Буйских С.Б. Новые эпиграфические находки с Бейкушского поселения // Древнее Причерноморье. Тез. докл. II чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 1991.
- Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу // Хсб. XI. 2001.
- Буйских С.Б. Ольвия и варвары в VI-V вв. до н. э. // ССПК. XII. Запорожье, 2004.
- Буйських С.Б. Етнокультурні штрихи до картини еллінської колонізації Надчорноморщини // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 4. Київ, 2004.
- Буйских С.Б. Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья // БИ. IX. Симферополь - Керчь, 2005.
- Былкова В.П. Поселения на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинистических отношений // АВ. Вып. 7. 2000.
- Былкова В.П. Граффити с Белозерского поселения // BORYSTHENIKA. Николаев, 2004.
- Былкова В. П., Буйских С.Б. Раскопки Глубокой Пристани // АДУ 1991 р. Луцк, 1993.
- Виноградов Ю.Г. Из истории архаической Ольвии // СА. 1971. № 2.
- Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Граффити из святилища Аполлона на Западном теменосе Ольвии // Хсб. XI. 2001.
- Зуц В.Л. Громадянська община ольвіополітів догетського часу // Археологія. 1975. Вип. 16.
- Каришковський П.О. Про державний устрій Ольвії // УІЖ. 1973. № 2.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Леви Е.И. Ольвийская агора // МИА. 1956. Вып. 50.
- Леви Е.И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.-Л., 1964.
- Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977.
- Русяева А.С. Разведки и раскопки поселений близ Ольвии // АИУ в 1968 г. Вып. III. Киев, 1971.
- Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.
- Русяева А.С. Милет - Дидимы - Борисфен - Ольвия // ВДИ. 1986. № 2.
- Русяева А.С. Эпиграфические памятники // КНООАВ. Киев, 1987.
- Русяева А. С. Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о - ва Березань // Археологія. - 1971. - Вип. 2.
- Соловьев С.Л. Архаическая Березань (историко-археологический очерк) // АВ. 2000. Вып. 7.

Соломоник Э.И. Введение // ГАХ. Киев, 1978.

Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.-Л., 1953.

Яйленко В.П. Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. 1979. Вып. 159.

Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. Ч. I // ВДИ. 1980. № 2.

Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. Ч. II // ВДИ. 1980 а. № 3.

Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н. э. М., 1982.

Булатович С.А. (Одесса)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ТИРЫ

Одним из важнейших направлений изучения нумизматики Тире является периодизация ее денежного обращения. За время более чем тысячелетней истории Тире ее денежное хозяйство как в зеркале отразило изменения экономической и политической ситуации в регионе.

На современном этапе изучения Тире в результате систематического археологического исследования существенно возросла источниковая база, появилась возможность более детальной разработки основных этапов ее экономического развития города (Карышковский, Клейман, 1985; Самойлова. 1988; Сон, 1993). На этом фоне результативным является обработка всего комплекса монетных находок в Тире, особенно иноземных эмиссий, в некоторых случаях меняющих представления, как о составе денежного хозяйства, так и о состоянии ее экономики.

Разработка хронологической классификации и периодизации монетного дела Тире впервые осуществлена А.Н. Зографом (Зограф, 1951. С.111-120; Зограф, 1957. С.19-43). А.Н. Зограф выделил два этапа в монетном деле Тире, в основе которых лежит политическая история города:

«А. Автономная эпоха» и «Б. Императорская эпоха» (Зограф, 1957. С.64, 67). При этом истории денежного обращения А.Н. Зограф касается вскользь, обратив внимание лишь на те иноземные монеты, которые выполняли роль интерлокального средства денежного обращения (электровые кизикины и золотые эллинистиче-

ские статеры в автономном периоде и римские серебряные денарии в императорскую эпоху).

В дальнейшем в схему монетного дела А.Н. Зографа были внесены дополнения и уточнения (Карышковский, 1960. С.133-134; Карышковский, Клейман, 1985; Анохин, 1989. С.86-95; Туровский, Демьянчук, 1998. С.144-149; Фролова, 2003. С.155-159; Фролова, 2003а. С.27-53). Однако проблема периодизации денежного обращения, за редким исключением (Булатович, 1997. С.191-197), оставалась в стороне.

Не касаясь здесь периодизации монетного дела Тире в целом, отметим лишь, что поворотным моментом в городской чеканке была середина III в. до н.э., ознаменовавшаяся началом экономического кризиса. Этот факт дает возможность определять верхнюю границу первой группы медных тирасских монет именно этим временем, а не концом столетия (Зограф, 1957. С.66). Соответственно передвигается нижняя граница следующей группы.

Монетные находки, в первую очередь, находки иноземных эмиссий в ходе археологического исследования Тире (Карышковский, Коциевский, 1979. С.88-98; Булатович, 1989. С.81-82 и др., а также монетные находки за 1996-2001 годы (неопубликованы)) и совокупность данных о монетных находках в других центрах Северного Причерноморья позволяют обратиться непосредственно к вопросу о периодизации денежного обращения города.

Предлагаемая периодизация, совпадая с выделенными А.Н. Зографом двумя этапами - автономным и императорским, выглядит следующим образом.

I этап (V - сер. I в. до н.э.) подразделяется на четыре периода:

1. V - сер. IV в. до н.э. - период обращения на городском рынке истрийских «колесиков»; в международной торговле используются электровые кизикины. Тира еще не приступила к чеканке собственных монет;

2. сер. IV - нач. III в. до н.э. характеризуется значительным усложнением и разнообразием состава денежного обращения, как результат прежде всего собственного монетного производства. Помимо тирасского серебра и меди на городском рынке в обращении принимала участие иноземная монета - фракции истрийского серебра. В качестве торговой монеты, помимо кизиконов, в Тире обращаются серебряные драхмы Истрии. В конце IV в. до н.э. кизики-

ны уступают место эллинистическому золоту;

3. сер. III - кон. I в. до н.э. - денежный рынок Тиры значительно оскудевает, довольствуясь собственной медной монетой мелких номиналов. Международным денежным средством остается эллинистическое золото;

4. кон. II - нач. I в. до н.э. - тирасская чеканка еще более сокращается, преимущественное значение на рынке Тиры приобретают медные монеты южнопонтских центров.

II этап (I - IV вв. н.э.) также делится на четыре периода:

1. I в. н.э. - в Тире обращаются три категории монет: сначала римские и фракийские медные эмиссии, получившие тирасскую надчеканку, а возможно и без нее, и монеты тирасского производства, носящие следы римского влияния (монеты с орлом и монеты с олицетворением римского сената);

2. кон. I - нач. II в. н.э. (от Домициана до Севера Александра) - Тира выпускает медные монеты провинциального облика. Продолжается обращение римских медных эмиссий и серебряного денария;

3. втор. пол. III в. н.э. - потребность городского рынка в монете некоторое время обеспечивают надчеканенные тирасские эмиссии Севера Александра, а позже - только римские монеты;

4. IV в. н.э. - римская монета в небольшом количестве продолжает поступать в Тиру. Однако хозяйство, в основном, становится натуральным.

Таким образом, практически вся история денежного обращения Тиры характеризуется участием иноземных эмиссий. При этом, на втором этапе часть таких монет вводилась в денежное хозяйство Тиры наложением специального клейма.

Литература:

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989.

Булатович С.А. Античные монеты из Тиры (1979-1986) // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К., 1989. С.81-88.

Булатович С.А. К проблеме формирования денежного хозяйства Тиры в V - I вв. до н.э. // Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования. Одесса, 1997. С.191-197.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА.- №16, 1951.

Зограф А.Н. Монеты Тиры. М., 1957.

Карышковский П.О. Дополнение к нумизматике Тиры // ВДИ., 1960. №3. С.133-134.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. К., 1985.

Карышковский П.О., Коциевский А.С. Античные монеты из раскопок Тиры // Античная Тира и Средневековый Белгород. К., 1979. С.88-98.

Самойлова Т.Л. Тира в VI - I вв. до н.э. К., 1988.

Сон Н.А. Тира римского времени. К., 1993.

Туровский Е. Я., Демьянчук С.Г. К вопросу о хронологии серебряных и медных монет Тиры автономного периода // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 1998. С.144-149

Фролова Н.А. Ранние монеты Тиры // РА, 2003. №1. С.155-159.

Фролова Н.А. Монетное дело Тиры кон. III - I вв. до н.э. // Нумизматический сб. ГИМ. Т.XVI. Труды Гос. ист. музея. Вып. 138. 2003а. С.27-53.

Былкова В. П. (Херсон)

РАННИЕ ПОСТРОЙКИ БЕЛОЗЕРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Проблема взаимоотношений греческих колонистов и варварского населения Северного Причерноморья рассматривается в разных аспектах. Одним из актуальных вопросов является выяснение состава населения сельскохозяйственной округи античных городов на разных этапах их существования, в частности, это касается ситуации на территории ольвийской сельской округи последней трети V-IV вв. до н. э. (Марченко, 2005. С.114-120; Крыжицкий и др., 1989. С.146-150).

Материалы раскопок Белозерского поселения, расположенного в устье Днепра на правом берегу, могут быть использованы при исследовании реколонизации и создания «большой хоры» Ольвии. Этот памятник расположен в пограничной зоне, где в архаический и раннеклассический период поселений не было, т. е. логично было бы предположить, что в этом районе могли осуществляться контакты ольвийского населения со скифами. На поселении раскопано приблизительно 3 тыс. м², не менее 10% общей площади, что позволяет считать полученные данные репрезентативными.

На территории основного раскопа IV (2900 м²) на Белозерском поселении прослежены два строительных периода. Представляется целесообразным выявить самые ранние строительные объекты

и определить, в рамках какой культурной традиции они создавались. Сильные разрушения памятника ограничивают возможность стратиграфических наблюдений, но достоверно ранними являются грунтовые объекты, сохранившиеся в виде закрытых комплексов, над которыми проходят кладки фундаментов зданий второго строительного периода. Таковыми являются три полуземлянки, цистерна и ямы. Полуземлянки расположены на расстоянии 30-40 м друг от друга, а цистерна находится в 10 м к северо-востоку от полуземлянки 63. Объекты были засыпаны мусором, который датируется второй-третьей четвертями IV в. до н. э., при подготовке строительной площадки для застройки второго периода.

Полуземлянка № 63 (рис.) - самая большая, глубиной 1,5 м. Она прямоугольной формы с четко вырезанными углами, длина сторон - 6 м и 2,8-2,9 м, площадь - около 17 м². Материковые стены на полную высоту обложены сырцовым кирпичом, фиксируется их 14 рядов. Кирпичи уложены постелью, длина кирпича - 0,46 м, толщина - 0,08 м, размер соответствует ольвийскому (Крыжицкий, 1982. С. 124-125). Кирпичи сформованы из хорошо промешанной глины с включением растительных добавок. Судя по заполнению котлована, постройка имела надматериковые стены из такого же кирпича, использовался камень, дерево, найдены кровельные гвозди. Помещение подвергалось перепланировке. Первоначально центральную часть занимала яма, круглая в плане, трапецевидная в сечении, с диаметром горловины 2,4 м, диаметром дна 3,15 м, глубиной 1,05 м. Позже устье ямы было замазано глиной, сверху наложена масса, толщиной 1-2 см, в виде глины с замесом соломы, мелких раковин и единичных керамических частиц. Выше участок над ямой был покрыт полом из серой глины, обожженной до твердости. Приблизительно посередине помещение разделили на две почти правильные квадратные части выступом, выложенным из кирпичей от пола до верхнего уровня материка (размер выступа 0,48 x 0,56 м). Вход мог быть в западном углу, возможно, там стояла деревянная лестница. Остатки кровли не обнаружены, фрагменты плоских и полукруглых черепиц найдены только в мусорной засыпке. Конструкция помещения предполагает его хозяйственное назначение.

Котлован полуземлянки и центральная яма при засыпке были пустыми. Яма использовалась довольно долго, исходя из того, что

фрагменты амфор из ее заполнения и основного котлована хронологически не различаются. Среди находок в яме выделяется фрагмент лутерия редкого типа, больше на памятнике не встреченного. Непосредственно на полу котлована лежал только слой сырцовой глины, под стенками сохранились остатки сырцовых кирпичей. Выше чередовались прослойки золы и глины, напоминая слоевое основание.

Полуземлянка № 80 (рис.) глубиной 1,15 м имеет прямоугольную форму со срезанными углами со стороны входа. Длина стенок - 2,54 м и 1,73 м, площадь - 4,5 м². Круглая входная яма расположена с востока, ее верхний диаметр - 1,35 м, диаметр дна 0,9 м, глубина 0,64 м. Пол и стенки не имеют подмазки, на стенках сохранились неравномерные следы огня, на полу - толстый слой сажи. На расстоянии 0,8 м от входа была столбовая ямка диаметром 0,18 м, глубиной 0,22 м, она цилиндрической формы, имеет угольное заполнение. Присутствовали завалы глины, а камней и черепицы не найдено совсем. В постройке использовалось много дерева, куски обгоревшего дерева были найдены на полу и в заполнении сверху донизу, некоторые из них сохранили форму и имеют следы обработки. Дерево применялось для опорных конструкций и кровли. Фрагменты обожженной глины, вероятно, являются потолочной обмазкой. Найдены железные и бронзовые кровельные гвозди. Постройка сгорела, целые сосуды падали сверху, весь материал сильно обожжен. Набор находок необычен. Семь амфор относятся к одному редкому типу, имеют одинаковые граффити и дипинти. Здесь найдены единственный на поселении пифос, коринфский лутерий, расписной кувшин, редкой для поселения формы сероглиняный кувшин и светлоглиняная мисочка. Чернолаковая керамика представлена тремя одинаковыми арибаллическими лекифами, аском, блюдцем, двумя однотипными двуручными кубками при полном отсутствии канфаров и киликов даже в виде отдельных фрагментов. Найдена кружальная кастрюля, а фрагменты лепных сосудов и обычной столовой посуды представлены лишь в мусорной засыпке верхней части котлована. 14 одинаковых грузил из обломков амфор, по-видимому, были закреплены на неводе. Найдены остатки толстой веревки, сплетенной из трех «косичек». Имеются находки пяти бронзовых монет. Дополняют этот «мужской» набор (без пряслиц и грузил для ткацкого станка) три точила. Назна-

чение постройки определить трудно, более вероятно его хозяйственное назначение.

Полуземлянка № 20 (рис.) глубиной 0,7 м имеет приблизительно квадратную форму. Длина стенок 1,86-2,2 м, площадь - около 4 м². Округлый вход находится в северном углу с северо-западной стороны. Его отступ - 0,46 м, ширина - 0,8 м, в материке вырезаны три ступеньки, проступи и подступенки которых равны приблизительно 0,2 м. Рядом с входом размещается мелкое (0,1 м) круглое углубление диаметром 0,78 м. Стенки и пол полуземлянки не обработаны. Судя по заполнению, наземные стены были глиняными, использовались деревянные конструкции, скрепленные большими железными гвоздями, возможно применение каменных плит.

Постройка сгорела, на полу сохранились упавшие сверху три кружальных сосуда редких для поселения типов (Былкова, 2000. С.30, рис.4), один из которых был вдавлен в пол. В центральной части котлована найдено скопление чешуи и костей рыб. На полу находились также фрагменты амфор, половина кружального горшочка, глиняное грузило, железные изделия. Под стенкой среди глины найдены фрагменты двух больших лепных горшков и амфор, а также крупные камни. Заполнение нижней части котлована было золистогаревым, верхняя часть была засыпана рыхлым темным грунтом, с досыпками глины, этот грунт был плотно утрамбован. Набор вещей со дна оставляет впечатление подсобного помещения для хранения продуктов, поскольку нет посуды для еды и питья, светильников и т. п.

Цистерна № 56 (рис.) имеет правильную коническую форму, углубление-отстойник в центре дна, три ниши в виде выемок с покатыми ступенями разной высоты в придонной части. Глубина ее основного вместилища - 4,25 м, глубина с учетом отстойника - 4,73 м. Диаметр дна без ниш составляет 2,4 м, диаметр устья - 0,7 м, диаметр отстойника 0,92 м. Все ниши имеют полукруглое основание шириной 0,28 м. Высота ниш 1,09 м, 1,08 м, 1,03 м, длина их основания - 0,86 м, 0,7 м и 0,9 м соответственно. Объем цистерны более 10 м³. Цистерна выкопана в материковом лессовидном суглинке и обмазана специальным раствором, сохранившимся фактически полностью, наметилось лишь несколько трещин, а устье было обломано, когда цистерну перестали использовать. Обмазка имеет толщину 2,2-2,4 см, изготовлена на основе извести с примесью

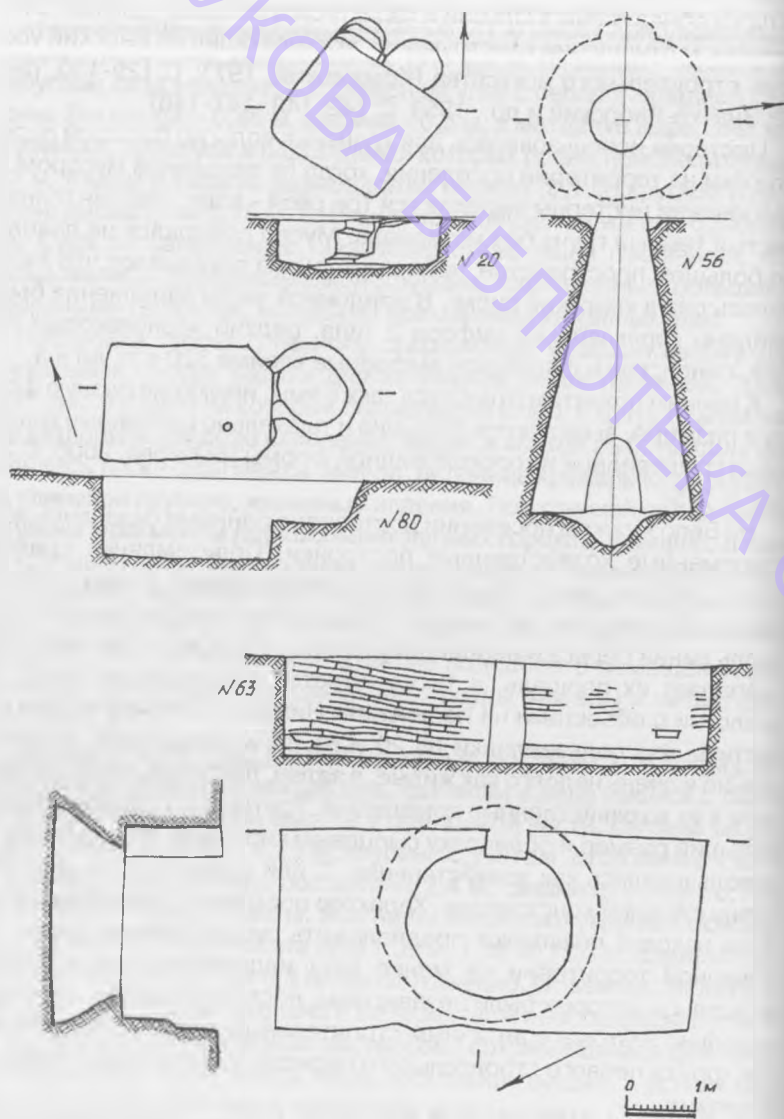
песка, тщательно заглажена и покрыта тонким слоем жидкого раствора. Цистерны конической формы с отстойниками и слоем штукатурки обнаружены в Ольвии и характеризуются как «смелые в инженерном отношении конструкции», указывающие на высокий уровень строительного искусства (Крыжицкий, 1971. С.129-130, рис. 62; Значко-Яворский и др., 1959. С.142-143, 147-148).

Цистерна использовалась для хранения воды до большой перестройки на территории поселения, когда ее заполнили мусором. В заполнении цистерны выделяются три слоя - зола, светлая глина и чистый темный грунт без материала. Мусор собирался на довольно большом пространстве, набор материала показывает, что засыпалась она в короткие сроки. В придонной части заполнения были найдены гераклеяская амфора 2 типа, редкий чернолаковый лекиф, синопское и фасосское амфорные клейма 320-х гг. до н.э.

К ранним объектам относятся также ямы, имеющие разную форму и размеры, выделяются большие и тщательно сделанные хранилища грушевидной и колоколовидной формы (Былкова, 2000. С.29, рис.3, 2-5).

На Белозерском поселении достоверно ранними оказались догременные хозяйственные постройки. Полуземлянки сравнительно глубоки, имеют правильную прямоугольную форму с вертикальными стенками, наблюдается совпадение направления их стен вдоль линии берега и перпендикулярно к ней. В двух случаях почти совпадает их площадь, а также имеется выступающий вход. По аналогии с объектами на поселениях Нижнего Побужья можно допустить, что полуземлянки № 20 и № 80 использовали первоначально и очень недолго как жилые, а затем, построив дома, превратили в их в хозяйственные помещения. Третья полуземлянка имела больший размер и облицовку сырцовым кирпичом, но она сразу же использовалась как хозяйственная. С ней совмещается цистерна очень сложной конструкции. Характер построек и своеобразие набора находок позволяют предположить существование на исследованной территории не менее двух индивидуальных хозяйств, владельцы которых были независимы, достаточно зажиточны и изначально знакомы с античным строительным мастерством. Жилые постройки первого строительного периода, скорее всего, были наземными.

Предполагая, что поселения «большой хоры» Ольвии были осно-

ваны варварами, К.К. Марченко приводит в качестве одного из аргументов тот факт, что в первой половине IV в. до н. э. на поселениях Нижнего Побужья доминировали землянки и полужемлянки, связанные с местной строительной традицией, а в раннеэллинистическое время изменились конструктивно-планировочные решения и появились новые строительные материалы - камень и сырцовый кирпич, что явно демонстрирует влияние греков (Марченко, 2005. С. 119, 123, 126). Ситуация, прослеженная на Белозерском поселении, принципиально иная. Она скорее соответствует предложенной С.Б. Буйских и другими исследователями поселений «большой хоры» Ольвии характеристике двух основных строительных периодов на этих памятниках (с заметными перестройками на втором этапе), как осуществленных в рамках античной традиции (Буйских, 1989. С. 99-151).

Литература:

Былькова В.П. О культурных традициях населения Нижнего Поднепровья скифского времени // РА, 2000. № 2.

Значко-Яворский И.Л., Белик Я.Г., Иллиминская В.Т. Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ // СА, 1959. №4.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. К., 1989.

Крыжицкий С.Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV-II вв. до н. э. К., 1971.

Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. - IV в. н. э.). К., 1982.

Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА МИРМЕКИЙСКОМ САРКОФАГЕ

Большой мраморный саркофаг, обнаруженный на городище Мирмекий в 1834 г., является замечательным произведением античного искусства; ни до, ни после этого события в Северном Причерноморье не было найдено столь крупного по размерам и столь великолепно орнаментированного саркофага (Ашик, 1848. II. С.41; 1849. С.56 сл.; Гайдукевич, 1949. С.167, 395; Саверкина, 1962. С.247 сл.; Robert, 1890. S.26, Kat. 21; Saverkina, 1979. S.17, Kat. 2; Koch, Sichtermann, 1982. S.383; Rogge, 1995. S.139-140, Kat. 29). Сейчас уже вполне надежно установлено, что он был произведен в Аттике во второй половине II в. н.э. (Саверкина, 1962. С.263), Г. Кох и Х.Сихтерманн датировали его в пределах 180-190 гг. (Koch, Sichtermann, 1982. S.385). Принципиально важный шаг в направлении правильного понимания изображений на рельефах саркофага из Мирмекии, был сделан немецким исследователем К.Робертом через 50 лет после находки. В 1884 г. он выступил с докладом на заседании Археологического общества в Берлине и, опираясь на ряд бесспорных аналогий, убедительно продемонстрировал, что его орнаментация отражает эпизоды из жизни Ахилла. Несмотря на плохую сохранность рельефов, есть все основания считать, что на его правой боковой стороне изображена сцена обучения Ахилла кентавром Хироном. На лицевой стороне представлена сцена <узнавания Ахилла> на о. Скирос, мифологическая традиция о котором достаточно хорошо известна. Заднюю сторону саркофага, на которой изображены гирлянды и Эроты, все исследователи считают сугубо декоративной. Рельефы на левой боковой стороне мирмекийского саркофага сохранились сравнительно неплохо, но мнения ученых относительно их смысла расходятся. Почти все исследователи вслед за К. Робертом трактуют этот рельеф как сцену прощания Ахилла с Ликомедом, естественным образом следующую за <узнаванием>. Однако устоявшаяся трактовка все-таки не вполне убедительна. На некоторые непонятные моменты обратил внимание Э. Рудольф, что дало ему основания видеть здесь сцену примирения Ахилла с Агамемноном под Троей, столь подробно

описанную в <Илиаде> (Rudolf, 1989. S.29-30). Такая трактовка имеет свои сильные стороны, но и она не объясняет всей сложности композиции рельефа. Прежде всего, при его внимательном рассматривании становится абсолютно очевидным, что сидящий пожилой мужчина (Агамемнон, по предположению Э. Рудольфа) не просто держит руку под левым плечем, а передает или принимает таким образом меч. Навершие рукояти меча частично видно, ее положение не оставляет сомнения в том, что меч был повернут рукоятью вниз, и основная его часть оказалась под рукой, то есть скрытой от зрителя. Зачем Агамемнон столь необычным образом получал меч или передавал его Ахиллу можно лишь догадываться, в тексте поэмы Гомера на это нет никаких намеков. Данная <странность> мирмекийского рельефа заставляет усомниться в правильности концепции Э. Рудольфа. В принципе, эту композицию можно трактовать в традиционном смысле: Лико мед передает герою меч и таким образом прощается с ним. Однако она явно свидетельствует о скрытности действия, и, может быть, Ликомед здесь не отдает, а принимает оружие, то есть соглашается укрыть Ахилла на острове. Такое понимание несколько расходится с общеизвестным вариантом мифа, но полностью исключать его вероятность, по всей видимости, нельзя. Изображение сцен из жизни величайшего героя Древней Греции на мирмекийском саркофаге, конечно, является очень важным показателем распространения на Боспоре обычая героизации усопших. Но почему главной на нем стала сцена <узнавания героя> на Скиросе? Для современного человека может даже показаться, что мастер, трудившийся над созданием саркофага, избрал абсолютно неуместную сцену, в которой Ахилл выглядит просто комично, будучи облаченным в женскую одежду и, как будто, держащим в руке веретено вместо меча. Однако все эти современные умозаключения для памятника древней культуры абсолютно лишены смысла. Сцена <узнавания> появилась здесь совсем не случайно! Для мифологического сознания древних людей переодевание мужчины в женскую одежду и исполнение им женской работы означало одно - ритуальную смерть. Такое понимание было связано с представлением о потустороннем мире как о мире <перевернутом>, в котором все происходит иначе, чем в привычном для всех пространстве (Kenner, 1970). Образ Ахилла, переодетого в женское платье и живущего среди женщин, прекрасно впи-

сывается в этот круг представлений о царстве мертвых, но в таком случае его <узнавание> и возвращение к нормальной жизни героя может символизировать лишь одно - возрождение. Именно эту фундаментальную идею хотел выразить художник, помещая сцену пребывания Ахилла на Скиросе на главной стороне заказанного у него саркофага. Эта сцена в данном контексте, на наш взгляд, имеет большое научное значение, поскольку отражает древние представления о том, что ожидает человека за порогом земной жизни. Она может служить одним из свидетельств в пользу того, что боспоряне верили, что их там ожидает возрождение и бессмертие. При таком понимании общего замысла орнаментальной композиции, в высшей степени значимыми представляются рельефы задней, <орнаментальной> стороны саркофага. Именно в них, как представляется, заключен важный смысл погребального памятника, тот смысл, о котором все живущие на земле люди имеют самое общее представление, ибо никто из простых смертных не может с уверенностью судить о том, что же его ожидает за порогом смерти. Однако надежда на <райские кущи> является, по всей видимости, очень и очень древней. Именно они, эти <райские кущи>, скорее всего, здесь и представлены. Очень близок, почти идентичен мирмекийскому, рельеф на задней стенке саркофага, происходящего из Тира и хранящегося сейчас в Бейрутском музее (Koch, Sichermann, 1982. S.440, Kat.37, Taf.471). На обоих по бокам представлены две кариатиды со сброшенными на землю головными покрывалами, между ними расположена гирлянда, которую в центральной части поддерживает летящий Эрот. Над гирляндой два Эрота едут навстречу друг другу в колесницах, запряженных парой пантер. За декоративностью этих рельефов явно кроется представление о некой волшебной стране, куда могут попасть усопшие. В этой стране сами собой произрастают удивительные фрукты, так сказать, текут <молочные реки с кисельными берегами>, там порхают Эроты, а грозных на земле хищников можно запрягать в колесницы. Женщины со сброшенными на землю головными покрывалами, стоящие по бокам композиции, скорее всего, приглашают безбоязненно войти в этот волшебный мир. Не трудно догадаться, что приглашение обращено к человеку, погребенному в саркофаге, именно ему предстоит (предстояло) вступить в некое подобие рая. Почти нет сомнения, что изображение этого человека представле-

но на крышке саркофага, где он возлежит вместе с молодой женщиной. Хорошо известно, что в Древней Греции блаженную жизнь после смерти обещали верующим некоторые божества (Деметра, Дионис и др.), при условии, что те станут участниками особых мистерий. Изображение на задней стенке мирмекийского саркофага, как и другие памятники боспорского погребального искусства, позволяют считать, что представление о рае для избранных было связано с образом волшебного сада, наполненного фруктами и цветами, но к тому же не лишённого явного элемента эротизма.

Гизер С.Н., Малюкевич А.Е. (Одесса)

ТУРЕЦКИЕ КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ХАДЖИБЕЯ

Обычай курить табак был заимствован у американских индейцев сначала испанскими конкистадорами, а в XVI в. европейскими мореплавателями завезён в Португалию, Испанию, Англию и Францию. Широкое распространение курения в Англии вызвало, с одной стороны, осуждение и запрет церкви, а с другой, содействовало налаживанию собственного производства белоглиняных курительных трубок. После 1603 г. протестанты - эмигранты из Англии завезли технологию производства трубок в Голландию. Распространению курительных трубок на территории Речи Посполитой способствовала Тридцатилетняя война первой половины XVII в. и многочисленные русско-турецкие войны XVIII - XIX вв. До Петра I в России курение табачных трубок сурово наказывалось - курильщикам «дьявольского зелья» рвали ноздри. Однако запретный плод был сладок. Пристрастившись к курению, Пётр насаждал эту привычку и в России. Это послужило сигналом для иностранных купцов, наводнивших российские рынки своей продукцией. Наиболее распространёнными были белоглиняные «голландские» и краснойглиняные «турецкие» трубки, изготовленные в Стамбуле.

На территории Османской империи курение трубок широко распространяется в конце XVI - начале XVII вв., сначала в Египте, затем на Балканах и Анатолии. Первые сведения о производстве курительных трубок в Болгарии относятся к 1604 г., и хотя турецкие власти всячески пытались бороться с этим явлением, к середине XVII

в. курение табака прочно вошло в быт всех социальных слоёв общества (Станчева, 1968. С.5, Волков, 1999. С.226-227).

Специальные археологические исследования турецких городов и посёлков XVI - XVIII вв. до последнего времени в Северо-Западном Причерноморье не проводились. Турецкие древности не выделялись из совокупности иных древностей средневековья, им приписывалось золотоордынское, молдавское или украинское происхождение. Почти совершенно не расчленены, и путано опубликованы обширные керамические коллекции XVI - XVIII вв. из Аккермана и Очакова. Была сделана лишь одна попытка выделить турецкие художественные фаянсы из общей совокупности керамики турецкой эпохи (Столярик, 1982). Другой классификационной попыткой стала обработка керамических комплексов турецкого Измаила, который начал раскапываться с 1989 г. Соотнесение измаильских монетных датировок с другими датированными категориями материала - фаянсовой керамикой Изника и Кютахьи, красноглиняными курительными трубками, бутылочным стеклом, показывает их хронологическую сопоставимость (Добролюбский, Дынник, 1990).

Между тем, «турецкие» курительные трубки, несмотря на свою многочисленность среди находок на турецких памятниках - небольших посёлках, крепостях образующих систему укрепленных пунктов в Северо-Западном Причерноморье, и по сей день, всё еще остаются почти неизученными. Эта категория материала отечественными исследователями стала изучаться лишь в последнее десятилетие. Первые работы по классификации трубок были изданы в Болгарии. На основании изучения клейм на трубках были выделены «фасоны» трубок, характерных для Болгарии, выявлены первые трубки с датами на клеймах (Станчева, 1968, 1975; Илчева, 1975). Предварительная типология турецких трубок была предложена московским археологом И.В. Волковым. Материалом для его исследования послужили коллекция из собрания Музея истории г. Москвы, частные коллекции из Крыма, коллекция трубок из раскопок крепости Азов и крепости Лютик (Волков, 1993, 1996, 1999).

По его мнению «Для выделения огромного количества групп трубок в первую очередь следует использовать морфологические признаки, во вторую - орнаменты из оттисков индивидуальных штампов. Каждая трубка имеет втулку и чашечку - обязательные элементы. Кроме того, могут быть дополнительные элементы: вен-

чик, валик по краю втулки, киль, диск в основании чашечки. При издании каталогов наличие этих элементов также желательно указывать...» (Волков, 1999. С.232).

Ниже дается описание небольшой коллекции турецких курительных трубок из фондов Одесского археологического музея и Музея археологии Одессы Южноукраинского государственного педагогического университета. Все предметы происходят с территории города и порта, и найдены в культурном слое турецкого Хаджибея XVII-XVIII вв. хорошо известного нам по письменным источникам. Большинство их относится к категории «случайных находок» при строительных работах связанных с нарушением культурного слоя, исключение составляют 2 трубки обнаруженные в процессе исследования многослойного археологического памятника Приморский бульвар (Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002.).

№ 1. Трубки № 1 - 4 случайная находка в ходе ремонтных работ в 1968 г. на перекрёстке спуска Вакуленчука (Деволановский) и ул. Бебеля (Еврейской). Желто-коричневая глина, светло - коричневый ангоб. Фасон 8-10 тахта-чубук, Константинополя - втулка 8-гранная, венчик и чашечка 10-гранные. Киль выделен объемом и штампом - зубчатым колесом. Большая часть втулки утеряна. Венчик от чашечки отделен рельефным валиком. Ребра между гранями чашечки и венчика отмечены двумя вертикальными полосами, выполненными в технике гравировки (вырезание). На чашечке под рельефным валиком, оттиском концевой штампа помещена одинарная пальметта, обращенная вниз. На полях чашечки нанесен оттиск концевой штампа в виде эллипса, окруженного лучами напоминающий «каури». На полях венчика размещены три ряда пальметт - симметрично пальметтам на чашечке. На чашечке с правой стороны, у места ее соединения с втулкой оттиск штампа-листа (по мнению некоторых исследователей - это цеховое клеймо мастеров Стамбула) (Волков, 1999. С.241-242). На внутренней поверхности чашечки, в месте ее соединения с втулкой сохранился характерный треугольный след от клина. Чашечка: D - 4,1; h - 2. Венчик: D - 3,4-3,5; d - 2,6; h - 1,2. (Н общ. - 3,2).

Указанная трубка относится к самому распространенному в Северном Причерноморье фасону и датируются второй половиной XVIII - началом XIX вв.

№ 2. Красноглиняная, красный ангоб. Фасон 8-10 (тахта-чубук,

Константинополя). Киль выделен объемом и зубчатым штампом. Валик на втулке не имеет выраженного выделения с внешней стороны, но по задней части прокатан оттиск широкого колеса. Примерно треть венчика утеряно. Венчик от чашечки отделен рельефным валиком. На полях венчика размещены четыре ряда пальметт. На полях чашечки нанесен штамп «каури», под рельефным валиком одинарная пальметта. На втулке с левой стороны клеймо: предположительно «галлай» - трубка. Венчик и втулка сильно обгорели вероятно от длительного использования трубки. На внутренней поверхности чашечки сохранился треугольный след от клина. На первый взгляд фасон трубки полностью повторяет № 1, однако № 2 более массивен и тут нарушена симметричность пальметт венчика и чашечки. Чашечка: D - 4,1; h - 2,2. Венчик: D - 3,4 - 3,5; d - 2,6; h - 1,9 (H общ. - 4,1); Втулка: D - 2,6 - 3,2; d - 1,8 - 1,4.

№ 3. Красноглиняная, красный ангоб. Фасон «нарцисс». Венчик полностью утерян. Киль выделен объемом и зубчатым штампом. Втулка восьмигранная. Валик не имеет выраженного выделения с внешней стороны втулки, но по задней части прокатан оттиск широкого колеса. Дисковидная чашечка имеет восемь слабо выраженных граней. Венчик от чашечки отделен зубчатым штампом. На втулке с правой стороны клеймо: Оман. Чашечка: D - 3,6; h - 1,3. Втулка: D - 2,3 - 2,8; d - 1,4 - 1. Этот фасон датируется второй половиной XVIII в.

№ 4. Красноглиняная, красный ангоб. Фасон «нарцисс». Большая часть втулки и киль утерян. Киль выделен зубчатым штампом. Дисковидная восьмигранная чашечка с расширяющимся венчиком. Чашечка от венчика отделена двумя полосами зубчатого штампа. На трубке хорошо заметен шов на стыке двух форм. Чашечка: D - 3,6; h - 1,2. Венчик: D - 2,8 - 3,3; h - 2,3. (H общ. - 3,5). Втулка: D - 2,1.

№ 5. Предположительно, найдена на Приморском бульваре во время ремонтных работ. Красноглиняная, коричневый ангоб. Фасон 8-10 (тахта-чубук Константинополя). Киль выделен объемом и двумя линиями зубчатого штампа. Валик не имеет выраженного выделения с внешней стороны втулки, но по задней части прокатан штамп зубчатого колеса. Венчик от чашечки отделен рельефным валиком. Рёбра между гранями чашечки и венчика отмечены двойными линиями. В верхней части чашечки на ребре под валиком, от-

тиском концевого штампа помещена одинарная пальметта, обращенная вниз, на полях чашечки нанесён штамп «каури». На полях венчика расположены пальметты в два ряда, симметричных пальметтам на чашечке. На венчике сохранились следы позолоты. На чашечке с правой стороны, у места её соединения с втулкой помещено клеймо: афаи - змея. Чашечка: D - 3,9; h - 1,8; Венчик: D - 3,4 - 3,5; h - 1,2 (H общ. - 3). Втулка: D - 2,1 - 2,6; d - 1,4.

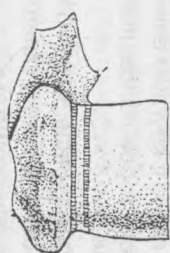
Надо отметить, что трубки с позолотой делали только на территории Османской империи, в наших музеях они представлены единичными экземплярами (Там же, 136).

№ 6. Найдена в порту. Красноглиняная, коричневый ангоб. Фасон 8-10 (тахта-чубук Константинополя). Киль выделен объемом и двумя полосами зубчатого штампа. Рёбра между гранями выделены двойными линиями. Венчик от чашечки отделен полосой зубчатого штампа. На полях венчика концевым штампом нанесён спиралеобразный орнамент. Примерно 1/2 часть втулки утеряна, валик с внешней стороны не выделен, но по задней части прокатан крупный зубчатый штамп. Чашечка: D - 3,7; h - 1,8. Венчик: D - 2,9 - 3,1; h - 2. (H общ. - 3,8). Втулка: D - 1,8 - 2,2. Шифр: ОГИМ. А - 48813.

Ближние аналогии трубки найдены в Болгарии - София, и в Румынии - Яссы, датируется XVIII в. (Станчева, 1968. С.6, Andronic, 1967. Fig. 70).

№ 7. Найдена при исследовании культурного слоя турецкого Хаджибея на Приморском бульваре. Красноглиняная, красно-коричневый ангоб. Фасон тахта-чубук Константинополя. Киль выделен зубчатым штампом и двумя углублёнными линиями. Венчик от чашечки отделен штампом зубчатого колеса. Чашечка украшена оттиском широкого зубчато-чешуйчатого штампа - валика. Чашечка от втулки также отделена зубчатым штампом. На втулке с правой стороны клеймо, не читается. Чашечка: D - 3,5; h - 1,8. Относиться к первой разновидности фасона тахта-чубук: с круглым венчиком и круглой втулкой - по Волкову. Датируется второй половиной XVIII в. (Волков, 1999. С.241).

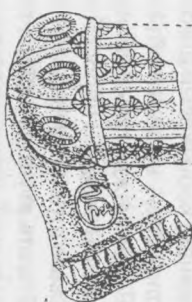
№ 8. Случайная находка в порту. Сероглиняная. Фасон не определён. Основание чашечки уплощённо-сферическое, украшено орнаментальным поясом из оттисков рельефного штампа в виде оттисков и окружностей с «глазками». Пояс снизу ограничен врезной линией в виде оттисков зубчатого штампа-колеса. Киль выделен

1

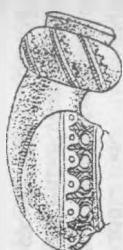
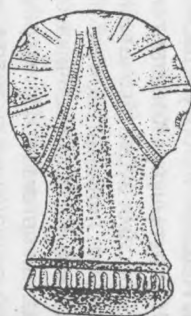
3

2

1

8

7

5

4

три врезными линиями зубчатого штампа-колеса. Венчик выделен узким валиком. Валик утрачен. Валик на втулке - полуовальный в сечении, снизу выделен одной врезной линией из оттисков зубчатого штампа-колеса. На трубке хорошо заметен шов на стыке двух форм, а также бросается в глаза асимметричность чашечки по отношению к килю - вероятно, брак формы. На дне чашечки сохранился след от клина. Чашечка D - 3,2; h - 2. Втулка D - 1,8 - 2,2; d - 8. Шифр: ОГИМ. А - 48812.

Ближайшие аналогии можно найти в материалах археологических исследований турецкой крепости Азов, где подобная трубка была обнаружена в погребении, хорошо датированном монетами крымских Гиреев 1684 - 1709 гг., а также в румынских Яссах (Гусач, 2002. С.379; Andronic, 1967. Fig. 70).

Таким образом, представленный выше набор турецких курительных трубок из трёх разных точек нашего города даёт основания говорить о довольно продолжительном существовании населённого пункта и пристани в районе Хаджибеевской крепости. На это указывает присутствие разнотипных «турецких» курительных трубок. Известно, что переходный период от сероглиняных трубок к красноглиняным датируется исследователями концом XVII - началом XVIII вв.

Литература:

Волков И.В. Керамика Азова XIV - XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф... канд. дис. М., 1993. 24 с.

Волков И.В., Новикова Г.Л. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Труды Музея города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С.134 - 152.

Волков И.В. Частная коллекция «Турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. Сборник статей. М., 1999. С.226 - 252.

Гусач И.Р. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002. С.368 - 388.

Добролюбовский А.О., Дынник И.Н. Первые наблюдения над стратиграфией турецкого Измаила // Охраненные историко-археологические исследования юго-запада Украины. Одесса-Запорожье, 1990. С.168 - 177.

Добролюбовский А.О., Губарь О.И., Красножен А.В. Борисфен - Хаджибей - Одесса. - Одесса-Кишинёв, 2002.

Дынник И.Н. Керамические комплексы Измаила XVI - XVII вв. // Пробле-

мы истории и археологии Нижнего Поднестровья. ТД конференции. Белгород-Днестровский., 1990. С.120 - 123.

Илчева В. Глинени лули от Велико Търново // Годишник на музеите от Северна България. - Варна, 1975. Кн. 1. С.179 - 199.

Станчева М. Медарова С. Производството на глинени лули у нас // Музей и паметници на културата. 1968. № 4. С.4 - 13.

Станчева М. Нови проучвания върху глинени лули от Сердика // Сердика. - Т. 2. - София, 1989. С.133 - 141.

Столярик Е.С. Турецкая художественная керамика XVI в. из Белгород-Днестровского // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К., 1982. С.173 - 182.

Andronic A., Neamtu E. si Dinu M. Sapaturile arheologice de la Curtea domneasca din Jasi Arheologia Moldovei. Vol. V. Bucuresti, 1967. S.169 - 285.

Дёмин О. Б. (Одесса)

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ: РОЛЬ УКРАИНСКОГО ФАКТОРА (1583 - 1596 гг.)

В современной украинской историографии общепризнанным стало положение о весомой роли казачества в черноморской и европейской политике второй половины XVI в. Вмешательство запорожских казаков в турецко-польские, крымско-польские, польско-московские и крымско-московские взаимоотношения часто вели к дестабилизации пограничной ситуации и способствовали росту напряженности между соседними государствами. Вместе с тем, многие проблемы региональной истории, особенно связанные с выяснением механизма вовлечения казачества в контекст международных отношений, требуют серьезной дальнейшей разработки. К их числу относится и вопрос о специфике заключительного двадцатилетия XVI в. в северопричерноморской политике.

Для Европы это был сложное время, время династических пертурбаций и войн: прекратили свое существование династии во Франции и России, новая династия пришла к власти в Речи Посполитой. В Западной Европе Тройственный альянс (Англия, Франция и Соединенные Провинции) вступил в войну с Испанией. В центре Европы Священная лига отбивалась от наступления турок. Не ста-

ло исключением и Северное Причерноморье.

Окончание Ливонской войны привело к появлению в украинских землях значительных отрядов казаков. Это подтолкнуло эскалацию «перманентной войны» в регионе (Дьомін, 1994. С.36-39). Уже события 1583 г., поход С. Зборовского к Чорному морю, нападение казацких отрядов на Молдавию показал возросшую военную активность в Причерноморье.

В 1584 г. нападению подвергся турецкий город и крепость Тягин (Бендеры). Турки ответили на это ограблением представителя польского короля под Адрианополем. В следующем году казаки во главе с гетманом Я. Оришовским дважды ходили на крымские улусы (Тихомиров, 1951. С.53-54). Однако казаки стремились к «большой войне» с турками и рассчитывали найти союзников в Европе. О попытке выйти за рамки региональной политики говорят переговоры середины 80-х гг. в Кракове казацкого гетмана (имя неизвестно) с венецианским агентом Гамберини, секретарем панского нунция в Речи Посполитой кардинала Болоньетти. Казаки предлагали вступить в союз с Венецией и, воспользовавшись войной Турции с Персией, нанести удар по турецкой столице (Макушев, 1877. С.7-11). Но последовавшее вскоре сближение Венеции со Стамбулом привело к забвению данного проекта.

Особенно содействовало разворачиванию военных действий украинского казачества польское бескорольевье 1587 г. В ответ на вторжение татар казаки совершили успешное нападение на Тягин, Аккерман и Очаков. Стамбулу пришлось предпринять демонстрацию силы, направив войска к турецко-польской границе. Эти войска понадобились, когда в конце 1587 - начале 1588 гг. казаки предприняли поход в Молдавию с очередным претендентом на место господаря страны. Во многом решающую роль в последующем развитии событий в регионе оказало принятое в турецкой столице решение сосредоточить силы на войне с Персией. Летом 1588 г. турецкие послы напомнили вновь избранному польскому королю о необходимости своевременно выплачивать дань и действительно держать казаков в узде. Одновременно на Крым, не полагаясь на короля, была возложена задача противодействия внешней угрозе турецким владениям в Причерноморье. Однако крымско-казаческое противостояние лишь обострило ситуацию в крае и привело к турецко-польскому конфликту 1589 - 1590 гг. (Дьомін, 2001. С.245-276).

Конфликт стал следствием влияния внешних сил: усиления казацкого наступления, завершения турецко-персидской войны, противодействия части турецких военачальников намечавшейся войне с Испанией. К этим факторам присоединилось обострение финансового кризиса в Турции и выступления в армии, требовавшей оплаты. Активная фаза конфликта началась в июле 1589 г. и закончилась в июне 1590 г. На заключительном его этапе, с февраля 1590 г., события приобрели европейское звучание, а его дальнейшее развитие оказалось связанным с политикой большинства государств Европы. Для центров европейской политической жизни, таких как Вена и Мадрид важно было продолжение конфликта и перерастание его в полномасштабную войну. Для большинства периферийных государств, в частности Англии, Соединенных Провинций, Швеции, Польши желательным было его прекращение. Поэтому те европейские государства, которые имели в Стамбуле представителей, вынуждены были предпринять шаги по реализации своей внешнеполитической стратегии в регионе. Это в сочетании с внутритурецкими факторами содействовало заключению турецко-польского перемирия в июне 1590 г.

Так военные акции днепровского казачества на периферии европейской политической жизни запустили политическую цепную реакцию и способствовали введению Северного Причерноморья как особого региона в международные отношения и, как следствие, в европейскую систему государств. Прямым последствием конфликта, во-первых, явился отказ императора Священной Римской империи помочь Испании в ее борьбе с Англией и Соединенными Провинциями и, во-вторых, отказ Речи Посполитой от поддержки Швеции в войне против России. Опосредованным результатом конфликта стало распространение в Европе мнений о том, что Польша является врагом турок, ибо казаки как подданные польской короны воспринимались в качестве поляков.

В самой же Польше сейм принял суровое постановление, направленное против казачества и назначил старосту Н. Язловецкого контролировать ситуацию на границе с целью удерживать казаков от походов. В заключенном в 1591 г. «вечном мире» между Турцией и Речью Посполитой одним из основных условий соглашения был запрет для казаков предпринимать какие-либо походы за границу.

Однако, это мало что дало. Польское правительство само созда-

вало условия для нарушений принятых решений. Так, казакам не выплатили деньги за участие в боях 1590 г., когда они по призыву короны стали на защиту Речи Посполитой. Вероятно поэтому, в мае 1591 г., когда татары предприняли поход на Москву, казаки во главе с князем М. Ружинским напали на крымский кош (Тихомиров, 1951. С.231). Другая группа казачества задумала поход в Молдавию с новым претендентом, и только вмешательство короны сорвало акцию (Яворницкий, 1992. С.58; Леп'явко, 1996. С.55). Ответом казаков стало выступление К. Косинского, а затем С. Наливайко и Г. Лободы. В историографии достаточно подробно, особенно в монографии С. Леп'явко (Леп'явко, 1996), освещена их деятельность. Вместе с тем, значение внешнеполитического фактора учтено все же недостаточно, ибо казацкие выступления являлись важной составляющей международной политики в регионе.

В годы Пятнадцатилетней войны причерноморские степи стали объектом внимания европейских государств. Не забыли о них и в Стамбуле. Готовясь к войне в Центральной Европе, султан провел административную реформу в Северном Причерноморье: в 1593 г. был создан эйялет Ези с центром в Аккермане, с включением в его состав Буго-Днестровского междуречья вместе с крепостью Очаков, которая должна была закрыть доступ казакам, как в Черное море, так и к днестровским городам. Кроме того, крымские татары неоднократно по приказу султана совершали рейды в Венгрию. Лишить Турцию этого источника конницы стало одним из заданий папской и габсбургской дипломатии. Однако дело осложнялось нежеланием Польши присоединяться к антитурецкой лиге, ведь ей так тяжело далось мирное соглашение с Турцией в 1590 г.

Широкую известность получили миссии А. Комуловича и Е. Лясоты к украинским казакам. Были задействованы обе его ветви: реестровое и запорожское казачество, хотя и с разным результатом. Но уже летом 1594 г., по согласованию с Веной, развернулись походы казаком на Днестр, а осенью и в Крым. Они явились составной частью Пятнадцатилетней войны. Не случайно польские сенаторы в конце 1594 г. обвинили Рудольфа II и Климента VIII в специальном натравливании казаков на Молдову с целью сорвать польско-турецкое соглашение (Леп'явко, 1996. С.206-270). И это не было случайное заявление. Для обеих стран по разным причинам важно было сохранить мир. Симптоматично, что Стамбул пытался возложить

ответственность на Англию, как одного из посредников заключения мира 1590 г., за походы казаков в Молдову в 1595 г. (Jasnowski, 1948. С.23).

Поэтому карательные действия поляков в отношении казаков в феврале - июне 1596 г., которые привели к разгрому отрядов С. Наливайко и Г. Лободы можно рассматривать и как выполнение Польшей обязательств по польско-турецкому соглашению, предусматривавшего запрет для казаков выходить за границы владений короны. В пользу этого говорит спланированность акции С. Жолкевского, который вступил в бой только после того, как осенью 1595 г. поляки сменили в Молдове господаря, поставив своего ставленника Е. Могилу. И хотя после этого польско-турецкие отношения на некоторое время испортились, в конечном итоге Польша выполнила обязательства, и участие казаков в Пятнадцатилетней войне было сведено до минимума. И наоборот, отряды татар получили возможность, почти не встречая отпора со стороны казаков, идти на войну с врагами Турции. Симптоматично донесение старшего казака Г. Василовича в июне 1597 г. о переходе орды через Днепр. (Любович, 1893. С.158-159).

Таким образом, в рассматриваемое время Северное Причерноморье стало составной частью европейской системы государств. Активизация казацких действий в регионе в 1583 - 1589 гг. привела к польско-турецкому конфликту 1589 - 1590 гг., когда последствиями действий казаков пришлось заниматься всей Европе. Тогда казачество Речи Посполитой получило широкую известность в европейских странах. Начало Пятнадцатилетней войны послужило превращению казачества в объект уже не только региональной, но уже и европейской политики. Этому способствовала и внешняя политика Речи Посполитой, ее отказ присоединиться к антитурецкой лиге. Так в Центральной Европе стало формироваться представление о различии политик Польши и казачества. Этим, по сути, было положено начало осознания роли украинского фактора, отдельного от польского, в европейской политике. Если раньше действия казаков воспринимались как акции Польши и ее рассматривали как «щит Европы» в деле защиты от исламского мира, то после событий 90-х годов происходит понимание появления в Причерноморье отдельного украинского фактора. Другое дело, насколько глубоким и продолжительным оно было.

Литература:

Винар Л.Р. Козацька Україна. К., 2003.

Дьомін О.Б. Біля витоків англійського атлантизму. Зовнішня політика Англії кінця 50 - кінця 80-х років XVI ст Одеса, 2001.

Дьомін О.Б. Південна Україна в міжнародних відносинах другої половини XVI століття (до питання про генезу чорноморської проблеми) // Південь України і складання української державності: історія і сучасність Одеса, 1994.

Леп'явко С. Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернівці, 1996.

Любович Н. Казацкое донесение об угрожающем татарском нападении на пределы Польши // Киевская старина. Т. 43. 1893. Октябрь.

Макушев В.В. Восточный вопрос в XVI - XVII веках (по неизданным итальянским документам) // Славянский сборник. № 3. СПб., 1877.

Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. 7. М., 1951.

Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Т. 2. Львів, 1992.

Jasnowski J. England and Poland in the XVI and XVII Centuries. L., 1948.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. (Одесса)

О СИМВОЛИКЕ КАМНЕЙ И СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ДВУХ ГЕММАХ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В связи с *синкретическим* характером сарматской культуры, важное значение для понимания специфики идеологических воззрений *номадов*, представляют памятники античного искусства, находимые в варварских комплексах. Среди них не последнее место занимают произведения *глиптики*. Остановимся на некоторых из них.

В погребении I в н.э. у с. Нагорное на Днепропетровщине была обнаружена *ониксовая инталия*¹ (Костенко, 1984. С. 129-130. - Рис.

¹ В переводе с древнегреческого слово «оникс» означает «ноготь». Ониксы были любимым материалом древнегреческих и римских резчиков гемм. Арабы называли оникс «el gazo», т.е. «печальный» и приписывали ему злоеущие свойства. Одними из лучших считаются индийские камни. На территории Восточной Европы месторождения ониксов имеются в Крыму (Ogden 1982. - С. 92; Куликов 1982. - С. 14, 93-94; Супрычев 1984: 26, 32-33).

3-4). На одной из её сторон имеется профильное изображение обнаженного по пояс пожилого лысого бородатого человека, сидящего на троне. В левой руке персонаж держит амфору, в правой - *клевец*. За амфорой - *смоковница*. На обратной стороне - изображение *юноши*, припавшего на левое колено. Перед юношей - *коза*. В левой руке персонаж держит пучок травы (Рис. 1, 1).

В.И. Костенко рассматривал данные изображения как бытовые сцены. Однако, в сознании древнего человека обыденное явление не имело социального значения и не стоило воплощения в художественные образы: «Важное, реальное лишь то, что есть *сакральным*, а *сакральное* лишь то, что является частью космоса, входит в него, касается его» (Топоров, 1979. С. 189).

Сюжеты с изображением человека, сидящего возле сосуда в памятниках ближневосточной и средиземноморской *глиптики* появились в III тыс. до Р.Х. В «картинках» видят изображение процесса изготовления *сакральных сосудов*², а человек - это *демиург*, *царь* или *жрец* (Антонова, 1984. С. 133).

Хотя на голове пожилого человека с *нагорнянской инталии* нет *диадемы*, тем не менее, судя по всему, это *царь-жрец*, совершающий *жертвоприношение*. Об этом убедительно свидетельствует наличие на изображении *священных символов* и *инсигний власти*: *древа мирового (смоковница)*, *трона* и *клевца*. В связи с чем любопытно будет отметить, что в *шаманских религиях* известен образ «*Белого старца*», который считался «*владыкой земли*», *покровите-*

² Сосуд близок к образу женского божества *плодородия*. Он - образ *мироздания* (Байбурин, 1989. С. 73). У древних индийцев творцом чудесной чаши был *Гватшар* (Топоров, 1992а. С. 496). Среди предметов, которые создал бог *Йима*, упоминается *чаша* (Бессонова, 1983. С. 103). У скифов и сарматов чаша применялась при совершении погребального обряда, заключении обрядов *побратимства*, *клятвенных договоров*, *поклонении богам*, *гадании* и т.д. Чаша была среди атрибутов, которые получил *Колоксай* (Herod. IV, 5-7, 10). Близким является и мотив *божественных даров* у *саков* (Curt. VII, 8, 17, 34). *Курций Руф* разъясняет и семантику даров: от богов даны *сакам* *яро*, *плуг*, *копье*, *стрела* и *чаша*. Первые два предмета связаны с получением даров *земли*, два последующих предназначены для *поражения врагов*. Чаша служит для *возлияния богам*. Сообщения античных авторов подтверждаются археологическими источниками (Дзиговский, Островерхов, 2000. С.184-186). В *Нартском эпосе* чаша ассоциируется со *жреческим родом* *Алагата* (Отрошенко, 1984. С.92).

лем богатства, благополучия и плодovitости (Жуковская, 1988. С. 159). О наличии подобных образов в сарматской мифологии, может свидетельствовать амулет из Ногайчинского кургана (Симоненко, 1993. С. 73. - Фото 24).

Печати с изображениями «человек - копытное животное» появились в эпоху ранней бронзы (Антонова, 1984. С. 106). Подобные сюжеты хорошо известны в античной глиптике (Максимова, 1950. С. 248. - Табл. 1, 17; Сымонович, 1967. С. 197-200. - Рис. 1,2; Корпусова, 1982. С. 86; Охотников, Островерхов, 1993. С. 67. - Рис. 16, 14). А. Фуртвенглер (Furtwängler, 1898. S. 133. - Taf. 25, 29, 59) квалифицирует их как сцены доения козы Сатиром. Другие исследователи видят в персонажах Пана, или же персонажа римской мифологии пастуха Фаустула.

В мифопоэтических традициях пастухи имеют функции охранителя, защитника, кормильца, мессии, вождя. Они считались причастными к природной мудрости, тайнам языка зверей и растений, общения со светилами и подземным царством. Особенно важную роль образ пастуха играет в мифах скотоводческих народов. Иранцам жизнь представлялась как пастбище, при котором пастухи - это боги. Одна из каст авестийского общества имела название «доставляющий траву скоту». В древнеиндийской мифологии «пастухами мира» называются Пушан, Варуна, Митра, Агни, Индра, Сомы и Кришна. В греческой мифологии пастухами выступают Аполлон, Гелиос, Геракл, Парис, Пан, Эней, Дафнис.

Один из образов пастуха связан с мифом об умирающем и воскресающем боге, отождествляется с понятием о подземном царстве-пастбище. Подземный пастух действует как проводник душ умерших. Были и пастухи небесные. Это солнце, которое пасет землю и все, что на ней находится, месяц, пасущий звезды и т.д. В хетто-лувийском гимне бог солнца и его супруга обрабатывают овечью и козью шерсть, которая наделяется чудесными свойствами (Антонова, 1984. С. 107-108; Соколов, 1992. С. 291-293). У иранцев во время выполнения обряда ясна, под ноги жертвенного животного кидали траву. Жрец держал в левой руке пучок травы, который у иранцев назывался «баресмен» (Бойс, 1987. С. 11-12).

Несомненный интерес представляет и изображение на перстне

с сердоликовой³ инталией, найденном в амулетной сумочке жрицы, погребенной в Соколовой Могиле, вблизи Ольвии. На гемме изображено божество, сидящее на алтаре и держащее в правой руке чашу, а в левой - какой-то предмет. По мнению Г.Т. Ковпаненко (1986. С. 94. - Рис. 98, 6; 99, 4), - это лира или же кифара. Персонаж одет в гиматий, на ногах легкая обувь. На голове - петаса. Перед героем - сосуд (Рис. 1, 2).

Гемма датируется 1 в. до Р.Х. - 1 в. по Р.Х. и относится к италийскому импорту (Сравни: Furtwängler, 1898. - № 1237, 4531-4533; 1900. - Taf. 28, 50). Г.Т. Ковпаненко видит в персонаже *актера комедии*. С подобной бытовой трактовкой сюжета вряд ли можно согласиться. Колонна и алтарь указывают на Аполлона (Ср.: Русяева, 1992. С. 33, 38). Аполлон Номий и Аполлон Левкей считались пастухами, покровителями и охранителями стад, охотниками и певцами. Кифара и лира - атрибуты Аполлона. Бог был покровителем певцов и музыкантов, сам был музыкантом, имел эпитеты *Кифаред* и *Музагагет*. Инструменты бога являлись символами космогонического порядка, с помощью которых упорядочивалась, организовывалась вселенная (Русяева, 1992. С. 38).

В этом плане, безусловного внимания заслуживает парное (мужское и женское) сарматское погребение второй половины I - начала II вв., обнаруженное у с. Козырка под Ольвией, где среди инвентаря сопровождавшего захоронение молодого мужчины находилась деревянная арфа, украшенная тамгами и изображением в сарматском зверином стиле (Симоненко, 1999; Simonenko, 2004).

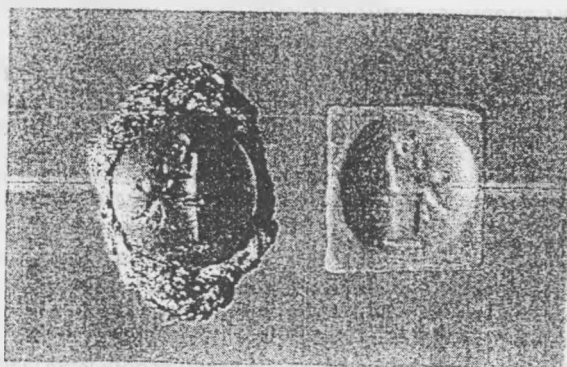
³ Камень имеет много синонимов: карнеол, акик, ваклер, демион, карнелиан, линкурий (Куликов, 1982. С. 111). Плиний (Plin. N.H., XXXVII, 7, 31) отмечал: «Никакой другой камень не был в употреблении у древних, как сердолик». Энциклопедист передает легенду, согласно которой, первые сердолики были найдены в местности Сард, на территории Лидии. Отсюда камень и получил название «сарда» - *σάρδιον*. В Восточной Европе изделия из сердолика были особенно популярны в последние столетия до Р.Х. и в первые столетия по Р.Х. (Алексеева, 1982. С. 14-19. - Табл. 38, 14-50; 39, 1-24). В античных лапидариях рассказывается, что сердолик отгоняет злых духов, болезни, охраняет от «сглаза», землетрясений, улучшает настроение, рассеивает мрачные предчувствия и умиротворяет гнев. Камень считался действенным любовным амулетом (Macr. Rep. Lapid., XXIV). В зависимости от оттенка, сердолики делились на «мужские» и «женские». Камни темно-вишневого цвета [напр., карнеол < лат. *carnis* - «мясо» (Куликов, 1982. С. 72)] считались «мужскими», розово-оранжевого [напр., сардер] - «женскими». Подобные взгляды засвидетельствованы в этнографии Кавказа (Супрычев, 1984. С. 18-23).

1

1

2

с 209-214. - Abb. 7-12).⁴ В религиях шаманского толка игра на музыкальном инструменте тождественна камланию, а музыкальный дар родственен прозрению (Липец, 1984. С.57-58). Свидетельства о чудесных свойствах музыкальных инструментов приведены в Нартском эпосе (Калоев, 1971). Арфа была основным инструментом при исполнении героического эпоса (Яценко, 2001. С.77 - Прим. 22).

Литература:

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Г1-12. Т. 2.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. М., 1989.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. 1987.
- Великая Скифия. Учебное пособие. К.-Запорожье, 2002.
- Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Стеклопосуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени. Одесса, 2000.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). М., 1971.
- Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение 1 в.н.э. на Южном Буге. К., 1986.
- Корпусова В.Н. Античные геммы боспорских некрополей // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. К., 1982.
- Костенко В.И. Сарматское погребение с инталией из могильника у с. Подгорное // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Куликов Б.Ф. Словарь камней-самоцветов. М., 1982.
- Липец Р.С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Максимова М.И. Геммы из некрополя Михети-Самтраво // ВГМГ. 1950. Т. XVII.

⁴ Музыкальные инструменты типа арфы были известны и у азиатских скифов. Они найдены во 2-м Пазырыкском и во 2-м Башадарском курганах. Подтверждением наличия щипковых инструментов у скифов, является пластина из Сахновского кургана. Один из персонажей представлен играющим на кифаре. Он показан в сцене «приобщения к божеству» (Великая Скифия, 2002. С.129, 303. - Рис. 1, 1).

Отрощенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). К., 1993.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992.

Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. К. 1993.

Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. 1999. № 1.

Соколов М.Н. Пастух // МНМ. М. 1992. Т. 2.

Сымонович Э.А. Две геммы из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // ВДИ. 1967. № 2.

Супрычев В.А. Занимательная геммология. К., 1984.

Топоров В.Н. К семантике троичности (слав. *trizna* и др.) // Этимология. 1977. М. 1979.

Топоров В.Н. Дерево мировое // МНМ. М., 1992. Т. 1.

Топоров В.Н. Тваштар // МНМ. М., 1992а. Т. 2.

Яценко С.А. Знаки - тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

Furtwängler A. Beschreibung der geschnitten Steine im Antiquarium. Berlin, 1898.

Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Berlin, 1900. Bd. 1-3.

Meüli K. Scythica // Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. Berlin, 1935. Т. 70.

Ogden J. Jewelry of the Ancient World. London, 1982.

Simonenko A.V. Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbians // Eurasia Antiqua. 2004. В. 10.

Добролюбский А.О., Красножон А.В. (Одесса)

СЛЕДЫ ЦАРЯ ДАРИЯ У ДВОРЦА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

В известном рассказе Геродота о скифско-персидской войне (между 519 и 505 гг. до н.э.) содержится множество «неясностей, противоречий и даже фантастики» (Куклина, 1985. С.137). По разному исчисляется длина пути, по которому за 60 дней армия Дария прошла по просторам Скифии - от 3750 км до 5750 км. Сторонники «длинного» пути Дария считают текст Геродота достоверным. По их мнению, Дарий переправился через Истр, прошел вдоль побере-

жья Северо-Западного Причерноморья, пересек Днепр, и вышел к Азовскому морю, на северном берегу которого выстроил лагерь. Далее персы направились на север, до Гелона (видимо, Бельцкое городище), а затем через Нижнее Поднепровье вернулись к дунайской переправе (см. об этом: Черненко, 1984. С.89).

Другие исследователи считают, что пройти такое расстояние за указанные Геродотом 60 дней невозможно. По их мнению, Дарий мог дойти лишь до Ольвии, в крайнем случае - до Приазовья. Но, скорее всего, он не продвинулся восточнее Тираса (см. об этом: Агбунов, 1989). Не исключено, что были не один, а два похода Дария - причерноморский и кавказско-азовский, - которые Геродот соединил в одно предприятие (Куклина, 1985. С.137-142).

Сторонники «короткого», причерноморского пути исходят из того, что при раскопках городов Нижнего Поднестровья и Побужья не обнаружено никаких следов разгрома или упадка. Поэтому армии Дария здесь не было. Они же опираются на сообщение Страбона, который указывает, что «...между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время, как перешел за Истр для похода на скифов, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад» (Страбон, VII, 3, 14).

Итак, «Гетская пустыня» ограничена побережьем Понта, землями гетов и Истром. Но восточная ее граница не определена конкретно - «по направлению к Тире». Это вовсе не значит, что «пустыня» ограничивается Тирой или Тирасом - ее восточные пределы остаются неясными.

Геродот пишет, что маршрут персов от Истра до встречи с передовым отрядом скифов исчисляется «тремя днями пути от Истра». После чего скифы оторвались от персидской армии на расстояние одного дня пути, продолжая движение, а персы, «немедленно пошли по следам непрерывно отступавших скифов», уничтожая на своем пути «все, что растет на земле» (Геродот, IV, 122). Тремя днями определяется вовсе не максимальный предел дальности маршрута, а срок, по истечении которого персы впервые встретились с передовым скифским отрядом.

Увязывая сказанное с сообщением Страбона, можно видеть, что земли, где Дарий «был захвачен в ловушку» скифами «и рисковал

погибнуть со всем своим войском», находились в «Гетской пустыне» на расстоянии более чем в трех дней пути от Истра. Как долго передовой отряд скифов заманивал Дария в степи на северо-запад, не указано. Видимо, куда более, чем один день. Поэтому персидская армия вполне могла переправиться на левобережье Днестра, а то и достичь Побужья.

«Гетскую пустыню» принято соотносить с нынешним Буджаком, который с рубежа III в. до н.э. входит в гетское царство Дромихета. Тогда «пустыня» находилась под контролем гетов», поселения которых «располагались по Нижнему Дунаю и Днестру, а также в лесостепной Молдавии... ограничивая степной треугольник и обозначая его, как внутреннюю, действительно гетскую, пустыню» (Бруйко, 1999. С.24).

Наверное, это так - для времени Дромихета. А во времена Страбона (64/63 гг. до н.э.-20-е гг. н.э.) «гетская пустыня» могла восприниматься иначе - после опустошительных походов Буребисты (82-44 гг. до н.э.) весь их ареал от Аполлонии до Ольвии превратился в подлинную «гетскую» пустыню. Именно она и была для Страбона реальностью. Поэтому ее восточные пределы вполне могли достигать Побужья.

Возвращаясь к Дарию, отметим, что археологически присутствие персов в Скифии маркируются скудно. Так, на ольвийском некрополе известны наконечники стрел сакско-персидского типа (Полін, 1987. С.29). На Полтавщине найдены ахеменидские удила рубежа VI-V в. до н.э., имеющие аналогии в Персеполе. Удила такого же типа обнаружены в лесостепном Приднепровье (Титенко, 1954. рис.1-3; 33). Эти находки могут, разумеется, свидетельствовать о проникновении персов на указанные территории, однако контекст их обнаружения не доказателен.

Куда более убедительно следы персидского вторжения прослежены на Приморском бульваре в Одессе. Здесь, у Воронцовского дворца выделены два строительных периода в пределах второй половины VI - первой четверти V вв. до н.э. Между ними имеется четкая граница в виде глинистой прослойки или мелкого камня-ракушечника (Добролюбский, Красножон, 2005. С.172-178).

К нижнему, раннему периоду (вторая половина VI в. до н.э.) относятся две землянки, несколько ям-погребов для хранения утвари и зольник. В одной из ям имелись ступеньки. Горловина другой ямы

была обложена камнями по кругу. На дне ее лежал свернутый в бухту невод (каменные и керамические грузила - около 100 шт.), раздавленные рыбные блюда с костями осетра, солонка, несколько фрагментированных лепных сосудов, железные нож и прут (вертел?), точильный брусок, а также кусок обработанного прозрачного гипса. Все эти предметы были помещены в яму явно сознательно - для сбережения их до «лучших времен» - и перекрыты закладом известковых камней. Другие ямы, относящиеся к раннему периоду, также были «законсервированы» их создателями.

Ко второму, позднему строительному периоду относятся три ямы-зернохранилища и каменные кладки в заполнении заброшенных землянок. Они датируются самым концом VI - первой четвертью V в. до н.э. Одна из ям верхнего периода перерезала яму нижнего периода. Это означает, что поселенцы второго периода, повторно заселившие этот участок, не видели остатков жизнедеятельности своих недавних предшественников.

Ясно, что владельцы спрятанной утвари рассчитывали вскоре за ней вернуться. Время «консервации» комплексов соответствует походу Дария. Значит, жители оставили поселок именно тогда. И на месте покинутых жилищ и погребов первого, «доперсидского» периода образуется стерильная прослойка.

После образования стерильной прослойки (после ухода Дария) население сюда возвращается. Но вернувшиеся жители уже не могли отыскать свое прежнее имущество. Или же вернулись иные люди, которые не знали, где находятся землянки и ямы первого периода.

Зерновые ямы второго, «постперсидского» периода просуществовали около четверти столетия и были заброшены. Об этом свидетельствуют их обрушившиеся стенки, упавшие на дно камни, служившие крышками для горловин, и затечные слои в заполнении. Больше на этом участке поселения никакой строительной деятельности греками не велось. Это может объясняться опасностью нападений со стороны скифов после победы над Дарием - в верхнем слое найден трехлопастный, втульчатый наконечник скифской стрелы V в. до н.э.

Известно, что во времена Дария едва ли не на всех античных поселениях Северо-Западного Причерноморья преобладало земляночное домостроительство (Археология СССР, 1984. С.35-36). Все

они были небольшими поселками. Стратег митиленцев Коас предупреждал персидского царя: «Государь! ты предприимлешь поход в такую землю, в коей не представится ни вспаханных полей, ни обитаемого города» (Геродот, IV, 97). Ясно, что не слишком многочисленным жителям таких селений при приближении огромной армии ничего не оставалось, как разбежаться и прятаться. Никоний и Тира тогда были самыми заурядными аграрными поселками. А Ольвия во второй половине VI в. до н.э. лишь начала формироваться как городской центр (Виноградов, 1989. С.45-46). Однако и ее облик оставался сельским.

Нами описаны археологические следы того, как жители такого, аграрно-рыболовецкого поселка на Приморском бульваре в преддверии военной опасности покинули его, предварительно спрятав свой нехитрый скарб. А когда опасность миновала, они вернулись на прежнее место. Такое явление в античной истории Причерноморья повсеместно и именуется «вторичным синойкизмом» (Виноградов, 1999. С.50-71).

Сказанное означает: вряд ли археологам стоит ожидать, что материальные свидетельства скифско-персидской войны откроются им в виде масштабных разрушений, пожарищ или катастроф на античных памятниках Северного Причерноморья. Очевидно, следует искать, прежде всего, скромные следы временного запустения. А их можно обнаружить лишь при повсеместном и более тщательном стратиграфическом изучении слоев второй половины VI - начала V вв. до н.э. Тогда, несомненно, найдутся и иные археологические подтверждения похода Дария.

Литература:

- Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.
Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
Брумяко И.В. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до Р.Х. Волжск, 1999.
Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса (VII - I вв. до н.э.). М., 1989.
Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний: покинутый и возрожденный // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVI. М., 1999. С.50-71.
Геродот. История в 9 книгах. Л., 1972.
Добролюбский А.О., Красножон А.В. Топохронология, стратиграфия и

периодизация поселения «Приморский бульвар» в Одессе // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Вып.5. СПб., 2005.

Куклина И.В. Этнография Скифии. Л., 1985.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Вип. 59. К., 1987.

Страбон. География. Л., 1964.

Титенко Г.Т. Закавказские удила, найденные на Полтавщине // КСИА АН УССР. Вып. 3. К., 1954.

Черненко Е.В. Скифо-персидская война. К., 1984.

Еманов А.Г. (Тюмень)

СОЛДАЙСКИЙ РЕЛЬЕФ СВ. ГЕОРГИЯ

По распространенности в средневековом *ars memorativa* и обилию критических суждений в литературе образ Св. Георгия уступает разве что образам Иисуса Христа и Девы Марии. Дабы не потонуть в неисчерпаемом дискурсе георгианской агиологии, попытаемся сконцентрировать все внимание на одном, достаточно уникальном изображении Святого, происходящем с отдаленной периферии, стремясь увидеть не соответствие правилу, канону, но, напротив, отступление от него, отход от норматива, элементы некоторой маргинальности.

Такую возможность дает весьма любопытный образец лапидарной мнемотехники Солдаи XIV в. - каменная иконка с рельефом конного змееборца и греческими граффити (рис. 1) Каменная икона Св. Георгия; размеры: 21 x 18 x 7; известняк; место находки - г. Судак, башня Фьески; время находки - 1980 г. Хранится в Архитектурно-историческом заповеднике «Судакская крепость», Инв. № 1825. В качестве аналога может быть назван кафинский рельеф Св. Георгия, опубликованный Е.А. Айбабиной, (см.: Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV - XVIII вв. С.46-49) из фондов Архитектурно-исторического заповедника «Судакская крепость». На ней изображен всадник, восседающий на коне в развороте справа - налево, одетый в доспехи, поверх которых развивается плащ, увенчанный короной, и с нимбом над головой; левой рукой всадник держит копье, которым он наносит удар в голову змею, из-

вивающемуся кольцами под копытами коня; острое копыта поражает змея прямо в разверстую пасть, пронзает насквозь и выступает на затылке; в голове змея виден вонзенный обломок другого копыта. С правой стороны (на взгляд смотрящего), на уровне головы всадника различается греческая надпись-граффити в две строки:

ο Αγι[ο]ς ||
Γεωργ[ος] ||

(Св. Георгий).

С левой стороны видны монограмма с ниже размещенной, контрактированной и существенно поврежденной греческой надписью-граффити в две строки, которая может быть реконструирована и транскрибирована следующим образом:

θεο[υ] ||
[του] Δ[ουλου] Δε[η]οι[ς] ||
[θεοδ]ωδου ||

(Божьего раба, молитва, Феодора).

Первая надпись не оставляет сомнений в том, что рельефный всадник - Св. Георгий, а не, скажем, Св. Димитрий, или какой-нибудь другой из почти полусотни святых воинов, почитаемых в Византии (Soldaten-Heiliges // Reallexicon zur Byzantinischen Kunst / Hrsgb. von K. Wessel. Stuttgart, 1971. Lf. 15. Col. 1049-1061) и на латинском Западе (Delehayе, 1909), и на иконе воспроизведен один из многочисленных канонов изображения этого святого - «драконоборчества» (Dictionnaire..., 1845. T. 2. P.13-14; Dictionnaire..., 1913. Vol. 6. P.1021-1029; Dictionnaire..., 1990. Vol. 1. P.1032; La Bible et les Saints, 1990. P.156-157). Но здесь нельзя не заметить характерных отступлений от канона: прежде всего, всадник в соответствии с католической монашеской практикой был безбород, имел прическу на латинский манер, был облачен в панцирь латинского образца (Представления о прическах, одеяниях, доспехах средневекового западноевропейского рыцарства дают латинские надгробные скульптурные изваяния XIII - XIV вв., см.: Die mittelalterlichen Grabmaler in Rom und Latium vom, 1981. Bd. 1. Abb. 1-226), наконец, был увенчан короной, украшенной зубцами в виде лилий. Этим знаком Святой намеренно выделялся как κομης, благородный, аристократический предводитель христианского воинства в борьбе с неверными; форма короны могла иметь аллюзию на геральдическую фигуру, встречающуюся в латинском искусстве бла-

зонирования, в частности, в гербе генуэзского рода деи Франки, известного своей деятельностью в Крыму (Skrzinska, 1928. Vol. 56. N 14, 50). Но, пожалуй, еще удивительней лик Св. Георгия - он скуласт, с раскосыми, словно эпикантированными глазами, обнаруживая черты монголоидности.

Св. Георгий понтийского региона в равной степени почитался и христианами и нехристианами как покровитель скотоводства и земледелия (О Св. Георгии существует обширная литература на различных языках, см. наиболее важные издания: Кирпичников А.И. Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; Хаханов А. Грузинский извод сказания о Св. Георгии // Чтения общества истории Древней Руси. М., 1891. Вып. 4; Рыстенко А. Легенда о Св. Георгии и драконе в византийской и славянской литературах. Одесса, 1909; Крачковский И. Легенда о Св. Георгии Победоносце арабской редакции // Живая старина. М., 1910. № 19; Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б. Святой Георгий Победоносец. СПб., 1995; Delehayе H. Le legends des Saints militaires. P., 1909; Steketel Hulst C. St. George of Cappadocia in Legend and History. L., 1909; Krumbacher K. Der Heilige Georg in der griechischen Überlieferung // Abhandlungen der keiserlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abt. Munchen, 1911. Bd. 25. N. 3; Aufhauser J.B. Miraculi Sancti Georgii. Lipsiae, 1913); он был святым патроном как Византии, так и Генуи, обладавшей верховной, сюзеренной властью над генуэзскими поселениями в Крыму, и одновременно святым покровителем Кафы, утвердившейся в качестве главного центра всех генуэзских владений в Северном Причерноморье, так называемой «Генуэзской Газарии»; под именем Джирджис он почитался у арабов, обитавших в крымских торговых центрах; под наименованием Уастырджи он был известен кавказцам, также проживавшим в портовых городах Крыма; под прозвищем Хызр он поминался тюркоязычным населением Кафы и Солдайи (современного Судака). Образ Св. Георгия рассматриваемой солдайской иконы отразил это феноменальное поликультурное сосуществование в пределах Генуэзской Газарии: антропологически он оказался подобием тюркского этнического окружения, лингвистически стал выразителем грекоязычной среды, а в военно-политическом аспекте отразил латинское доминирование.

Дабы постичь хотя бы часть культурного смысла данного икон-

ного образа, придется обратиться к георгианской агиографической традиции (*Bibliotheca hagiographica latina, antiquae et mediae aetatis* / [Ed.] Socii Bollandini. Bruxelles, 1898-1901. Vol. 1-2. N° 3363-3393; *Bibliotheca hagiographica orientalis* / [Ed.] P. Peeteres. Bruxelles, 1910. N° 309-320; *Bibliotheca hagiographica graeca* / [Ed.] F. Halkin. Bruxelles, 1957. P. 212-223; Iconomou, 1994.). Весьма противоречивые, порой причудливо мифологизированные сведения о Св. Георгии отыскиваются раньше всего у византийских церковных авторов - Андрея Критского (†740), Григория Декаполита (†842), Симеона Метафраста (†960), Епифания Монаха (†1015) (*Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium* // PG. P., 1865. T. 97. Col. 1169-1192; *Sancti Gregorii Decapolitae Sermo historicus* // PG. P., 1865. T. 100. Col. 1201-1212; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii* // PG. P., 1864. T. 115. Col. 141-162; *Ephiphanii Monachi hagiopolitae Ad modum descriptionis situs orbis, e narratio Syriae, urbis Sanctae, et sacrorum locorum* // PG. P., 1864. T. 120. Col. 263.) и некоторых др. Культ святого с таким именем зародился в Палестине на рубеже IV - V вв.; уже римский папа Геласий I (492-496) должен был заниматься вопросом признания святости Георгия, усомнившись в ряде его чудес; в Лидде сохранилась мраморная плита V в. с изображением и знаками мученика (Saxer, 1990. Vol. 1. P. 1032.). На Западе вера в Св. Георгия получила широкое распространение со времени Первого крестового похода.

Согласно византийским текстам (*Acta Sanctorum* / [Ed.] Socii Bollandini. Antverpiae, 1675. Vol. 3. P. IX-XV; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Col. 143 sq.; *Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium*. Col. 1178 sq.; *Ephiphanii Monachi Op. cit. Loc. cit.*; *Bibliotheca hagiographica graeca*. Vol. 1. P. 212-223; *Vies des Saints et des Bienheureux* / Ed. J. Baudot. P., 1959. Vol. 4. P. 591-595.), Георгий происходил из аристократического рода, из Малой Азии; в качестве его родины, чаще всего, называются Каппадокия, Пафлагония, или Палестина, но встречаются упоминания и ливийских центров; все византийские авторы наделяют его незаурядными воинскими доблестями, отмечают успешную карьеру в римской армии, где он достиг немалой

должности тысяцкого; как правило, он называется современником римского императора Диоклетиана, отмечается, что он придерживался христианского вероисповедания и разделил участь многих героев эры мученичества. Жития повествуют (*Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Loc. cit.; *Constantinus Acropolita. Laudatio* // AB. Bruxelles, 1933. T. 51. P. 271.), как Георгий выступил с резкими обвинениями против императора, который сжег в ночь на Рождество христианский храм в Никомидии вместе с несколькими тысячами верующих; святой был схвачен, подвергнут мучительным пыткам и обезглавлен; это произошло, как утверждает агиографическая традиция (*Bibliotheca hagiographica graeca*. Vol. 1. P. 212.), 23 апреля 303 г. н.э., местом упокоения стал палестинский город Лидда (по другим версиям, Никомидия, Диаполис). День поминовения Святого стал одной из ключевых дат христианского календаря, знаменуя начало весеннего цикла пастушеско-земледельческих работ.

Определенно, легендарный характер носят рассказы о мученичествах Св. Георгия. Помимо мощного проповеднического заряда, здесь отчетливо фиксируется фольклорный мотив трехкратного умирания и воскресения, преодоления смерти. Собственно говоря, Св. Георгий и был персонализацией животворящих сил природы, пробуждающихся весной и впадающих в сонное состояние осенью. Поэтому весеннему празднеству Св. Георгия, символически соотносившемуся с воскресением природного мира и приходившемуся на 23 апреля, очень скоро возникло дополнение в виде осеннего празднества, завершавшего активный земледельческо-пастушеский цикл, знаменовавшего умирание; осенний праздник Св. Георгия стал отмечаться 3 ноября (*Synaxarium*..., 1902. P. 297-301).

Этот второй день стал ассоциироваться с памятованием другого чуда Св. Георгия, приобретшего еще более мифологизированный характер - «чуда о змие», подвига «драконоборчества». Согласно житийной литературе (Aufhauser, P. 100-107.), Георгий выступил спасителем города Ласии (иногда называется ливийский город Силена и даже Бейрут), страдавшего от поселившегося в озере страшного чудовища, которому жители города обязаны были приносить кровавую дань; однажды в жертву дракону была предназначена дочь городского правителя; она была облачена в багряницу,

приведена на берег, и в этот миг ее, плачущую, увидел проезжавший мимо на коне Георгий; он сразил монстра, освободил девушку, как триумфатор был встречен в городе; он стал основателем первой христианской церкви на той земле, служить в которой стала спасенная девушка, христианскую веру приняли и остальные жители. В латинской версии предания, вошедшего в «Золотую легенду» Джакомо из Ворагина (1230-1298) (Jacobus de Voragine, 2003.), подвиг освобождался от brutальных сцен кровавого боя, переходя в область непостижимого *miraculum*: Георгию не пришлось обнажать меч, он сакральным словом укротил зверя, связал его выю женским поясом и заставил идти на привязи вслед за слабой женщиной вплоть до города; там, на главной площади, в присутствии всего народа герой убил дракона.

В этом эпизоде Св. Георгий стал воплощением идеала рыцарственности, призванной защищать слабых и невинных, карать безусловное зло, восстанавливать справедливый и законный порядок. Кроме того, своим подвижничеством Святой выражал идею подавления языческого прошлого, миссионерского служения и утверждения истинной веры - христианства. Наконец, связь чуда с освобождением города, основанием первой церкви превращала Св. Георгия в устроителя новой *civitas*, носителя идеи новой государственности. Не удивительно, что Святой как триумфатор, восседающий на коне, стал геральдическим символом Византийской империи, Руси, как уже отмечалось, Генуи, нередко называвшейся «Республикой Сан Джорджо», и крымской Кафы.

В обозначенном контексте требует особого понимания увенчанность короной Св. Георгия на солдайской иконе. Коронованный всадник-змееборец рассматриваемого рельефа являлся не столько победителем над иноверием, упрочителем истинной веры (все же в его образе акцентируется совмещение латинско-греческо-ориентальных черт), сколько невольным выражением идей суверенизации своеобразного континуума Генуэзской Газарии, когда различия между проживавшими на одной территории католиками и православными, христианами и нехристианами оказывались менее существенными, чем противоречия между генуэзскими колонистами и генуэзцами *madrepatria*. Идеи автономии Кафы и ее владений усиливались в конце XIV в., что ощутимо по составлению кафинско-крымских договоров 1380 - 1381 и 1387 гг., нарушению ре-

гулярных связей Кафы с Генуей, обращению к практике самостоятельного избрания глав городской власти и т.п.

В Кафе культ Св. Георгия находился под особой опекой городских магистратов и становился в некотором смысле консульской привилегией и консульским культом. Праздник Св. Георгия, как весенний, так и осенний, был, пожалуй, главным в городе и округе, поскольку в отличие от Рождества и Пасхи, отмечавшихся только христианами, к тому же, православными и католиками в разные дни, он объединял всех горожан без различия этно-конфессиональной принадлежности. Торжествам предшествовала тщательная подготовка, из бюджета Кафы выделялись деньги на подкрашивание официальных рельефов Св. Георгия на консульском дворце и крепостных башнях. В ходе праздника устраивалась пышная процессия во главе с консулом, правителем Кафы и генуэзской Газарии, восседавшим на белом коне; он выезжал за главные городские врата, совершал ритуальную охоту на дикого зверя, а затем с триумфом возвращался назад; после чего устраивались пиршество и фейерверки. Консул в этом действии, определенно, отождествлялся со Св. Георгием, и коронованность Святого отражала связь с государственной идеологией. Присутствие подобной атрибутики на иконе, происходившей от частного лица, некоего Феодора, о чем свидетельствует вторая надпись, говорит о влиянии более значимого образца, созерцавшегося каждым жителем города на башнях и консульском замке Солдайи.

Литература:

Каменная икона Св. Георгия; размеры: 21 x 18 x 7; известняк; место находки - г. Судак, башня Фьески; время находки - 1980 г. Хранится в Архитектурно-историческом заповеднике «Судакская крепость», Инв. № 1825. В качестве аналога может быть назван кафинский рельеф Св. Георгия, опубликованный Е.А. Айбабиной, см.: Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV - XVIII вв. С.46-49.

Soldaten-Heiliges // *Reallexicon zur Byzantinischen Kunst* / Hrsgb. von K. Wessel. Stuttgart, 1971. Lf. 15. Col. 1049-1061.

Delehaye H. *Le legends des Saints militaires*. P., 1909.

Dictionnaire iconographique des monuments de l'antiquité chrétienne et du moyen âge / Ed. L.-J. Guenebault. P., 1845. T. 2. P. 13-14; *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et la liturgie*. P., 1913. Vol. 6. P. 1021-1029; *Dictionnaire encyclopedique du christianisme ancien* / Ed. A. Di Berardino. Genova, 1990. Vol. 1.

P. 1032; *La Bible et les Saints. Guide iconographique* / Ed. G. Duche-Suchaux, M. Pastoureaux. P., 1990. P. 156-157.

Представления о прическах, одеяниях, доспехах средневекового западноевропейского рыцарства дают латинские надгробные скульптурные изваяния XIII - XIV вв., см.: *Die mittelalterlichen Grabmaler in Rom und Latium vom 13. bis zum 15 Jh.* / Red. J. Garms, R. Juffinger und B. Ward-Perkins. Rom; Wien, 1981. Bd. 1. Abb. 1-226.

Skrzinska E. *Inscriptiones latines des colonies genovaises en Crimée* // *Atti della società Ligure di storia patria*. Genova, 1928. Vol. 56.. N 14, 50.

О Св. Георгии существует обширная литература на различных языках, см. наиболее важные издания: Кирпичников А.И. Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; Хаханов А. Грузинский извод сказания о Св. Георгии // *Чтения общества истории Древней Руси*. М., 1891. Вып. 4; Рыстенко А. Легенда о Св. Георгии и драконе в византийской и славянской литературах. Одесса, 1909; Крачковский И. Легенда о Св. Георгии Победоносце арабской редакции // *Живая старина*. М., 1910. № 19; Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б. Святой Георгий Победоносец. СПб., 1995; Delehaye H. *Le legends des Saints militaires*. P., 1909; Steketel Hulst C. *St. George of Cappadocia in Legend and History*. L., 1909; Krumbacher K. *Der Heilige Georg in der griechischen überlieferung* // *Abhandlungen der kaiserlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abt.* München, 1911. Bd. 25. H. 3; Aufhauser J.B. *Miraculi Sancti Georgii*. Lipsiae, 1913.

Bibliotheca hagiographica latina, antiquae et mediae aetatis / [Ed.] Socii Bollandini. Bruxelles, 1898-1901. Vol.1-2. N° 3363-3393; *Bibliotheca hagiographica orientalis* / [Ed.] P. Peeteres. Bruxelles, 1910. N° 309-320; *Bibliotheca hagiographica graeca* / [Ed.] F. Halkin. Bruxelles, 1957. P.212-223; Iconomou E. *Cos' è l'icona: Oggetto liturgico oppure mezzo ermeneutico?* Milano, 1994.

Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium // PG. P., 1865. T. 97. Col. 1169-1192; *Sancti Gregorii Decapolitae Sermo historicus* // PG. P., 1865. T. 100. Col. 1201-1212; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii* // PG. P., 1864. T. 115. Col. 141-162; *Epiphani Monachi hagiopolitae Ad modum descriptionis situs orbis, e narratio Syriae, urbis Sanctae, et sacrorum locorum* // PG. P., 1864. T. 120. Col. 263.

Saxer V. [St.] *Georges* // *Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien*. Genova, 1990. Vol. 1. P. 1032.

Acta Sanctorum / [Ed.] Socii Bollandini. Antverpiae, 1675. Vol. 3. P. IX-XV; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Col. 143 sq.; *Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium*. Col. 1178 sq.; *Epiphani Monachi Op. cit. Loc. cit.*; *Bibliotheca hagiographica graeca*. Vol. 1.

P. 212-223; *Vies des Saints et des Bienheureux* / Ed. J. Baudot. P., 1959. Vol. 4. P. 591-595.

Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae *Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Loc. cit.; *Constantinus Acropolita. Laudatio* // AB. Bruxelles, 1933. T. 51. P. 271.

Bibliotheca agiographica graeca. Vol. 1. P. 212.

Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehay. [Bruxelles], 1902. P. 297-301.

Aufhauser J.B. *Miraculi Sancti Georgii*. P. 100-107.

Jacobus de Voragine. *Legenda aurea* / Asug. von J.G.Th. Graesse. Melle, 2003.

Иванова С.В. (Одесса)

БРОНЗОВЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

В частной коллекции жителя г. Белгород-Днестровский Одесской области хранится наконечник копья, изготовленный из бронзы. Сохранность наконечника очень хорошая. Он имеет широкое листовидное перо с нервюрой и большими округлыми прорезями, усиленными валиками, относительно короткую воронковидную втулку с двумя валиками по нижнему краю (Рис. 1).

Наконечник найден в Аджигольской балке Очаковского района Николаевской области. Со слов коллекционера, на поле, примыкающем к балке, в 1970-х годах был найден клад бронзовых изделий, состоящий из серпов и топоров-кельтов. Копье имеет сходство с наконечниками так называемого златопольского типа, который исследователи считают продолжением бережновско-маевской линии развития копий (Klochko, 2001). Древнейшие наконечники этого типа отличаются широким пером с заточкой по всему краю и толстой нервюрой.

Находки оружия типа «Златополь» Бережновско-Маевской культуры, в том числе и наконечников копий, известны и на более западных территориях. Так, клад из вещей целиком восточного происхождения, со сходным наконечником копья, был найден на территории Румынии, в Одейли-Подари (Klochko, 2001).

Наконечники копий и дротиков терялись, чаще всего, во время боя, и их случайные находки, вероятно, указывают на военные

столкновения. Находки этих артефактов далеко на западе могут свидетельствовать о связи сабаатиновской и Бережновско-Маевской культур или, скорее, о военных походах левобережных племен на запад, вплоть до Нижнего Подунавья. Известны и находки сабаатиновских наконечников в Среднем Поднепровье, что может быть связано с рейдами сабаатиновских племен на северо-восток.

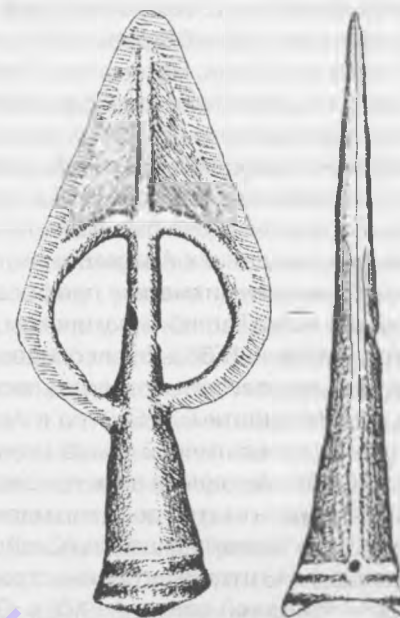

Рис. 1 Бронзовый наконечник копья

Литература:

Klochko V. *Weaponry of societies of the Northern Pontic culture circle: 5000-700 BC*. Baltic-Pontic Studies. 2001. Vol. 10.

АКАДЕМИК Е.Е. КЁЛЕР И НАЧАЛО АНТИЧНОЙ НУМИЗМАТИКИ В РОССИИ

Российская наука, в том числе историческая, прошла долгий путь становления и развития. Разрабатывая проект создания Академии наук, Петр I заботился о том, чтобы ее деятельность была на уровне науки своего времени. С этой целью для работы в Академию были приглашены крупные иностранные ученые, большинство из них немецкого происхождения: математик Леонард Эйлер, Николай и Даниил Бернулли, Христиан Гольдбах, астроном и географ Жан Делиль, физик Георг Крафт и др. Как известно, немцы внесли огромный вклад в развитие российской науки, особенно антиковедения. Наука о классических древностях сразу же стала одной из ведущих отраслей. Особый интерес был проявлен к античным монетам. В периодических изданиях Академии наук с 1729 г. начал публиковать свои работы по нумизматике профессор кафедры греческих и римских древностей Готлиб (в латинском варианте — Теофил) Зигфрид Байер (1694 — 1738). Его исследования посвящены монетам различных регионов античного мира классической и эллинистической эпох. После смерти Г.З. Байера в Академии не осталось специалистов в области античной нумизматики. Для того, чтобы восполнить этот пробел Академия наук предложила профессору из Галле И. Шульце писать статьи по нумизматике, выделив ему определенную сумму для вознаграждения (Северова, 1982. С.4). Традиция приглашения к сотрудничеству иностранных ученых получила продолжение и в первой половине XIX в. Одним из выдающихся представителей отечественного антиковедения можно считать Генриха Карла (в русском звучании Егора Егоровича) Кёлера (1765 - 1837 гг.), хранителя Минц-кабинета Эрмитажа, действительного статского советника. В 1803 г. Кёлер был избран членом-корреспондентом, а в 1817 г. как ординарный академик занял кафедру греческих и римских древностей (Тункина, 2002. С.65-66). Вошедшее не так давно в состав Российской империи Северное Причерноморье привлекало пристальное внимание исследователей различных направлений деятельности, в том числе и антиковедов. В 1804 г. по повелению императора Александра I Кёлер совер-

шил путешествие в Крым для осмотра историко-археологических памятников. В 1821 г. второе путешествие, после которого он представил записку о необходимости сохранения там исторических памятников (Тункина, 2002. С.78-83). Во время своих путешествий Кёлер уделял внимание не только осмотру памятников, но и сбору материала. Вводу в научный оборот новых севернопричерноморских нумизматических и эпиграфических источников он посвятил ряд своих исследований (Кёлер, 1850. С.99-136; С.137-161). Большинство его работ было посмертно переиздано Академией наук (Koehler, 1850 — 1853. Bd.1-2,6), что является свидетельством их научной ценности.

Им были впервые изучены и введены в научный оборот многие монетные типы Ольвии, Херсонеса Таврического, Феодосии, Боспорского царства, причем с элементами их формально-стилистической и хронологической классификации. Е.Е. Кёлера можно смело назвать основоположником ольвийской нумизматики. Ему принадлежит первая классификация ольвийских монет. В 1817 г. в письме к неизвестному нумизмату, скорее всего одесскому антикварию И.П. Бларамбергу, Кёлер разделил все известные ему ольвийские монеты на 11 классов. В основу своей классификации он положил изображения на монетах, не учитывая при этом ни вес, ни металл, из которого они чеканены. «Вот начало моей классификации: Класс 1. Голова Пана: корит [имеется ввиду горит. - Т.И.] и секира. 2. Красивая голова безбородая; корит и секира (довольно большая). 3. Голова женщины; корит и секира. 4. Голова Иракла; корит и булава. 5. Голова Иракла; булава. 6. Голова Аполлона; корит. 7. Голова женщины; колчан. 8. Голова мужская или женская; колчан, на всех на обороте: ВΣΕ. 9. Голова мужская; лук. 10. Стрелок из лука (трех родов или подразделений). 11. Голова Марса; щит и пика».

Безусловно, интересны и выводы, которые делает Кёлер из своей классификации: «Разделить лучше монеты Ольвии на классы невозможно: не легко было это множество классов (около 40) привести со вкусом в порядок, чтобы один имел отношение к другому и следовал необходимо за другим» (Кёлер, 1894. Т.17. Отд.4. С.3-4). В определении относительной древности монет и в истолковании ряда изображений у Кёлера имеются некоторые погрешности — древнейшими монетами он признавал монеты с изображением богородатого речного божества, в котором он узнавал Пана или Сатира.

В 1828 г. Кёлер представил Академии наук обширное исследование о рыболовном промысле на берегах Черного моря, в котором целый раздел посвящен литым монетам Ольвии и намечена их классификация (Карышковский, 2003. С.4).

Огромную работу проделал Кёлер по приведению в порядок нумизматического собрания Эрмитажа. Около 1830 г. им был составлен каталог Минц-кабинета, рукопись которого хранится в библиотеке Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (Спасский, 1970. С.133-144). Таким образом, «начало систематизирования, научной обработки, и каталогизации эрмитажного собрания классических памятников относится к первым десятилетиям XIX столетия и неразрывно связано с именем такого блестящего исследователя античного искусства и археологии, каким был в России в то время директор Первого отделения Эрмитажа, академик по литературе, греческим и римским древностям Е.Е. Кёлер» (Уткина, 1999. С.99).

Благодаря увлечению Е.Е. Келера малоизвестными в то время античными монетами севернопричерноморских центров собрание Эрмитажа довольно быстро пополнялось памятниками юга России.

Не менее важный след оставил Кёлер в нумизматике Херсонеса и Боспора, главным образом введением в научный оборот новых монетных типов (Тункина, С.365-371). Ему принадлежит приоритет в публикации уникальной серебряной дидрахмы боспорского царя Спартока из собрания государственного канцлера графа Н.П. Румянцева (Кёлер, 1850. С.137-161), ныне хранящейся в ГИМ. «В немалом, но вполне понятном стремлении сделать очередное нумизматическое открытие Кёлер через официальные каналы пытался получить сведения о большинстве нумизматических собраний империи. По инициативе Кёлера в 1828 г. Николай I повелел «из всех приобретаемых для музеев в Одессе и Керчи медалей, которые вдвойне находиться будут, доставлять по одному экземпляру к министру Имп. двора» для присоединения к собранию Эрмитажа» (Тункина, 2002. С.358). К сожалению, между столичными академиками (причем по их инициативе) и любителями истории и археологии на местах сложились крайне недружелюбные отношения. Примером этого может быть достаточно строгая критика Кёлером научных трудов И.А. Стемпковского [Иван Алексеевич Стемпковский (1788 -1832 гг.) с 1814 по 1828 гг. жил в Одессе, а в 1828-1832 гг. в Керчи. Любитель археологии и нумизматики Северного Причерно-

морья; владел великолепной коллекцией монет севернопричерноморских полисов, которая после его смерти по приказу императора была куплена Эрмитажем (Институт Рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского НАНУ, V, 1189)]. Хотелось заметить, что эта критика была вызвана скорее причинами психологического склада петербургского академика и его научной ревностью к молодому коллеге, нежели научной объективностью. «Резкий тон отзывов Кёлера о трудах Рауль-Рошетта, Кёппена и одесских антиквариетов зачастую переходил допустимые границы научной этики. Вместо спокойной конструктивной критики на первый план вышла капризная раздражительность и придирки по мелочам, которые стали объективным тормозом развития науки на периферии» (Тункина, 2000. С.372). Свою любовь к нумизматике Кёлер передал по наследству сыну Василию Егоровичу, который стал одним из членов-основателей Санкт-Петербургского Археолого-Нумизматического общества (1846 г.), продолжив тем самым научные традиции отца.

Литература:

Избаш Т.А. Основные этапы изучения монетного дела античных городов Северного Причерноморья в России в XVIII — начале XX вв. // Археология и этнология Восточной Европы: Материалы и исследования (сборник научных работ, посвященный 60-летию В.Н. Станко). Одесса, 1997. С.206-218.

Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Одесса, 2003.

Кёлер Е.Е. Рассуждения о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно, изданный Г. Спасским. М., 1850. С.99-136.

Кёлер Е.Е. Описание медали Спартока, царя Босфора Киммерийского, находящейся в Кабинете государственного канцлера графа Румянцева // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно, изданный Г. Спасским. М., 1850. С.137-161.

Письмо академика Кёлера к неизвестному нумизмату, писанное из Санкт-Петербурга в 1817 г., 2 марта // ЗООИД, 1894. Т. 17. Отд. 4. С.3-4.

Северова М.Б. Нумизматическая литература в России XVIII века: Общий обзор. Аннотированная библиография 1710?1800 гг. Л., 1982.

Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // НЭ, 1970. Т. 8. С.133-144.

Тункина И.В. Иван Алексеевич Стемповский: Материалы к биографии // ΣΥΣΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С.357-379.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.

Уткина Л.М. Академик Е.Е. Келер и Эрмитаж // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С.99-118.

Koehler H.K.E. Gesammelte Schriften / Hrsg. von Ludolf Stefani. SPb., 1850 — 1853. Bd. 1: Serapis. Theil 1. 1850. 236 S.; Bd. 2: Serapis. Theil 2. 1850. 246 S.; Bd. 6: Kleine Abhandlungen vermischten Inhalts. 1853. 374 S.

Кокоржицкая Т.Н. (Одесса)

ФРИЗАХСКИЕ ПФЕННИГИ В НУМИЗМАТИЧЕСКОМ СОБРАНИИ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Еще в 1910 году известный чешский нумизмат Е. Фиала опубликовал сведения о величине и составе, так называемого, «Аккерманского клада» (Фиала, 1910. Р.40-41). Изучив архивные документы, В.М. Потин смог установить, что клад, ранее считавшийся «Аккерманским» и в 1890 году приобретенный Эрмитажем, на самом деле был найден в Хотине (Потин, 1963. С.111). В средние века этот город, расположенный на Днестре являлся важным торговым центром. Клад же, найденный здесь при распашке участка городской земли местным жителем Архипом Озарчуком, до настоящего времени остается единственным кладом западноевропейских монет домонгольского периода в Днестровско-Прутском регионе (Нудельман, 1985. С.94).

К моменту публикации Хотинского клада В.М. Потиным часть монет бесследно растворилась в Эрмитажном собрании, часть была продана за границу (Потин, 1963. С.111-112).

В протоколах Одесского Общества истории и древностей сохранилась запись, в которой сообщается о том, что в 1890 году в дар от Л.П. Долинского поступило 16 монет из Хотинского клада. Горный инженер по образованию, Л.П. Долинский проявлял большой интерес к археологии и занимался собиранием древностей. Свои приобретения он раздавал коллекционерам, а также передавал в общественный музей. Обстоятельства находки, подарен-

ных им монет близки по описанию к обстоятельствам находки монет, опубликованных В.М. Потиним. Но, к сожалению, в нашем случае имя находчика не указано. Совпадает год поступления монет в Эрмитаж и в музей Общества. Известно, что сообщение о находке Хотинского клада, опубликованного В.М. Потиним, поступило от бессарабского губернатора министерству просвещения в конце 1889 года (Потин, 1963. С.111). Монеты же, поступившие в дар от Л.П. Долинского, соответственно записи в протоколах Одесского Общества истории и древностей, были найдены в 1888 году, что не исключает вероятности того, что речь идет об одном и том же кладае.

Следует также упомянуть об еще одной находке из данного региона. В Отчете о работе Общества за 1898 год сообщается о приобретении для Мюнцкабинета 16-ти брактеатов майнцских архиепископов XIII-XIV веков, которые были найдены в Хотинском уезде, близ реки Прут. К сожалению, к настоящему времени эти брактеаты не сохранились в нашем собрании.

Та же судьба постигла и те три экземпляра брактеатов, которые поступили в дар от Л.П. Долинского. В протоколах Общества приводится этих монет описание: «Самая большая из них величиной в рубль, весом 1 грамм и 4 центиграмма. На ней выбит крест, к четырем концам которого приставлены выпуклою стороною, для украшения, дуги. Между концами дуг выбиты: баранья голова, рыба, птица(?) и крест. Все окружено двумя кругами, между которыми третий из жемчужин. На второй: лев в короне посреди двух кругов из жемчужин, между которыми надпись: MONETA DOMINI REGIS IN BAV. Величина в полтинник, вес 7 центиграммов. На третьей: бюст Богородицы в рамке из шести соединенных концами дуг, лежащей в круге. Около лика Богородицы с каждой стороны по две жемчужины. Против соединения дуг шесть букв, из которых только три явственны: О.А.В. Монета величиной в двугривенный, весом 7 центиграммов» (Зас.255 от 14/XI 1890 г).

Отсутствуют в нумизматическом собрании нашего музея и пять монет, переданных Л.П. Долинским на лицевой стороне которых изображен «епископ, стоящий с посохом в правой и крестом в левой руке», а на оборотной - «цветок из восьми лепестков в круге из жемчужин, который опоясывают четыре дуги, соединяющиеся на нем концами. В каждой дуге трилистник, а в каждом углу, образуе-

мом соединяющимися концами дуг, ветка с пятью листьями» (Зас.255 от14/XI 1890 г.).

Половину же из поступивших в Мюнцкабинет Общества, судя по их описанию, составляли, так называемые, «фризатики». По свидетельству Е. Фиалы, фризакские пфенниги XII-первой четверти XIV в. были довольно многочисленны в составе Хотинского клада (Fiala, 1910. P.40-41).

Фризакские денарии чеканились архиепископами Зальцбурга на своем монетном дворе, расположенном в Фризахе (Северная Каринтия). С этим связано название, которое получили эти монеты. Начало их выпуска относится ко времени Конрада I. Именно этот зальцбургский архиепископ в период между 1125 и 1130 годами начал чеканить на монетном дворе Фризаха серебряные монеты весом 1,19 и 0,98 г., взяв за образец монеты Кельна. Выпуск монет, получивших название «фризатиков» продолжили наследники Конрада. Благодаря высокой пробе серебра монеты эти высоко ценились. По их образцу чеканили свои монеты многие герцоги, а также венгерский король Андраш I (1205-1235). Весьма умело имитировали деньги из Фризаха аквилейские патриархи и бабенбергские епископы.

В нумизматическом собрании Одесского археологического музея так называемые фризакские пфенниги представлены двенадцатью экземплярами. Четыре из них (инв.№№ 28873, 28897, 30094, 30095), чеканившиеся в Фризахе относятся к так называемому типу ERIACENSIS (Lushin von Ebengreuth, 1923. Nr.6), который Б. Кох датировал периодом 1170-1200 гг. На лицевой стороне этих монет помещено изображение фигуры архиепископа в биконической митре и мантии, украшенной шнуром из жемчужин в форме Y. В правой руке он держит посох, а в левой книгу. Круговая легенда: ERIACENSIS. На оборотной стороне - фасад собора с большим крестом, на фасаде четыре круглых окошка, расположенных между прямыми линиями; по обеим сторонам башни с остроконечными крышами, над каждой из которых изображена точка. Вес этих монет - 1,0-1,25 г. Диаметр - 20-21 мм. Возможно, к чеканке Фризаха можно отнести еще пять наших монет (инв.№№ 28876, 28896, 30097, 30098, 51605). К сожалению, из-за плохой сохранности точное их определение затруднительно. Три монеты являются полубрактеатами. Изображение оборотной сто-

роны на них проступает на лицевую. Вес их - от 0,68 до 0,92 г., диаметр - 19-22 мм.

Одним из центров, чеканивших свои подражания монетам Фризаха был Санкт-Файт (Каринтия). На лицевой стороне этих монет изображался герцог в военном платье, слегка повернутый в профиль. В руках он держит меч, а за спиной у него знамя. На оборотной стороне - крепость с открытыми воротами, зубчатой стеной и двумя боковыми башнями, в центре наверху - звезда. Две монеты (инв.№№ 30093, 30100), хранящиеся в нашем собрании, чеканились в Санкт-Файте герцогом Ульрихом II (1181-1202) (Lushin von Ebengreuth, 1923. Nr.184). Вес - 1,09-1,15 г, диаметр - 21 мм. Возможно, к чеканке Санкт-Файта можно отнести и полубрактеат (инв.№ 30099), изображение на оборотной стороне которого подобно описанному выше. Вес этой монеты - 0,63 г, диаметр - 20 мм.

Благодаря высокой пробе серебра «фризатики» получили широкое распространение в Трансильвании и в первой половине XIII века стали господствующей монетой в данном регионе (Sabau, 1958. P.279). По мнению исследователей, именно отсюда они проникают на территорию Днестровско-Прутского региона. А.А. Нудельман отмечал, что хронологический диапазон проникновения этой группы монет в Поднестровье не выходит за рамки первой трети XIII века (Нудельман, 1985. С.94).

Небольшая группа фризакских пфеннигов, представленная в нашей коллекции датируется второй половиной XII - самым началом XIII в. и, вероятнее всего, большая часть этих монет была найдена в Хотине.

Литература:

Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985.

Потин В.М. Клад брактеатов из Поднестровья // НиС. 1. 1963. С.109-127.

Fiala E. Munzen und Medaillen der Welchen Lande. Prag, 1910.

Koch B. Corpus nummorum austriacorum. Bd.I. Wien, 1994.

Lushin von Ebengreuth A. Friesacher Pfennige // Numismatische Zeitschrift/ LVI. 1923. P.33-144.

Sabău I. Circulația monetară în Transilvania secolelor XI-XIII, în lumina izvoarelor numismatice // SCN. Vol.II. S.269-301.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЧАЛА ОСВОЕНИЯ ГРЕКАМИ УСТЬЕВОЙ ОБЛАСТИ РЕКИ ТАНАИС

Полученные новые археологические материалы, наряду с результатами обобщения уже имеющихся данных по реконструкции природно-климатических и палеогеографических обстановок в позднем голоцене для восточного и северного районов Азовского моря (Хрусталева, 2001. С.79-88; Федоров, Беляев, 2004. С.16; Горлов и др., 2002. С.248-256; Болховская и др. 2002. С.257-271; Горлов, Кайтамба и др. 2005. С.97-101), позволили с новых позиций обратиться к проблемам, связанным с началом освоения греками устьевой области реки Танаис. На основании комплексного анализа всей совокупности источников мы попытаемся выяснить причины, обусловившие основание именно здесь самой ранней в Северо-Восточном Причерноморье греческой колонии известной в литературе как Таганрогское поселение (Копылов, 1996. С.33; Копылов, 1998. С.90; Копылов, 2002. С.229, сл.).

О знакомстве древних греков с Приазовьем еще в доколониационный период может свидетельствовать упоминание Меотиды в раннегреческой мифологии (Эсхил. Прометей прикованный. 427-440; Геродот, IV, 110). В этой связи отметим, что специалисты считают гидроним Меотида одним из древнейших в топонимике Северного Причерноморья¹ (Ильющечкина, 2005. С.221). Геродот упоминает Меотиду 15 раз и в шести случаях (IV, 20, 21, 57, 100, 116, 120) речь у него идет об интересующем нас районе. Крайне малочисленные письменные источники не позволяют установить время и характер начала освоения греками района устья Танаиса. Можно лишь предположить, что отдельные греческие суда с разведочными целями могли посещать эти места еще до основания здесь своих апойкий для выявления пунктов, где можно было установить контакты с туземным населением ради приобретения сырья и других необходимых грекам товаров. Полученная информация могла послужить основой при составлении древнейших периплов и периегез, столь необходимых грекам при выборе мест для своих буду-

¹ Впервые эта мысль была высказана Ю.Г. Виноградовым в личной беседе с одним из авторов этой работы в 1990 году.

щих колоний. О весьма раннем интересе греков к области устья р. Танаиса могут свидетельствовать сведения Страбона (XI, 2, 4), упоминавшего в этом районе клазоменские наблюдательные пункты² (Шелов, 1970. С.45), а также Плиния Старшего, указавшего в своей Естественной истории (VI, 20), что районом устья Танаиса первоначально владели карийцы, затем клазоменцы и меоны, а после них пантикапейцы (Брашинский, 1980. С.3). Основным доводом противников пребывания карийцев в этом районе является отсутствие других письменных источников, упоминающих карийцев и меонов в Северном Причерноморье (Шелов, 1970. С.45; Иванчик, 2005. С.104). В последней работе А.И. Иванчика подробно анализируются данные античной литературной традиции о Северном Причерноморье и степных кочевниках VIII - VII вв. до н.э. и отмечается отсутствие у греков информации о северном и восточном побережьях Азово-Черноморского бассейна до начала колонизации (Иванчик, 2005. С.104). Анализируя информацию Плиния, согласно которой «территорией вокруг устья Танаиса до греков владели карийцы» А.И. Иванчик указывает, что толкования этого свидетельства в качестве подтверждения древних контактов между Средиземноморьем и Северным Причерноморьем вряд ли могут быть признаны удачными (Иванчик, 2005. С.104). Нам представляется, что информация Плиния, который по определению М.И. Ростовцева выбрал в свои труды сведения, идущие еще от ионийских писателей, может свидетельствовать о поэтапном освоении греками района устья Танаиса. Очевидно, первыми приступили к освоению богатого экономического потенциала этого района выходцы из городов, расположенных в Кари (Милет, Миунт, Приена), население которых по свидетельству Геродота (I, 142) говорило на одном наречии. Этнолингвистический анализ гидронимов и топонимов в районе устья Танаиса позволил Л.С. Баюну засвидетельствовать здесь отзвуки древнего пребывания греческих колонистов из Кари (Баюн, 1988). Геродот (V, 120, 121; VI, 25) и, очевидно, вслед за ним Плиний могли называть карийцами жителей греческих городов расположенных в Кари. Для времени Плиния название населения не по этнической принадлежности, а по наименованию территории их оби-

² В этой связи примечательна недавняя находка фрагментов транспортных архайских амфор (в том числе ножки клазоменской амфоры) в районе косы Долгенькая на южном побережье Таганрогского залива.

тания, засвидетельствовано для Боспора Киммерийского эпиграфически (КБН, 1965. № 133). В процесс освоения района устья Танаиса, вероятно, включились также жители городов расположенных в Меонии (Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея), которые говорили на наречии отличном от наречия жителей карийских городов (Геродот I, 142), а приоритет в практическом освоении этого района принадлежал клазоменцам. Примечательно, что вслед за информацией о городах расположенных в Кари и Меонии Геродот (I, 142) перечисляет ионийские города - Самос и Хиос на островах и Эрифры - на материке. Таким образом, говоря о карийцах, лидийцах и ионянах Геродот иногда мог иметь в виду жителей перечисленных им городов расположенных в Кари, Меонии и Ионии.

Исследователи уже отмечали тесную связь между ранним периодом греческой колонизации Северного Причерноморья и событиями в малоазийских городах (Доманский, 1965. С.126; Кошеленко, Кузнецов, 1992. С.20, сл.). Первое появление греков колонистов в районе устья Танаиса можно связать с войнами против греческих городов в Кари и Меонии, которые начал царь Лидии Гигес, умерший в 644 г. до н.э. (Алексеев, 2003. С.282), продолжили его приемники Ардис и Алиатт, а закончил Крез (Геродот, I, 14-18). Следовательно, греческие колонисты могли появиться в районе Меотиды в период с середины VII до середины VI вв. до н. э. Насколько, однако, эти предположения соотносятся с археологическими материалами? В коллекции архаической керамики из Таганрогского поселения, которая составляет сегодня более 10 тысяч фрагментов, можно выделить довольно представительный ранний пласт восточно-греческой керамики, относящейся к третьей четверти VII в. до н.э. (Копылов, 2002. С.278, сл.), а также к последней четверти этого столетия³. Большинство фрагментов различных групп керамики принадлежат продукции милетских, затем клазоменских, самосских и хиосских мастерских. Анализ керамического комплекса в целом позволяет утверждать, что эта милетская колония (Виноградов, 1999. С.179) функционировала в период с третьей четверти VII до третьей четверти VI в. до н.э. Разведочные раскопки, проведен-

³ Искренне признательны Я. Боузеку, П. Дюпону, М. Кершнеру, У. Шлоцхауеру и Я. Эрзою за консультации и помощь при определении хронологии отдельных видов керамики из Таганрогского поселения.

ные российско-германской группой экспедиции НМЦА РГПУ в 2004-2005 гг. в районе Каменной лестницы г. Таганрога, позволяют предположить, что в прибрежной части могут быть обнаружены остатки культурного слоя этой раннегреческой колонии, считавшейся полностью поглощенной водами Таганрогского залива.

Археологические материалы свидетельствуют, что уже в конце VII - первой четверти VI в. до н.э. территории азиатского и европейского Боспора, а также степи Предкавказья, очевидно, входят в сферу экономического и, возможно, политического влияния Таганрогского поселения (Кремн?). Большинство археологических свидетельств о ранних контактах греков со скифами в степях Северного Причерноморья фиксируются в зоне экономического влияния Таганрогского поселения (Копылов, 2001. С.39-40; Копылов, 2003. С.131-135). Присутствие греческой керамики последней трети VII - первой половины VI в. до н.э. в составе погребального инвентаря этих скифских захоронений, служит свидетельством особого статуса нарождающейся здесь элиты скифского общества. Характерно, что этот признак обнаруживается только в тех регионах, к которым греки проявляли особый интерес (Монедеро, 2005. С.88, сл.). Очевидно, геополитическая ситуация в устьевой области р. Танаис в этот период еще не способствовала созданию «разделяющего греков и варваров барьера взаимного отчуждения» (Андреев, Марченко, 2005. С.404). Именно поэтому основная концентрация раннескифских погребальных памятников фиксируется в низовьях Танаиса, где еще в эпоху поздней бронзы функционировала одна из основных переправ, которая в представлении греков являлась соединительным звеном между Европой и Азией.

При реконструкции палеогеографических обстановок, складывающихся в устьевой области реки Танаис на момент появления здесь Таганрогского поселения, производился анализ структурно-тектонических и природно-климатических факторов, влияющих на изменение контуров береговой линии Таганрогского залива в позднем голоцене. Согласно сложившимся представлениям (Дубинский и др., 1978. С.70-81), особенности тектонического строения рассматриваемой территории определяются её приуроченностью к области сочленения Ростовского выступа Украинского кристаллического щита и эпигерцинской скифской плиты, охватывающей территорию Предкавказья. Каждый из этих структурно-фор-

мационных элементов земной коры характеризуется дифференцированными по знаку и амплитуде неотектоническими движениями, определившими современную морфологию эрозионно-тектонического ложа Таганрогского залива и конфигурацию дельты Танаиса-Дона (Хрусталева, Ивлиева, 1999). Преобладающая часть залива входит в область высокоамплитудных нисходящих голоценовых движений, скорость которых вдоль его осевой части составляет порядка 2-3 мм/год. В прибрежной полосе темпы аналогичных по знаку движений снижаются до 1 мм/год, а для дельты Дона значения современных тектонических движений являются самыми низкими - около 0,5 мм/год (Хрусталева, Щербаков, 1974. С.10-16). Самой крупной водной артерией региона является р. Дон, водный сток которого в прошлом веке изменялся в пределах 29 - 22 км³/год (Кутилин, Смагина, 1995. С.45-47). Очевидно также, что и так называемые «малые» реки - Миус, Кагальник, Мокрый Еланчик, Самбек, Морской Чулек, Сухая и Мокрая Чубурка, судя по их хорошо выраженным долинам, были в античное время намного полноводнее и поэтому, могли быть пригодными для судоходства. Наличие же в донных отложениях Миусского лимана 2-х метровой толщи песчано-гравийно-галечного материала (рис. 1), приходящегося на пик Фанагорийской регрессии (2800-2500 л.н.), свидетельствует о стремительном переуглублении русла Палео-Миуса в гидродинамическом режиме, типичном для горных рек.

Для Нижнего Дона, по данным метеонаблюдений, преобладающими являются ветры восточных и западных составляющих, на долю которых приходится соответственно 53 % и 35%. Практический интерес для древних греков могли представлять сильные ветры (более 15 м/с). Их средняя повторяемость для акватории Таганрогского залива составляет до 54 дней в году. Восточный ветер - «верховка», на долю которого приходится 31%, может вызвать сгон воды из Дона и Таганрогского залива и привести к значительному (до 2,5 м) понижению их уровня. Сильный юго-западный нагонный ветер - «низовка», наоборот, повышает уровень воды в этой части Азовского моря до 2 м. Наиболее интенсивные сгоны воды наблюдаются в сентябре-ноябре, нагоны - в июле-августе. (Кутилин, Смагина, 1995. С.45-47). Ветры юго-западных румбов сильно увеличивают придонные течения в водах Таганрогского залива, схема направлений которых, была составлена по данным дешифрирования аэро-космоснимков (рис.2).

История палеогеографического развития устьевой области реки Танаис обусловлена, в основном, сочетанием новейших тектонических флуктуаций дна Таганрогского залива и периодически повторяющихся трансгрессивно-регрессивных циклов эвстатического изменения уровня Мирового океана в позднем голоцене. Результаты палинологических исследований донных отложений Таманского полуострова с параллельным определением их радиоуглеродного возраста, позволяют соотнести хронологический интервал, связанный с появлением греков в районе Таганрогского мыса, с максимумом «фанагорийской регрессии» (2700-2500 л.н.) и отметить подавляющее господство открытых степных ландшафтов на исследуемой территории (Болыховская и др., 2002. С.257-272).

Нами установлено, что во время относительно краткосрочной фанагорийской регрессивной фазы, в результате отступления вод Азовского моря, в вершинной части Таганрогского залива образовалась суша площадью около 1500 км² с весьма плодородными землями. Реконструкция уровня «фанагорийской регрессии» показывает, что к пику этой фазы море прекратило свое отступление, достигнув отметки - 5.0-5.5 м. В последствии замедление оттока воды приводит сначала к заболачиванию устьевой области р. Танаис, а затем и к полному восстановлению исходных контуров древнеазовского залива (рис. 3). Окончательно береговая линия складывается в ходе наступившей нимфейской фазы трансгрессивного развития Азово-Черноморского бассейна. Сопоставление разновозрастных палеогеографических карт с современными наблюдениями за интенсивностью абразии берегов показали, что максимальная величина разрушений происходила в юго-восточной части Таганрогского залива, где древнеазовская береговая линия проходила в 3-6 км севернее современной. Скорость разрушения северной береговой линии в вершине Таганрогского залива была менее значительной и составляла всего 0,2 м/год (Хрусталева, Щербаков, 1974. С.19).

Результаты палеогеографической реконструкции позволяют считать, что ранняя греческая колония располагалась на низкой террасе под береговым обрывом у основания Таганрогского мыса, на берегу исключительно богатого рыбными запасами пресноводного озера, образованного р. Палео-Самбек и северным рукавом р. Палео-Дон (рис.3). Именно это место являлось наиболее пред-

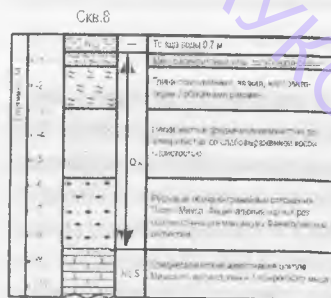

Рис. 1. Строение толщи донных отложений Миусского лимана в районе пос. Лакедемоновка (структурная колонка по скважине № 8)

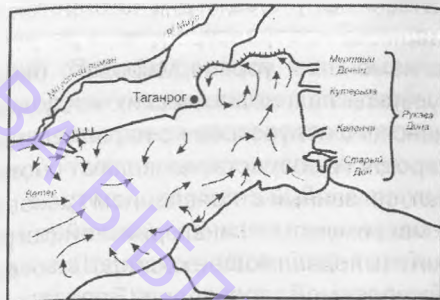

Рис. 2. Схема направлений нагонных течений в поверхностном слое вод вершины Таганрогского залива по данным АКС-дешифрования

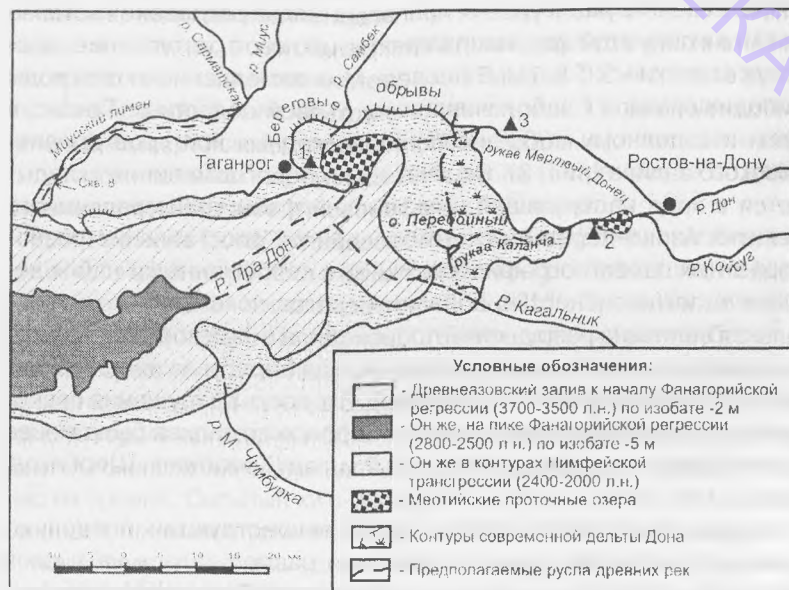

Рис. 3. Палеогеографическая реконструкция береговой линии вершины Таганрогского залива и места греческих поселений: 1 - Таганрогское поселение; 2 - Елизаветовское городище; 3 - Танаис

почтительным для основания гавани. Южный рукав находился на месте нынешней протоки Каланча.

Резюмируя вышесказанное и, учитывая то исключительное значение, которое греки придавали выбору мест для своих будущих колоний, можно сделать вывод, что устьевая область р. Танаис как нельзя лучше отвечала всем необходимым требованиям, а именно:

1. Наличие удобной гавани и расположение ее на перекрестке основных водных и сухопутных транспортных коммуникаций.
2. Благоприятная демографическая и геополитическая ситуация.
3. Наличие большого массива чрезвычайно плодородных земель.
4. Исключительное богатство и разнообразие рыбных запасов.
5. Наличие источников питьевой воды.

Помимо того отметим близость к древним разработкам золота, серебра, цинка, свинца, меди и железа, известным на территории современной Северной Осетии, горной части Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии. Именно эти составляющие и явились для греков главными причинами для основания одной из наиболее ранних колоний Северного Причерноморья, именно в устьевой области р. Танаис.

Литература:

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Андреев Ю.В., Марченко К.К. Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Баюн Л.С. К проблеме этнолингвистической интерпретации некоторых топонимов и гидронимов Восточной Меотиды. Доклад был прочитан на VI Донской археологической конференции в марте 1988 года.
- Болиховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б., Фауш Э. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК Вып. XII. Москва.-Магнитогорск, 2002.
- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V -III вв. до н.э. Л., 1980.
- Виноградов Ю.Г. Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. 1999. № 4.
- Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фауш Э., Мюллер К. К вопросу о историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. Вып. XII. Москва.- Магнитогорск, 2002.
- Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Поротов А.В. Палеоэкологический фактор

в социально-экономическом развитии Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. СПб., 2005.

Домингес Монедеро А.Х. Греки в Иберии и их контакты с туземным миром // ВДИ. № 4. 2005.

Доманский Я.В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // АСГЭ. Вып. 7. Л., 1965.

Дубинский А.Я., Лебедев Г.И., Маценко Н.А., Хацкель М.Л. Тектоническое районирование юго-восточной части Украинского щита // Советская геология. № 10. 1978.

Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной традиции: фольклор, литература и история. Pontus Septentrionalis III. Москва Берлин, 2005.

Дионисий Александрийский (Периэгет). Описание ойкумены. Вступительная статья перевод с древнегреческого и комментарии Ильюшечкиной Е.В. // ВДИ. №4. 2005.

Копылов В.П. Греческая колонизация и утверждение скифов в Северо-Восточном Приазовье // МОБЧМ. Тезисы докладов VIII международной научной конференции, посвященной памяти И.Б. Брашинского и Д.Б. Шелова. Ростов-на-Дону, 1996.

Копылов В.П. Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1998.

Копылов В.П. Ранний этап греко-варварских связей на Северном Кавказе (VII - первая половина VI вв. до н.э.) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 2001.

Копылов В.П. Греко-варварские взаимоотношения на Нижнем Дону в VII-VI вв. до н.э. // ИАИАИД. Вып. 18. Азов, 2002.

Копылов В.П. Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья (Вопросы хронологии и военно-политической истории) // ВДИ. № 1. 2003.

Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // Очерки археологии и истории Боспора М., 1992.

Кутилин В.С., Смагина Т.А. Природа, население и хозяйство Ростовской области. Часть 1. Ростов-на-Дону, 1995.

Хрусталева Ю.П., Щербаков Ф.А. Позднечетвертичные отложения Азовского моря и условия их накопления. Ростов-на-Дону, 1974.

Хрусталева Ю.П., Ивлиева О.В. Ландшафты Азовского моря // Среда, биота и моделирование экологических процессов в Азовском море. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2001.

Федоров Ю.А., Беляев А.Г. Биогенные вещества в зоне смешения река Дон - Азовское море. Ростов-на-Дону, 2004.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III - I вв. до н.э. М., 1970.

ИМПОРТЫ МАЛОКОПАНЬСКОГО ДАКИЙСКОГО ГОРОДИЩА

Среди ключевых памятников дакийской культуры Верхнего Потисья рубежа н.э. по степени изученности выделяется городище, типа дава, возле с. Малая Копаня Закарпатской обл. Украины. За двадцатилетний период его исследования получен неоценимый материал по древней истории региона. На площади 1,75 га вскрыты десятки хозяйственно - бытовых построек и мастерских, собрана огромная коллекция материала (керамика, орудия труда, оружие, монеты, украшения, бытовые вещи), в которой отдельную группу составляют предметы, поступившие на Малую Копаню извне.

Рассматривая римские импорты Карпато - Дунайского бассейна, исследователи обычно выделяют три основных пути их проникновения в варварскую среду: торговля, военная добыча, подарки местным вождям (Kraskovská, 1981. S.390-391). Если два первых пути имели место у населения Верхнего Потисья, то третий, в связи с удаленностью региона от границ Империи (это не маркоманы и квады Среднего Подунавья), до начала II в. н.э. едва ли мог быть реализован.

Импорт Малой Копани (римский и варварский) по функциональному назначению выделяется в три группы: монеты, украшения и принадлежности одежды, сосуды.

В монетную коллекцию городища входят 44 номинала с доминированием дакийских эмиссий типа Медиешул Аурит (24 экз.). Своё название получили по кладу (108 экз.), найденному в 1903 г. в пос. Медиешул Аурит Сату Марского уезда Румынии (Preda, 1973. P.289-294). Чеканились из серебра, нередко со значительной лигатурой. На аверсе стилизованная голова, лавровый венок, на реверсе стилизованная галопирующая лошадь. Копыта треугольные, клювообразная пасть, грива составлена из рядов мелких шариков. Территория основного обращения - Северо - Западная Дакия, в меньшей мере Банат, единичные находки на территории Западной Словакии и Моравии (Kolníková, 1995. Abb.1). Датируется тип Медиешул Аурит второй половиной II - началом I в. до н.э. (Preda,

1973. P.89). Однако, время существования Малой Копани (около 60 г. до н.э. - 106 г. н.э.) и значительное количество этих монет в разных строительных горизонтах городища заставляет сдвинуть верхнюю границу их обращения, на севере Дакии, до рубежа н.э., а, возможно, и позднее. Можно полагать, что на окраине дакийского мира, будучи межплеменным номиналом денежного обращения, они использовались и после распада государства, вызванного гибелью Буребисты в 44 г. до н.э.

Ко второй половине I в. до н.э. относятся две тетрадрахмы: велькобистерецкого и сырмского типа. Происхождение первой - Северная Словакия, область пуховской культуры, территория основного обращения второй - область между рр. Дравой, Савой и Дунаем, т.е. Иллирия (Pieta, Kolniková, 1986. S.405-406; Pink, 1939. S.64-66, №193-203).

На втором месте, по количеству, после варварских, стоят римские республиканские монеты (6 экз.). Среди них выделяется денарий с головой Кибелы на аверсе, чеканенный в 54 г. до н.э.

Эмиссии иллирийских греческих городов - полисов Диррахиума и Аполлонии представлены тремя драхмами. Согласно Д. Бэлэнеску (1992, P.159), на территории Дакии они, через Банат, распространяются наиболее интенсивно с третьей декады I в. до н.э.

Имперские монеты (7 экз.). Четыре не имеют четкой датировки (I - II вв. н.э.), а три относятся к времени правления Августа. Особый интерес представляет 1/2 бронзы из римской колонии Нипаусоса (Южная Галлия), датированная двумя последними десятилетиями до нашей эры (определение монет проведено Э. Колниковой).

Основной, после монет, статьёй импорта в варварском мире Европы I в. н.э. были сильно профилированные фибулы норико - паннонского типа. В Малой Копане из 45 застёжек к ним относятся 24 экземпляра, с преобладанием типов Альмгрен 67-69, 236 и 238 (Котигорошко, 2002. С.142-146, табл. III-IV). Однако, безоговорочно отнести их к импортам невозможно в связи с наличием на городище ювелирных мастерских и находки фибулы - полуфабриката (рис.1, 11), однозначно указывающего на изготовление подобных фибул на месте по римским эталонам.

Украшения, поступившие извне на Малую Копаню, представлены плакеткой и пронизью. В общей сложности на городище выявлено более 30 бус, но наличие стеклоделательной мастерской не

позволяет определить их как импорты (Kotigoroshko, 1995. P.79, fig.40-41). Только плакетка может быть отнесена к вещам не местного происхождения. Она входит в группу мозаичных плакеток с двусторонним изображением. Размеры 12 x 11 x 5 мм. С одной стороны чуть сжата. Края обведены бордовым стеклом. На синем фоне изображена женщина до пояса. Фигурка белая, в чёрной накидке. Глаза смотрят прямо, губы красные. На шее бусы, на голове рогатый венец и овал похожий на нимб (рис.1, 8).

Аналогичные плакетки известны по многочисленным коллекциям. Различия в деталях орнамента и цветовой гамме свидетельствуют об индивидуальном художественном подходе к исполнению рисунка каждой заготовки (Алексеева, 1971. С.183). Сложная технология изготовления предполагает выход плакеток из стеклоделательного центра, имеющего специализированные мастерские. Таким местом общепризнано считать Александрию, мастерские которой в I в. до н.э. - I в. н.э. выпускали эту продукцию (Алексеева, 1982. С.37).

Ближайшая аналогия малокопаньской плакетки найдена в некрополе Пантикапея (Алексеева, 1971. С.185, рис.2, 12).

Пронизь из горного хрусталя. Продольно вытянутая, ребристая, со сложной огранкой. Четкие грани имеют треугольные и ромбовидные очертания. Сверление двустороннее, поперечное. Каналы узкие с выколкой. Размеры: 23 x 15 x 9 мм (рис.1, 6).

Согласно Плинию Старшему (Plin., NH., 37, 11, 9), горный хрусталь добывали и в Европе, и в Азии, но индийский предпочитался.

Ближайшая аналогия пронизи происходит из Фанагории и датируется Е.М. Алексеевой I - III вв. н.э. При этом исследователь отмечает, что из-за малочисленности находок изделий из горного хрусталя, трудно проследить их эволюцию и технику производства, а, следовательно, и дать узкую хронологию пронизей этого типа (Алексеева, 1982. С.7, 9, табл. 35:43).

Следующую группу вещей, поступивших на Малую Копаню, составляют пряжки и астрагалы.

Пряжки (4 экз.) однораздельные, прямоугольной формы, с утиной головкой. Железо, бронза (рис.1, 9-10). Согласно классификации И. Гарбша (1965, S.80, Abb.42, 101), принадлежат к пряжкам типа 1a, которые во времена Августа изготавливались в норико - паннонских мастерских.

Астрагалы - детали воинских поясов. Изготавливались из бронзы, трёх - пятираздельные (рис. 1, 2-3). Редкой находкой является целый астрагаловый пояс, обнаруженный на Земплинском городище (Miršajová, Caplovič, 1991. S. 119, tabl. I, 16, 17).

Появляются астрагаловые пояса в V в. до н.э. в Иллирии, позднее, из страны скордисков, распространяются в отдалённые регионы Карпатского бассейна (Todorović, 1968. S. 61). В I в. до н.э. они достигают территории пуховской культуры (Pieta, 1982. Tabl. LVII, 22), но особенно много астрагалов найдено на дакийских памятниках Трансильвании, где они датируются концом стадии LT D (Crişan, 1978. P. 157).

Фигурные застёжки пояса. Их конструкция составляла кольцо с когтевидными выступами и плоской планкой, к которой крепился ремень. Длина 5,5 - 6,1 см. Застёгивался пояс с помощью крючка с шаровидным концом, сделанным как и застёжка из бронзы (рис. 1, 12-13). И. Вернер (1979, S. 149), проводивший анализ этого типа застёжек, отмечает, что место их первоначального изготовления неизвестно, но они были распространены у кельтов Северной Италии, а в позднелатенский период доминировали у норико - паннонских кельтов - бойев.

В Верхнем Потисье, кроме Малой Копани, фигурные застёжки были найдены в погребениях 108 и 136 могильника Земплина, которые по сопровождающему инвентарю могут быть отнесены к началу I в. н.э. (Budinsky-Krička, Lamiová-Schmiedlová, 1990. Pl. XV, 32; XVIII, 26).

Бытовые импортные вещи представлены обломками от бронзовых, стеклянных и глиняных посуды, анализ которых предлагается ниже.

Бронзовые сосуды довольно фрагментарны и только ручка от ковша (рис. 1, 7), исходя из её оформления, может быть отнесена к типу 140 по Г.И. Эггерсу (1951. P. 172, tabl. 12, 140), определённого исследователем ступенью B1 (0 - 50 гг. н.э.). Эти сосуды изготавливались в мастерских Капуи, откуда вывозились в отдалённые земли варварского мира Европы, в частности, в Карпатский ареал. Хорошо известны по комплексам германских некрополей Юго - Западной Словакии раннеримского времени (Kraskovská, 1976. S. 429, 431, obr. 2, 14, 15). Один экземпляр входил в клад бронзовых сосудов Дипши, датированный I - началом II в. н.э. (Glodariu, Danila,

1971. P. 95, fig. 1, 1). Более узко, фазой B1c, определяет ковши типа E140 Т. Колник (1977. S. 159, Abb. 11). В уникальном погребении Паннонии конца I - начала II в. н.э. ковш с подобной малокопаньской ручкой входил в комплекс девяти римских бронзовых сосудов (Horváth, 1981. old. 78-79, fig. 11).

Стеклянные сосуды найдены в мелких обломках. Это фрагменты мозаичного стекла (синяя основа с овальными жёлтыми пятнами), отлитые в технике миллефиори в кампанских мастерских первой половины I в. н.э. (Fremersdorf, 1958. S. 3, Tabl. 3; Kraskovská, 1981. S. 378) и обломок тонкостенной чаши - фиалы, изготовленной из прозрачного светло - зелёного стекла. Подобные чаши имели полусферическое тулово, вогнутую шейку, слегка отогнутый срезанный край и плоское дно; с внешней стороны - вертикальные рёбра, начинающиеся под венчиком (рис. 1, 1). Согласно Л. Красковской (1981. S. 378-379, Abb. 1, 3) отливались в итальянских мастерских второй половины I в. н.э. Датировка совпадает с данными Я. Тейрала (1983/ S. 90, 118) и подтверждается материалами Том, где подобная фиала найдена с денарием императора Веспасиана (Bucová, 1968. P. 34). В погребениях 25 и 26 германского могильника Костолна при Дунае фиалам типа E182/183 сопутствуют ковши E140 (Kolnik, 1980. S. 104-106; Taf. XCI, m, p; XCII, n, p, t).

Глиняная посуда представлена фрагментами кубка и амфоры. Кубок, типа «delian», сформован из тщательно отмученного теста с примесью мелкозернистого песка. Обжиг печной, цвет - тёмно-охристый. Поверхность покрыта рельефным декором. Диаметр венчика - 9,2 см, дна - 3,2 см, высота - 6,0 см (рис. 1, 4). Сосуды этого типа были распространены на гетской территории, на севере Дакии неизвестны. Их изготовление, согласно Д. Берчу (Berciu, 1981. S. 54) прекращается в середине I в. до н.э.

Амфоры до сих пор не встречались ни на дакийских, ни на более поздних памятниках Верхнего Потисья. Найденный фрагмент принадлежит к типу светлоглиняных узкогорлых амфор, отнесённых В.В. Крапивиной к подгруппе А группы I (1993. С. 94, рис. 29, 1-2). По морфологическим признакам может быть сопоставим с типом А по Д.Б. Шелову (1978. С. 11-21), а именно, амфорами с туловом яйцевидной формы и широким доньшком на кольцевом поддоне. Датируется I в. н.э. С.Ю. Внуков считает, что этот тип амфор происходит от широкогорлых амфор с конической ножкой и ребристыми ручка-

ми. Производились в Гераклеи и, возможно Синопе, в середине I - первой трети II в. н.э. (Внуков, 1988. С.12).

Диаметр венчика малокопаньского экземпляра 6,5 см (рис. 1, 5).

Анализ импортных вещей городища позволяет отнести начало их интенсивного поступления к времени Августа, времени организации провинции Паннонии (12 - 9 гг. до н.э.). Можно полагать, что основной торговый путь проходил от изгиба Дуная (район Аквинкума) на восток, севернее «сарматского клина», образовавшегося в начале н.э. в Тисо - Дунайском междуречье. В тоже время важным коммуникационным путём оставалась «великая и славная река Ти-зия» (Иордан, 33), которая связывала Верхнее Потисье с Иллирией и Нижним Подунавьем.

Бесспорно, по количеству импорта в I в. н.э. Верхнее Потисье не может равняться с южными районами Дакии, но даже его скромная коллекция, а также формальное подражание римским образцам (фибулы, керамика) - показатель определённой ступени развития верхнетисского населения и цивилизационного воздействия Империи.

Литература:

Алексеева Е.М. Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н.э. II в. н.э. // СА. 1971.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.

Внуков С.Ю. Светлоглиняные амфоры I в. до н.э. - I в. н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья // Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1988.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Котигорошко В.Г. Городища рубежа нашей эры в Верхнем Потисье // СА. 1989. XXXVII 1. С.21-67.

Котигорошко В.Г. Фибулы дакийского городища Малая Копаня в аспекте выделения хронологических горизонтов // Carpatica - Карпатика. - Ужгород, 2002. Вип. 15. С.135-154.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I - IV вв. н.э. К., 1993.

Шелов Д.В. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э.: классификация и хронология // КСИА АН СССР. 1978. - №156. С.16-21.

Berciu D. Buridava dacica. București, 1981.

Bucova M. Vase antice de sticlă la Tomic. Constanta, 1968.

Bălănescu D. Greek coin in the South - West of the Dacian State // Symposia Thracologica. București, 1992. №9. P.159-163.

Crășan I.H. Ziridava. Arad, 1978.

Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien I. Hamburg, 1951.

Fremersdorf F. Römisches Buntglas in Köln. Köln, 1958.

Garbsch J. Die norish - pannonicische Frauentracht im 1 und 2 Jahrhundert. München, 1965.

Glodariu I., Dănilă St. Depozitul de vase romane de bronz de la Dupsa // Marmăia. Baia Mare, 1971. II. P.93-99.

Horváth L. Das römerzeitliche Grab von Szölösgyőrök // Communicationes archaeologicae Hungariae. Budapest, 1981.

Kolník T. Anfänge der germanischen Besiedlung in der Südwestslowakei und des Regnum Vannianum // Symposium ALZAG. 1977.

Kolník T. Römerzeitliche Gräberfelder in der Slowakei. Bratislava, 1980.

Kolníková E. Hromadný nález keltsko - dáckych mincí z Ptčičia // SN. 1980. VI. S.23-98.

Kolníková E. Zeugnis der Münzfunde über Kontakte des vorrömischen Dakiens mit dem mitteleuropäischen Raum // Studii și cercetări de numismatică. București, 1995. Vol.XI.

Kotigoroško V. Tinuturile Tisei superioare în veacurile III î.e.n. - IV e.n. (Perioadele La Tene și romana). București, 1995.

Kraskovská L. Rímske bronzové nádobý na Slovensku // SA. 1976. XXIV 2.

Kraskovská L. Römische Glasgefäße in der Slowakei // SA. 1981. XXIX 2.

Miroššajová E., Čaplovič D. Najnovšie výsledky výskumu včasnodedinného a stredovekého osídlenia v Zemplíne // Východoslovenský pravek. Košice, 1991. III.

Pieta K. Die Puchov - Kultur. Nitra, 1982.

Pieta K., Kolníková E. Druhy hromadný nález keltských mincí z Dolného-Kubína - Velkeho-Bysterca // SA. 1986. XXXIV 2.

Pink K. Münzprägung der Ostkelten und ihrer Nachbarn. Leipzig, 1939.

Pređa C. Monedele geto - dacilor. București, 1973.

Tejral J. Mähren und der Markomannenkriege // SA. 1983. XXXI 1.

Todorović J. Kelti v jugoistočnoj Evropi. Beograd, 1968.

Werner J. Später Keltenfund zwischen Rom und Germanien. München, 1979.

**ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ НА СОЖЖЕНИЕ ЯНА ГУСА В 1415 г.
ИЗ СОБРАНИЯ ОАМ НАН УКРАИНЫ**

В нумизматической коллекции музея хранится медаль на сожжение чешского реформатора, магистра Яна Гуса, в Констанце 6 июля 1415 г. Ян Гус родился в 1369 г. в местечке Гусинец, по происхождению - из крестьян. Окончил пражский университет. В 1398 г. стал профессором, а с 1402 г. и ректором этого заведения. Он создал грамматику и орфографию чешского языка, которой и сегодня пользуется чешский народ. Под влиянием идей английского предшественника Реформации, Джона Виклифа, Ян Гус начинает обнаруживать противоречия с официальной католической церковью в ряде вопросов. Он призывает править богослужения на чешском языке, выступает против торговли индульгенциями, критикует духовенство за распущенность нравов, рекомендует правительству частичную секуляризацию церковных земель. Обеспокоенное папство обвинило Гуса в ереси, и 6 июля 1415 г. в Констанце он был сожжен на костре. Но, как часто бывает в истории, пламя от этого костра перекинулось на самих поджигателей. В Чехии повсеместно вспыхивают очаги национально-освободительного движения, на знамени которого был образ народного героя Яна Гуса.

Медаль, посвященная 100-летию этого события, была изготовлена в Чехии примерно в 1515-1518 гг. искуснейшим медальером того времени Хиеронимусом Дитрихом (Pratova, 1969. P.131). Эту медаль называют также «Гусовым талером» (Hustaler), так как ее вес примерно равнялся весу талера (28г). Эта медаль была очень популярна. Существует большое количество новоделов. В 1617 г. «Гусов талер» был выпущен в Магдебурге. Выпуск был приурочен к 100-летию известного события - выступлению (в 1517 г.) Мартина Лютера в Виттенберге с 95-ю тезисами. Дело в том, что Чехия к этому времени уже снова была в составе Германской империи. И выпуск т.н. «Гусова талера» наряду с другим магдебургским талером, на котором Гус и Лютер изображаются вместе, очевидно, имел политическое значение - подчеркнуть связь между Гусом и Лютером. Над изготовлением этих медалей работали медальеры Людвиг Нойфарер (Ludwig Neufarer) и Хиеронимус Магдебургер (Hieronymus Magdeburger) (Caspar Helmut, 1983. С.139-141).

Медаль из собрания ОАМ новодел «Гусова талера» изготовлена из серебра 600 пробы. Размер - 42 мм. Вес - 23,52г. На лицевой стороне медали профильное изображение бюста Яна Гуса, по сторонам - надпись :»IOA - HVS», по кругу - «CREDO. VNAM.ESSE.ECCLESIAM.CATOLICAM». На оборотной стороне медали изображен привязанный к столбу Гус в полный рост на костре, по сторонам - надпись: « CON - DEM | NA - TVR», по кругу - »CENTVM.REVOLVTIS.ANNIS.DEO.RESPONDEBITIS.ET.MIHl», в центре - «ANNO.A.CHRIST.NA - TO.1415.IO.HVS. ». На гурте имеется обломок ушка, которое было припаяно позднее. «Гусовы талеры» были очень популярны. В разное время выпускалось большое количество новоделов, которые охотно носили как амулеты.

Аналогичная медаль хранилась в нумизматической коллекции харьковского университета (Шерцель, 1910. С.334).

Существует отличие в написании легенды на реверсе медали. На медалях опубликованных Пратовой Е. и Шерцелем Р. слово «NATO» пишется слитно. На медалях из коллекции одесского музея и опубликованной Каспаром Х. слово «NA - TO» «разбито» изображением костра. Таким образом, существовало два варианта форм для отливки этих медалей.

Литература:

Шерцель Р. Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете императорского Харьковского университета. Харьков, 1910.

Pratova E. Historicky pohled na ceskou medal. NL 5-6, R.XXIV-1969. P.129-134.

Caspar H. Jan Hus a Martin Luther na magdeburskem tolaru z roku 1617. NL5-6, R.XXXVIII-1983.

ВОТИВЫ КОШАРСКОГО ЗОЛЬНИКА, СВЯЗАННЫЕ С РЕМЕСЛЕННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ И ПРОМЫСЛАМИ

Античные зольники представляют собой своеобразные археологические памятники, вызывающие в историографии весьма спорные интерпретации, а материалы из их насыпей ещё более подвергаются критическому анализу и разнообразным толкованиям их назначения и причин попадания непосредственно в насыпь. Если же все-таки принимать точку зрения тех исследователей, которые интерпретируют зольники как сакральные сооружения, что совсем не безосновательно, то из какого принципа исходит деление находок, найденных там, на votivные и невotivные? С votivными находками всё вполне понятно: это вещи, имеющие непосредственное отношение к области культа и ритуальным действиям. Они весьма разнообразны: граффити с посвящениями богам, терракотовые статуэтки и их фрагменты, такие керамические votivы как хлебцы, модели зерен и т.п., свинцовые букрании и т.д. Но сами по себе все в совокупности находки такого типа составляют небольшой процент от числа всех найденных материалов. Наиболее значительными по количеству всё же находки фрагментов различных сосудов, среди которых по численности первое место занимают обломки амфорной тары. Такого рода находки в насыпи культового сооружения можно объяснить использованием в отправлении ритуала, вероятно, обряда подношения богам жертвенной пищи и питья, что находит свою поддержку в письменных источниках (Аполлодор, 2002. С.92; Павсаний, 1940. С.408; Еврипид, 2004. С.80-81; Овидий, 2000. С.95-181; Гомер, 1960. С.67-68; Гомер, 1959. С.121; Пинандр, 1980. С.24-25). Наличие фрагментов амфор объясняется существованием обряда возлияния, при котором использовалось вино и оливковое масло, такие обряды находят своё отражение в письменной античной традиции (Аполлодор, 2002. С.106; Павсаний, 1940. С.394; Еврипид, 2004. С.80-81; Овидий, 2000. С.95-181; Гомер, 1960. С.70-78; Пинандр, 1980. С.28-29). Но остаётся ещё одна группа находок, причины, местонахождения которых в насыпях зольных алтарей следует установить. Вопрос о том, для чего они были принесены в места жертвоприношений, и о

том, какую роль они в них играли, был поставлен лишь в работе Н.В. Молевой (Молева 2003, С.260-269). Речь идёт о находках, связанных с производством и ремёслами: грузилах, пряслицах, точильных и растиральных камнях, зернотёрках и жерновах, иглах для плетения сетей и рыбацких крючках, а также о гвоздях и других металлических изделиях. Как верно заметила исследовательница, считать такие артефакты случайными неправомерно, так как они встречаются в слоях святилищ регулярно. Существует одна особенность, выявленная при обнаружении этих вещей: все такие находки штучные, то есть они являются единичными в контексте того или иного археологического комплекса. Представить ситуацию, в которой с помощью одного гвоздя, грузила, крючка и т.д. можно было бы соорудить какой-то инвентарь, необходимый для жертвоприношения, невозможно. Следует отметить, что набор находок, сопутствующий таким votivам, типичен для хтонических культов плодородия (Молева, 2003. С.267).

В статье, посвящённой нашей проблеме Н.В. Молева разбирает по группам интересующие нас материалы китейского святилища. Подобным же образом можно разложить и материалы Кошарского зольника с учётом их специфических особенностей, так как общие черты налицо.

Рыболовные снасти

Рыболовецкие крючки и грузила из Кошарского зольника среди всех «производственных» votivов по своей численности стоят на первом месте. Скорее всего, они приносились в святилище мужчинами, занимавшимися рыбным промыслом. Может быть, они связаны с обращениями к богам об удаче в рыбацком деле (Павсаний, 1940. С.49). Каким-то образом интерпретировать их культовую принадлежность трудно. Грузила в большинстве своем, изготовлены из ракушечника и песчаника, который был под рукой. В основном, это так называемые грузила с «перехватом», изготовленные путем наматывания по центру веревки на плоский небольших размеров камень. Со временем достаточно мягкая порода разрушалась в месте наибольшего трения, верёвку приходилось подтягивать ту же, чтобы фиксировать камень, образуя, таким образом, перехват. Немного реже встречаются в насыпи грузила с просверленными отверстиями, чаще около одного из краёв плоского камня, реже - по центру. Контекст этих находок тот же, что и во

всём зольнике. Часто им сопутствуют фрагменты рыбных блюд и морская галька, а также многочисленные останки рыб (позвонки, плавники, жаберные крышки и чешуйки) и другие останки даров водной стихии, такие как раковины моллюсков и поделки из них (амулеты). Связь таких находок с морской стихией очевидна. Возможна связь приношений с культом Афродиты (Молева, 2003. С.267).

Женские приношения

Некоторые находки могут быть истолкованы как женские приношения, поскольку на протяжении всего античного периода ткачество являлось типично женским домашним ремеслом, присущим всем слоям населения. Пряли и ткали знатные женщины, в том числе и царицы (Гомер, 1960. С.114-116), простые горожанки, рабыни. Не случайно умение хорошо ткать считалось едва ли не основной женской добродетелью. Самыми большими искусницами в прядении и ткачестве считались такие почитаемые в олимпийском пантеоне богини как Афина (известен миф о её состязании в ткачестве с Арахной и превращении последней в паука) (Овидий, 2000. С.167-246; Античная мифология, 2004. С.497-498) и Афродита (в корoplastике известны её изображения с прялкой). Помимо бытовых и ремесленных качеств, прядение и ткачество обладали и сакральным значением. Нить и ткань несли в себе идею преобразования природных материалов (лён, шерсть) в продукт человеческой культуры, присущий цивилизованному обществу. Именно в процессе прядения и ткачества наглядно воплощается переход предмета из одного качества в другое. Такой мотив заложен и в основу любого жертвоприношения, в процессе которого изменяется суть и назначение вещей, переходящих к богам. Поэтому присутствие ткацких грузил и пряслиц в составе votивных даров призвано усилить такой процесс преобразования жертвы, перехода её в другой мир и иное качество (Молева, 2003. С.264-268). Кроме того, в Греции понятие нити прочно ассоциировалось с судьбой и протяженностью человеческой жизни. В мифологии эти представления отразились в мифе о трёх божественных пряхах Мойрах, ткущих, отмеряющих и обрезающих нить жизни каждого человека (Аполлодор, 2002. С.48-49; Гесиод, 1973. С.379-486). Боспоряне были хорошо знакомы с этими преданиями, о чём свидетельствуют надгробные эпитафии, сетующие на то, что нить жизни умершего была оборвана Мойрами

(Молева, 2003. С.264-268). Вполне допустимо, что именно в связи с подобными представлениями пряслица и ткацкие грузила нередко встречаются в местах жертвоприношений.

Находки ткацких грузил в насыпи Кошарского зольника - явление довольно регулярное, однако не массовое. Представляют они собой чаще всего пирамидальной формы грузики-отвесы из хорошо промышанной местной необожжённой глины, использовавшиеся для лучшего натягивания продольных нитей при изготовлении полотна на вертикальном ткацком станке. Хотя часто встречаются и отвесики, изготовленные из других материалов, но, вероятно, несших ту же функциональную нагрузку. Это небольших размеров изделия из обломков амфор, их вес слишком мал для использования их в рыбацком промысле, но в самый раз подходит для исполнения роли отвесика в ткацком ремесле, таким образом, представляется возможным предположить именно такое их функциональное назначение.

К этой группе находок следует отнести и столь же частые находки пряслиц. Это преимущественно лепные биконические серо- и красноглиняные пряслица, использовавшиеся при изготовлении нитей. Так как сами пряслица не были самостоятельными орудиями труда, а использовались в работе только в сочетании с веретеном, то можно предположить, что в ритуальных целях использовались и вторые. Изготавливались веретёна из дерева и кости, но с учётом того, что таковых ещё не было найдено, а наличие их в производственном процессе не требует лишних доказательств, можно допустить, что изготавливались они из дерева.

Орудия из камня

Достаточно многочисленны в Кошарском зольнике находки предметов имеющих отношение к домашним промыслам, изготовленные из местных пород камня - это, в основном, точильные камни и растиральники.

В большинстве своём это небольшие оселки; их votивный и магический характер, а также скифское происхождение, отмечались неоднократно (Раевский, 1985а. С.45-58; Раевский, 1985б. С.157-158; Высотская, 2002. С.24-39; Молева, 2003. С.264-268). Столь же встречаемы в насыпи и каменные орудия, предназначенные для растирания мелкого продукта, превращая его в муку.

Н.В. Молева предполагает, что точила и растиральники в религиозных представлениях древних были связаны с первобытным

фетишизмом, проявлявшемся в поклонении камням. Такие архаичные проявления были свойственны и верованиям греков и местного населения (Молева, 2003. С.266). Не случайно еще одной, очень часто встречаемой находкой в святилищах является морская галька разных форм, преимущественно яйцевидная, округлая плоская.

Однако можно предположить, связь этих орудий с сакральным обрядом, путём косвенного участия в приготовлении жертвоприношения или же культовой трапезы, как то заточка ножей, участвующих в обряде, или растирание зёрен, трав, охры или других компонентов сакральной сцены.

К каменным изделиям относятся также различные рыболовные и ткацкие грузила, но на их рассмотрении мы останавливались выше.

Оружие из металла

В насыпи Кошарского зольника встречаются также единичные находки трёхгранных наконечников стрел скифского типа, которые могут быть интерпретированы как проявления местных верований (Бессонова, 1983. С.118-120; Бессонова, 1992. С.97)., или же, как свидетельства культа Аполлона (Молева, 2003. С.268).

Костяные предметы ремесла

Наряду с ремесленными принадлежностями из камня в слое Кошарского зольника встречаются костяные орудия труда. Наиболее частые из них - это проколки и их фрагменты.

Реже случаются иного назначения вещи. В первую очередь это находка наральника из рога животного с незначительными следами сработанности по рабочему краю. Наличие в сакральной зоне такого рода предметов, вероятно, может свидетельствовать об отпращивании аграрных культов, или культов, так или иначе связанных с плодородием, тем более что в контексте других находок ритуального характера это выглядит весьма вероятным. Кроме того, в античной литературной традиции сохранилась некоторая информация вариантах ритуальных подношений в момент отправления аграрных культов (Аполлодор, 2002. С.198; Павсаний, 1940. С.371-372; Овидий, 2000. С.102-103; Гомер, 1960. С.128; Пинандр, 1980. С.56).

Также следует отметить находку костяного орудия серповидной формы, предназначенного, вероятно, для лощения поверхности сосудов. Такие подношения с обращениями к божествам - покрови-

телям домашнего очага и дома в целом, а значит и всех домашних промыслов, могли делать люди, непосредственно связанные с гончарным ремеслом, которое могло носить и домашний характер.

Изделия из «изделий»

Таковыми являются ремесленные принадлежности, сделанные в основном из обломков амфор. Как уже указывалось выше, наиболее многочисленны находки такого рода в виде ткацких грузиков и рыбацких грузил, на них мы уже останавливались, а вот изделия других типов подлежат ещё рассмотрению. Довольно часто встречаются орудия и их фрагменты из ручек амфор. По особенностям стёртости рабочего края изделий можно предположить, что использовали они часто в качестве растиральников или пестов, некоторые из них могли служить и ложилами или, своего рода «формовками» при изготовлении лепной керамики. Интересна находка «лячки», используемой в литейном производстве, изготовленной из обломка ножки амфоры.

Относить подобные изделия к области культа можно лишь номинально.

Орудия из камня эпохи энеолита

Особую группу составляют предметы «другой эпохи», найденные в насыпи Кошарского зольника. Территория, на которой располагалось древнегреческое поселение в эпоху поздней классики - раннего эллинизма, в более раннее время принадлежала группе населения эпохи энеолита. Осваивая территорию, древние греки сталкивались с остатками материальной культуры своих предшественников. И, видно, были у них какие-то причины, на то, чтобы принести их на территорию своей сакральной зоны. Было ли это вызвано проявлением страха перед лицом смерти, увиденной при случайном вскрытии более древних погребений, или боязнью по отношению к неизвестному предмету, а может просто связано с культом мертвых, в знак почитания которых и были они принесены на территорию зольника, сложно ответить. Очевидно лишь то, что энеолитические кремневые орудия встречаются в насыпи непосредственно в античном слое. Найдены такого типа были сделаны и во время раскопок китейского городского святилища (Молева, 2003. С.168-169).

Наши наблюдения и анализ археологического материала пока не позволяют делать какие-либо серьезные выводы в отношении причин местонахождения в насыпи Кошарского зольника разнообраз-

разных ремесленных принадлежностей. Наделялись ли они сакральным значением в действительности определить довольно сложно. Но отрицать непосредственную связь зольника с областью культа в определённые моменты его существования тоже нельзя, а, следовательно, нельзя и отрицать вероятность votivности предметов ремесла из его насыпи. Возможно, дальнейшие исследования прольют свет на интересующие нас моменты.

Литература:

- Античная мифология: энциклопедия. М. - СПб., 2004.
 Аполлодор. Мифологическая библиотека. / Пер. с др. греческого В.Г. Боруховича. М., 2004.
 Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.
 Бессонова С.С. Религия скифов. Николаев, 1992.
 Гесиод. Феогонии. / Пер. с др. греч. И. Анненского. // Гесиод. Труды и дни. Л., 1973.
 Гомер. Илиада. / Пер. Н.И. Гнедича. М., 1960.
 Гомер. Одиссея. / Пер. Н.И. Гнедича. М., 1959.
 Еврипид. Вахханки. / Пер. с др. греч. И. Анненского. СПб., 2004.
 Овидий Публий Назон. Героиды // Овидий Публий Назон. Любовные элегии / Пер. с лат. С. Ошерова. М., 2000.
 Павсаний Описание Эллады. / Пер. Н.И. Гнедича. М., 1940.
 Пинандр. Ваххлит. Оды. Фрагменты. / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1980.
 Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
 Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сарматских племён (опыт реконструкции скифской мифологии). М., 1985.
 Молева Н.М. «Производственные» вотивы китейского зольника // IV Боспорские чтения. Керчь, 2003.
 Высотская Т.Н. К вопросу о позднескифских зольниках. // РА. № 3. 2002.

БРИТАНСКАЯ АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В XVII-XVIII вв.

XVII-XVIII вв. - важный период в развитии британской античной археологии, так как именно в это время собственно и происходит ее становление как исторической дисциплины. К сожалению, эта интереснейшая тема относится к числу практически неизученных в отечественной историографии и до сих пор остается своеобразным «белым пятном». Зарубежная же историография уделяла ей пристальное внимание, но главным образом ее отдельным аспектам, например, антикварному движению, «Большому Путешествию» или изучению персоналий британских исследователей, которые внесли наиболее существенный вклад в развитие британской археологии.

Античность вызывала особый интерес у мыслителей XVII-XVIII вв., поскольку, согласно историческим представлениям того времени, являлась своеобразным «золотым веком» человечества в области науки и культуры. Этот период был близок просветителям своим рационализмом, гуманистической направленностью учений о человеке, обществе и государстве, разработкой, которой занимались и сами мыслители XVII-XVIII вв. (Gay, 1966. P.81). Открытие же классических цивилизаций Средиземноморья вызвало настоящий «античный бум» в Великобритании. История древней Греции и Рима оживала для людей того времени не только литературно, но и археологически, к ней можно было в буквальном смысле прикаснуться. Раскопки в Геркулануме и Помпеях открывали широчайшие возможности для изучения памятников классической древности и истории в целом (Trevor- Roper, 1995. P.Ivii).

Становление классической археологии в Британии в XVII-XVIII вв. происходило под непосредственным влиянием антикваризма - широкого культурного движения, главной целью которого был поиск, сбор и критика исторических источников. Социальная база этого движения была чрезвычайно широкой: любителями древностей выступали представители придворной аристократии и церкви, новые дворяне и знатные горожане. Антиквары первыми начали проводить раскопки, которые велись как на территории Великобритании, так в Греции и Риме. Естественно, они носили любитель-

ский характер. Целью таких раскопок первоначально был поиск памятников прошлого, представлявших интерес в эстетическом плане, а отнюдь не в историческом. Раскопки велись без четко выработанного плана их проведения, без необходимых специальных инструментов, многие мелкие памятники (например, фрагменты керамики, оружия) просто выбрасывались как не представляющие особого интереса (Daniel, 1950. P.16-17).

Огромное количество греческой и римской скульптуры, керамики, гемм в загородных поместьях Великобритании и британских музеях в значительной степени является результатом усилий антикваров. Именно в это время начинают формироваться большие коллекции античных древностей, в основу которых были положены археологические находки, сделанные представителями этого направления в исторической науке. Многие коллекции объединялись по тематике, предпринимались попытки классификации экспонатов. Первым интерес к коллекционированию античных древностей проявил Томас Ховард, герцог Арундель (1585-1646), который был одним из самых известных антикваров своего времени. Герцог Арундель получил классическое образование в Кембридже, где заинтересовался античной историей и культурой. Он принадлежал к элите английского общества, был женат на крестной дочери королевы Елизаветы I, являлся приближенным короля Чарльза I. Агенты герцога Арунделя путешествовали по Европе с целью розыска и приобретения античных диковинок. Но знаменитый антиквар не только скупал памятники античного прошлого. Он также организовывал археологические раскопки и лично принимал в них участие. Именно герцогом Арунделем была собрана одна из самых больших коллекций античных скульптур Нового времени, которая вошла в историю под названием «Arundel Marbles». Начало этой коллекции было положено во время его путешествия по Италии. Он организовал археологические раскопки в Риме, и ему удалось найти дошедшую до того времени нетронутой комнату в римском жилище, в которой находилось большое количество древнеримских скульптур. (К сожалению, корабль с древнеримскими находками герцога Арунделя, потерпел кораблекрушение по пути в Лондон). С целью пополнения своей коллекции образцами древнегреческого искусства Арундель отправил своего личного агента в путешествие по Анатолии и Греции, который приобрел для герцога 37 статуй, 28

бюстов, а также несколько саркофагов и алтарей. В 1667 коллекция была передана Оксфордскому университету и легла в основу университетского музея, открытого в 1685 г. (Hudson, 1975. P.6-14). Антикварная деятельность герцога Арунделя способствовала росту интереса к античности при дворе. Король Карл I, его сын Карл II, герцог Бэкингам и многие другие представители высшего общества вслед за герцогом Арунделем занялись составлением своих собственных коллекций античных произведений искусств. Они оказывали покровительство антикварам, рассылали своих представителей по городам Италии и Греции с целью пополнения своих коллекций и выделяли средства на поиск, приобретение и изучение памятников античного прошлого, а также на проведение археологических раскопок (Trigger, 1989. P.34-36). Так, Карл II даже издал специальный указ, в котором провозглашалось, что «изучение древностей представляет несомненную пользу для государства и общества» (Daniel, 1950. P.19). Вслед за знатью «охотой» за античными древностями занялись и менее именитые представители британского общества - сельские джентльмены и зажиточные горожане, которые организовывали «клубы джентльменов», где обсуждали последние находки или приобретения, обменивались различной информацией (Trigger, 1989. P.40-41). Их деятельность стимулировала развитие полевых археологических исследований, интерес к вещественным источникам. Так, наиболее знаменитая коллекция памятников античности под названием «Кабинет античных диковинок, разнообразных вещей и причудливых предметов» принадлежала лондонскому предпринимателю Л. Традесканту, который был почетным членом нескольких таких клубов. Первыми настоящими полевыми археологами по праву считаются Эдвард Льюид, хранитель Ашмолеанского музея в кон. XVII в., Джон Обри, один из самых известных антикваров XVII-XVIII вв., и Вильям Стакли, который был не только практиком, но и родоначальником теории археологических исследований в Англии. Причем, для этих исследователей памятники прошлого были самостоятельными историческими объектами, а не элементами окружающей среды в обобщающих географических и топографических работах или же экспонатами для частных коллекций. В своих работах они опирались на принципы бэконовской «новой науки», использовали эмпирические методы аргументации. Э. Льюид организовал первую по-

левую археологическую экспедицию, которая в общей сложности продолжалась около пяти лет. Особенно большой интерес вызывал Стоунхендж, который в то время считался древнеримским храмом. К этому выводу в середине XVII в. пришел Иниго Джонс, который сделал первый официальный план этого сооружения и опубликовал специальную работу, посвященную его исследованию (Daniel, 1950. P.19). Однако Д. Обри придерживался иной точки зрения. Он считал Стоунхендж автохтонным сооружением. Чтобы доказать свою точку зрения, Обри организовал небольшую экспедицию, материалы которой легли в основу детального описания Стоунхенджа. В своей работе он утверждал, что это древнее сооружение было воздвигнуто специально для проведения религиозных обрядов и, вероятнее всего, являлось храмом друидов (Douglas, 1951. P.19).

Собственно об античной археологии как исторической дисциплине можно говорить со времени создания Общества Дилетантов в 1732, когда любительские раскопки антикваров перешли на качественно новый уровень. В 1732 г. в Лондоне возникло Общество дилетантов (любителей искусств). Оно было основано группой образованных людей в Лондоне и его главной целью, по началу, являлось проведение собраний путешественников, вернувшихся из «Большого Путешествия» по континенту, на которых должны были зачитываться доклады и сообщения. Ричард Чендлер в своей работе «Древности Ионических островов» вспоминал: «Несколько джентльменов, которые в недавнем прошлом предприняли «Большое Путешествие», влекомые горячим желанием исследования тех объектов, которые произвели на них наиболее сильное впечатление во время этого тура, организовали общество под названием «Общество Дилетантов» (Daniel, 1950. P.24). Но затем цели и задачи Общества были пересмотрены и расширены. На средства Общества начали организовываться специальные экспедиции (в том числе и археологические) антикваров, архитекторов и художников в Грецию и Италию.

«Золотой век» британской античной археологии в эпоху Просвещения связывается с организацией Обществом Дилетантов экспедиции Стюарта и Реветта в 1751-1753 гг. Художник Джеймс Стюарт (1713-1788), которого друзья называли «Афинянин», и архитектор Николас Реветт (1721-1804) провели в Афинах три года, проводя раскопки и тщательно фиксируя все находки. Наибольшая их за-

слуга состояла в подлинно научном исследовании Акрополя, в частности Парфенона. Ими был составлен подробный план и проведены точные математические измерения этого величественного сооружения, сделано множество рисунков, которые не потеряли своей научной значимости до сих пор. Помимо этого Стюарт и Реветт впервые предприняли попытку классификации памятников прошлого по их принадлежности к определенным археологическим периодам (Schnap, 1999. P.68-70). Результаты экспедиции с приведением большого количества иллюстраций были изданы в четырех томах под названием «Древности Афин» в 1762 г. на средства Общества дилетантов. В то время как Стюарт и Реветт работали в Афинах, два других англичанина, Роберт Вуд и Джеймс Даукинс, отправились в путешествие по Греции, Сирии, Палестине и Египту. В 1753 г. по его завершению Общество выделило средства на издание двухтомной работы Р. Вуда «Развалины Пальмиры». В 1764 г. была организована Ионическая экспедиция (1763-1766), в состав которой входили Ричард Чендлер (1738-1810), Николас Реветт и Вильям Парс с целью исследования классических памятников Ионических островов и Греции. Во главе экспедиции стоял Р. Чендлер (1738-1810), получивший классическое образование. Он учился в королевском колледже Св. Магдалины в Оксфорде. По окончании колледжа Р. Чендлер издал работу под названием «Греческие Элегии» (1759), где исследовалось творчество малоизвестных греческих поэтов, а также приводилось большое количество переводов их произведений. В 1763 г. выходит в свет его работа «Marmora Oxoniensia», посвященная исследованию знаменитой арундельской коллекции скульптур «Arundel marbles», которая представляла собой наиболее точный и полный каталог находок герцога Арунделя (Haynes, 1975 P.137). Работы талантливого молодого исследователя были высоко оценены членами Общества Дилетантов, и он был приглашен возглавить Ионическую экспедицию. Таким образом, во главе экспедиции впервые стоял настоящий профессионал. Результаты первой Ионической экспедиции были опубликованы в двухтомной работе «Древности Ионических островов», которая вышла в 1769 г. Все работы, изданные по завершению трех вышеуказанных экспедиций, пользовались большой популярностью у просвещенной публики XVIII в., и их можно было найти в багаже практически любого путешественника того времени

(Daniel, 1950. P.21). Именно эти экспедиции, организованные обществом Дилетантов, в британской историографии принято считать началом научной археологии (Clarke, 1949. P.175). Некоторые антиквары, не имея возможности лично заниматься поиском памятников античной древности на континенте, перепоручали эту миссию своим представителям. Наиболее известным среди них был лорд Гамильтон, английский посланник в Королевстве двух Сицилий, которое славилось большим количеством памятников античного прошлого (руины Геркуланума и Помпей, греческий акрополь в Куме, римские укрепления в Байе). Он сыграл заметную роль в распространении знаний об античности в британском обществе, благодаря его усилиям в Великобритании были созданы многие частные коллекции античных древностей (Nolta, 1997. P.108-109). Лорд Гамильтон обладал удивительным талантом «извлекать все, до последней капли меда, из неаполитанского улья» (Acton, 1984. P.43). Ни одна археологическая находка за тридцать лет пребывания лорда Гамильтона в Неаполе не прошла мимо его рук. Он совершал частые поездки по Италии и Греции, разыскивал памятники античного прошлого, организовывал археологические раскопки. Лорд Гамильтон собрал наиболее полную для своего времени коллекцию античной керамики, специально организовав для этого раскопки на кладбищах в Кампании, которые поражали современников своим размахом. Примечательно, что эта коллекция сразу же привлекла к себе внимание исследователей: были опубликованы несколько работ, посвященных ее изучению - «Этрусские, греческие и римские древности, выставяемые в кабинете Вильяма Гамильтона» (1767-1776) барона Анкарвилля и «Коллекция рисунков греческих ваз, найденных в Королевстве двух Сицилий в 1789-1790 гг.» (1793) Дж. Тишбейна. В 1772 г. коллекция была продана Британскому музею за 8000 гиней. Благодаря Вильяму Гамильтону была создана крупнейшая коллекция античных скульптур, принадлежавшая Томасу Холису, который был, пожалуй, одним из наиболее активных его заказчиков. Позже она также была передана Британскому музею (Gill, 1990. P.3-5). Лорд Гамильтон тщательно планировал все свои экспедиции, составлял подробный план действий по их организации. На первом этапе английский исследователь тщательно изучал всю имеющуюся информацию по интересующему его вопросу: читал литературу, изучал местные предания, вел активную пере-

писку с антикварами, беседовал с местными жителями (Nolta, 1997. P.110.). Так, в одном из своих писем к племяннику, сэру Гревиллю, он упоминает о своих длительных беседах с итальянскими антикварами касательно «природных и рукотворных диковинок», найденных в Помпеях и Геркулануме, и считает, что подобные беседы являются бесценным источником информации и даже могут быть представлены вниманию широкой публики (Hamilton, 1781). Только после проведения тщательной подготовительной работы Гамильтон приступал к раскопкам. Он приглашал в обязательном порядке художника для зарисовки всех находок, представлявших, с его точки зрения, интерес. Наиболее тесно он сотрудничал с художником Питером Фабрисом, чьи работы отличались особой точностью в передаче деталей. Кроме того, Гамильтон также подробно описывал топографию и природу места, где проводились раскопки (Nolta, 1997. P.110-111). Таким образом, в подходах английского исследователя к проведению археологических раскопок просматривались зачатки научного метода: он начинал со сбора информации и заканчивал детальным описанием найденного предмета.

Из всего вышеизложенного становится очевидным, что на протяжении XVII-XVIII вв. в Великобритании идет процесс становления античной археологии. Своим развитием британская классическая археология обязана антикварному движению, представители которого занимались активными поисками памятников прошлого. Постепенному переходу археологии на научные рельсы способствовало «Большое Путешествие», в результате которого формируются коллекции древностей, а также деятельность Общества дилетантов, которое организовывало специальные археологические экспедиции и публиковало их результаты.

Литература:

- Acton H. Three Extraordinary Ambassadors. N-Y, 1984.
Clarke M. L. Greek Studies in England, 1700-1830. L., 1949.
Daniel G. E. A Hundred Years of Archaeology. L., 1950.
Douglas D. English Scholars. L., 1951.
Gay P. The Enlightenment: In 2 vols. N-Y., 1966.
Gill D. J. Antiquities of the Grand Tour of Italy. Cambridge, 1990.
Haynes D. E. L. The Arundel Marbles. L., 1975.
Hamilton, lord. Letter of 23 October. 1781, from Caserta. HM34460
Hamilton-Greville Correspondence, The Huntington Library.

- Hudson K. A. Social History of Museums. L., 1975.
 Nolte D. D. The Body of the Collector and the Collected Body in William Hamilton's Naples // *Eighteenth-Century Studies*. 31.1 (1997). P. 108-114.
 Schnap A. The Discovery of the Past: the Origin of Archaeology. L., 1999.
 Trevor-Roper H. Introduction/ Gibbon Ed. The Decline and Fall of the Roman Empire: In 6 vol. L., 1995.
 Trigger B. G. History of Archaeology Thought. L., 1989.

Лавров В.В. (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ГОТСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Контакты между готами и Римской империей на протяжении III-IV вв. н. э. имели большое значение для восприятия варварами многих достижений античной культуры. Одним из направлений римского культурного влияния на готские племена стало распространение среди варваров христианского вероучения. Не претендуя на полное освещение данной проблемы, мы остановимся лишь на вопросе о влиянии христианства на формирование готского литературного языка и происхождении готской светской историографии следы которой дошли до нас в сочинениях Иордана - Кассиодора.

Первое знакомство готов с христианской религией происходило во время походов на Римскую империю в III в. н. э. К этому времени христианская религия, несмотря на многочисленные гонения, широко распространилась по всей империи.

К началу IV в. н. э. христианство в античном мире начало приобретать значительное влияние, оттесняя на второй план старую греко-римскую языческую религию. Из свидетельств Афанасия Великого можно заключить, что уже в первой четверти IV в. христианство проникло к готам, и, более того, среди готов в то время появились мученики за веру (S. Athanas, Ora 1. 52). Вероятно, в христианскую веру в первую очередь обращались некоторые готские наёмники, служившие в римской армии.

На Никейском соборе, состоявшемся в 325 г. н. э., среди епископов, принявших символ веры, имелась подпись епископа Готии Феофила. Его подпись стоит рядом с подписями епископов Херсона и Боспора (Лебедев, 1961. С.88). Мирные отношения готов с Импе-

рией в период с 332 по 365 гг. н. э. создавали все условия для проникновения римской культуры в готское общество. Между готскими племенами, жившими в Нижнем Подунавье, и Империей велась активная торговля: не случайно одним из основных пунктов договора императора Валента с Атанарихом был вопрос о торговле через Дунай. Наряду с торговцами, в задунайские земли проникали и христианские миссионеры.

Христианство у готов связывается с деятельностью Вульфилы, который, согласно христианской традиции, был крестителем готов и перевёл на готский язык «Священное писание». Историками нового времени заслуги Вульфилы перед готскими народом сравниваются с заслугами Кирилла и Мефодия перед славянами и Мартина Лютера перед немцами (Беликов, 1887. С.54-55).

Рассмотрим письменные источники о жизни и деятельности Вульфилы: сообщения арианца Филосторгия, жившего в 368-440 гг. н. э. и написавшего в Константинополе «Церковную историю», охватывающую период с 315 по 425 гг., но сохранившуюся во фрагментах, а также известия связанных между собой христианских историков ортодоксального толка-авторов «Церковных историй» - Сократа, Созомена и Феодорита. Кроме того, до нас дошло письмо ученика Вульфилы Авксентия, написанное в жанре воспоминаний о своём учителе. И, наконец, упоминания об Вульфилае содержатся в «Гетике» Иордана и «Истории готов» Исидора Севильского. Попытаемся восстановить хронологию жизни Вульфилы. Дата его рождения вряд ли может быть определена с достаточной точностью. Можно лишь предположить, что в 332 г. н. э., когда был заключен мирный договор готов с Константином Великим, будущему готскому епископу могло быть около 18-20 лет. Эта гипотеза основана на том, что в число заложников попадали молодые люди, причём, как правило, представители семейств, пользовавшихся традиционным авторитетом. Пребывание Вульфилы в империи относится ко времени не позднее 342 г. н. э. (смерти Евсевия Никомедийского). Здесь будущий готский епископ, вероятно, получил хорошее по тем временам образование. Не исключено, что Вульфила обучался в Константинополе, где со времён Константина Великого была открыта богословская школа. В последней, наряду с богословием, преподавался весь корпус светских наук, в том числе и грамматика (Дьяконов, 1913. с.519-520).

Миссионерская деятельность Вульфилы среди готов, живших за Дунаем, была прервана начавшимися гонениями со стороны варварского князя, о которых сообщает Авксентий (Auxen. Fo1. 307). Гонения на христиан были организованы «судьёй готов» во времена Констанция II (353-361 гг. н. э.) (Auxen. Fo1. 307'), что вынудило готского епископа переселиться вместе со своими последователями в Мёзию. Потомки переселенцев-христиан (*Gothi minores*) продолжали жить там во времена Иордана (VI в. н. э.). Согласно автору «Гетики» (Get. 267), «малые готы» - племя многочисленное - населяли местность около Никополя (имеется в виду Никополь на Истре) у подножия гор Хема. Археологические раскопки в Никополе позволяют говорить о наличии готского элемента среди жителей города. Так, здесь найдена латинская надпись, в которой вместо слова *nurus* (лат. 'невеста') употреблён готский синоним *bruta*. Из городских слоев IV в. н. э. происходит керамика, аналогичная черняховской (Velkov, 1989. С.525-527).

После переселения в Империю Вульфила продолжал поддерживать связи с задунайскими готами. Подтверждением этому могут служить указания источников. Во время христианизации готов при Валенте Вульфила активно проводил религиозную политику императора, что могло быть под силу только человеку, пользовавшемуся авторитетом у соплеменников. Вульфила выступил в качестве посла и доверенного лица Фритигерна накануне Адрианопольского сражения. Возможно, упомянутое Созоменом посольство Вульфилы в Константинополь (Е. Н. 6. 37) имело своей целью посредничество между императором и Фритигерном для помощи последнему в борьбе с Атанарихом.

Все источники сообщают о том, что Вульфила создал готский алфавит (Philostorg. Н. Е. 2. 5; Socrat. Н. Е. 4. 33; Sozom. Е. Н. 6. 37; Theodoret. 4. 37; Isid. Get. 267; Isid. Hist. 8). Авксентий (Fo1. 306) не говорит, что Вульфила создал готский алфавит и перевёл на готский язык «Священное писание», однако упоминает о том, что его учитель проповедывал «на греческом, латинском и готском языках без различия», а также то, что Вульфила «оставил после себя многие трактаты и множество толкований на этих самых трёх языках». Этот пассаж прямо указывает, что Вульфила писал на готском языке; представить себе, что готский алфавит был создан до него, вряд ли представляется возможным. Личность Вульфилы - гота,

получившего хорошее образование в империи, - наилучшим образом подходит для создателя готского алфавита и автора первых переводов «Священного писания» на готский язык. Необходимость перевода «Библии» в данном случае была обусловлена самой деятельностью готского епископа. Толкования (*interpretationes*), о которых упоминает Авксентий, были, вероятно, толкованиями некоторых мест «Священного писания», необходимых для миссионерской деятельности Вульфилы. Что касается трактатов (*tractatus*), то возможно, что под ними Авксентий имеет в виду богословские произведения Вульфилы, где могли излагаться положения арианского вероучения, о которых упоминает Авксентий при пересказе религиозных взглядов своего учителя (Auxen. Fo1. 304-305').

Вероятно, перевод «Священного писания» на готский язык был сделан Вульфилой уже в то время, когда он переселился во Фракию (после 347 г. н. э.). Готский алфавит был создан на основе греческого (только для *f, h, j, g, r, s* использованы латинские знаки) и достаточно точно отражал фонетический строй готского языка (Гухман, 1958. С.49-68), что свидетельствует о высокой филологической культуре его создателя. Избрание греческого алфавита как образца для готского можно объяснить влиянием греческой культуры в восточной части империи. Впрочем, на момент деятельности Вульфилы у готских племён уже была письменность. Мы имеем в виду руны. Однако руническое письмо древних германцев использовалось лишь в сакральных целях. На это, в частности, могут указывать слова Тацита (Germ. 10) о гадании по ветке дерева с вырезанными на ней знаками (Фридрих, 1979. С.141; Much, 1967. С.3, 190).

Относительно языка «Готской Библии» можно лишь предположить, что её перевод был написан на «общеготском» языке. Вероятно, последний выступал уже в IV в. н. э. (не исключено, что, начиная с войн середины III в.) в качестве языка межплеменного общения у народов Северного Причерноморья-Нижнего Подунавья. Предпосылками для образования общеготского языка явилось соединение отдельных германских (возможно, и других) этнолингвистических общностей в культурное, хозяйственное, торговое и, возможно, политическое единство. В этой связи уместно вспомнить слова Приска (fr. 8), побывавшего в начале V в. н. э. в ставке Атиллы в Паннонии: «Ведь <скифы>, будучи сбродом, - все те из

них, кто находится в сношениях с римлянами, стараются овладеть, кроме своего варварского языка, языком или хуннов, или готов, или ещё италийцев». По Приску, готский язык, наряду с хуннским и латинским, выступает в качестве языка межплеменного общения, выполняя функцию своего рода *lingua franca*. (Гухман, 1940. С.47). Сомневаться в справедливости свидетельства Приска нет никаких оснований - подобные языки формируются на стадии образования межплеменных объединений. Например, в Дагестане такую роль выполнял аварский, у племён зулу - язык суахили. Что касается диалекта, на основе которого мог сформироваться общеготский язык по крайней мере IV в. н. э., то наилучшим образом для этой цели подходил диалект готов-тервингов, живших в Нижнем Подунавье, как наиболее влиятельного тогда племени среди готов. Вместе с тем, в формировании литературного языка решающую роль играют талантливые личности-творцы языка (Бах, 1956. С.17). Кроме того, на начальных этапах развития литературный язык имеет достаточно ограниченный круг своих носителей - для периода Вульфилы таковым, вероятно, являлся готский клир.

Создание собственного алфавита обусловило дальнейшее развитие готской церковной литературы. Сохранившиеся памятники готской письменности относятся ко времени остготского королевства в Италии. Однако у отдельных авторов имеются указания на существование богослужебной литературы на готском языке уже в конце IV-V вв. н. э.

Согласно Феодориту (Н. Е. 5. 3), Иоанн Златоуст во время своего константинопольского патриаршества предоставил готам церковь Св. Павла и назначил «однойязычных им <т. е. готам. - В. Л.> пресвитеров, дьяконов и чтецов священного писания», причём сам патриарх посещал готские богослужения, беседуя с прихожанами-готами через переводчика. О наличии перевода «Священного писания» на готский язык Иоанн Златоуст упоминал в беседе в церкви Св. Павла (Со1. 501).

К началу V в. н. э. относится письмо Иеронима готам Сунниле и Фретеле о принципах перевода псалмов на готский язык (Heir. Epist. 56).

Помимо памятников церковной литературы, до нас дошли подписи на готском языке на латинских купчих (конец V-начало VI в. н. э.).

Изучение произведения Иордана «О происхождении и деяниях гетов», представляющего собой эпитому сочинения Кассиодора, позволяет предположить существование светской историографии, написанной на готском языке. У Иордана имеются ряд слов и словоформ, которые могут объясняться лишь существованием светского источника на готском языке. Так, например, за именами *Gapt* и *Trapstils* (Iord. Get. 79, 300) стоят формы * *Gaut* и * *Thraustila*. Как отметил А. Н. Анфертьев, путаница **и** и **р** могла быть возможной только при переходе от готской графики к греческой или латинской. Как уже отмечалось, эти и другие обстоятельства, по мнению А.Н. Анфертьева, могут быть объяснены тем, что информация, приводимая Иорданом, в конечном итоге, основана на готском письменном тексте, который восходит к устным преданиям готов (Анфертьев, 1991. С.147-148). Согласно Р. Хахманну, устные предания готов Кассиодор заимствовал у Аблабия; последний, вероятно, имел в своем распоряжении готский письменный источник. В описании острова Скандза (Get. 21) Иордан упоминает народ *скритифиннов* (у Иордана форма искажена - *Screrefennae*). Сходную информацию об этом племени сообщает Прокопий Кесарийский (при описании острова Фула: Goth. 2. 15) и Равеннский аноним. Причём у Равеннского анонима (4. 12) упоминается Айтанацит, готский учёный, у которого автор географического сочинения брал свою информацию. Об Айтанаците (Staab, 1976. P.28-54) как источнике сведений Равеннский аноним упоминает неоднократно, причём наряду с Айтанацитом он указывает на других готских учёных - Хельдебальда и Маркомира Ф. Штааб считает, что Айтанацит работал при дворе Теодорика Великого, вероятно между 496/497 г. и 507 г., что не исключает возможность использования его произведения Кассиодором.

Литература:

- Анфертьев А. Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991.
- Бах А. История немецкого языка / Пер. с нем. Н. Н. Семенюк. М., 1956.
- Беликов Д. Н. Христианство у готов. Казань, 1887.
- Гухман М. М. Готский язык. М., 1958.
- Дьяконов А. Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв. // Христианское чтение. 1913. № 4.
- Лебедев Д. Список епископов первого вселенского собора в 318 имен // Зап. Императорской Академии наук. 1916. Т. 13. № 1.

Фридрих И. История письма / Пер. с нем.; Вступит. ст. и комментарии И.М. Дьяконова. М., 1979.

Much R Die Germania des Tacitus / 3. Auf., Mitrab. Von H. Jankuhn, hrsg. W. Lande. Heidelberg, 1967.

Staab F. Ostrogothic Geografers at the Coyrt of Theodoric the Great: A Study of the Some Sources of the Anonymous Cosmografer of Ravenna // Viator. Vol. 7.

Velkov V. Wulfila und die Gothi minores in Moesia, Iord. Get. 51. 267 // Klio. 1989. Bd., 71. H. 2.

Лиман С.И. (Харьков)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГЕНУЭЗСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Н. ЮРГЕВИЧА (1819 - 1898)

Колониальная политика средневековой Генуи вызывала традиционный интерес у деятелей отечественной науки. Подобные приоритеты учёных во многом объяснялись тем, что в состав Российской империи в XVIII в. вошли земли, колонизированные генуэзцами в средние века. В этих землях, прежде всего в Крыму, сохранились памятники средневековой материальной культуры. Главным центром изучения в конце 30-х - первой половине 80-х гг. XIX в. истории и археологии генуэзских колоний в Крыму стала Одесса. Как в «Одесском обществе истории и древностей», так и в Новороссийском университете, одним из ведущих специалистов являлся археолог, историк и филолог Владислав Норбертович Юргевич (1818 - 1898).

Его вклад в изучение истории и археологии генуэзских поселений в Крыму ещё не стал предметом специального исследования. В публикациях по истории средневекового Крыма В.Н. Юргевич, как правило, упоминается в общем историографическом обзоре той или иной проблемы (Карпов, 1990. С.23; Джанов, 2004. С.72, 75-76; Еманов, 2004. С.84). Попытка анализа всех его работ, посвящённых истории и археологии генуэзских колоний в Крыму, принимается впервые и является частью исследования «Медиевистика в Украине в 1805 - 1885 гг.»

Уроженец Вильно, выпускник Главного педагогического института, В.Н. Юргевич получил в 1847 г. в Харькове магистерскую степень и звание адъюнкт-профессора греческой и римской словесности, а в 1858 г. был назначен профессором Ришельевского лицея

в Одессе. После преобразования лицея в 1865 г. в Новороссийский университет, В.Н. Юргевич стал его профессором по кафедре римской словесности. Здесь же в 1866 г. он защитил докторскую диссертацию по античной мифологии (Маркевич, 1890. С.287-288). Одновременно учёный вёл большую работу в «Одесском обществе истории и древностей», которое, согласно Уставу, «возложило на себя обязанность распространять по возможности исторические и археологические сведения о Новороссийском крае и Бессарабии» (Брун, 1870. С.10). С 1875 г. В.Н. Юргевич стал секретарём, а с 1883 г. его вице-президентом и фактическим руководителем.

Одним из направлений многогранной научной деятельности В.Н. Юргевича стало изучение им эпиграфических памятников генуэзской эпохи. Учёного интересовали генуэзские надписи в нескольких бывших владениях Республики Св. Георгия: Судак (Солдаёе), Феодосии (Каффе), Балаклаве (Чембало). При этом, он не только работал с надписями, хранящимися в феодосийском и одесском музеях или вывезенных в Геную в ходе Крымской войны (Юргевич, 1879. С.319-320), но и сумел открыть ряд новых. Исследовательский приём В.Н. Юргевича включал в себя как само прочтение памятника и его перевод (Юргевич, 1875. С.401), так и краткие исторические комментарии к таковому; например, указания на активную поддержку папой Климентом VI каффских христиан. Именно в его честь была названа одна из башен Каффы с надписью на её мраморной плите (№5, 1346 г.). (Юргевич, 1863а. С.160-162). Среди каффских надписей, известных ещё П.И. Кеппену, В.Н. Юргевича интересовала каменная плита консула Джованни де Скаффа и надпись на башне, восстановленной в правление Антониотто Адорно и Якобо Спинолы. Первая была датирована им 1341 г., и, на этом основании, названа «древнейшей надписью из известных нам генуэзских», а вторая - 1384 годом, в отличие от датировки П.И. Кеппена (1382). (Юргевич, 1868. С.275, 279-280).

В судакских надписях (всего 11), основное внимание В.Н. Юргевич сосредоточил как на уточнении текста надписи в генуэзской капелле над алтарём (Юргевич, 1875. С.398), так и на надписях в Нижней крепости (время с 1385 по 1422). «Поелику все эти надписи находятся или находились в стенах Нижней Судакской крепости, - отмечал учёный, - то из этого явствует, что генуэзцы занялись её постройкой после договора с Тохтамышем при Трёх колодцах, за-

ключённого 28 ноября 1380 г.» (Юргевич, 1863а. С.169). В дискуссии по вопросу о времени строительства первых судакских укреплений В.Н. Юргевич считал эти стены наиболее древними и отвергал мнения о том, что первые стены были возведены ещё в 1332 г. (Юргевич, 1863а. С.169).

Среди балаклавских надписей (4 были вывезены в Геную, и описание двух из них одесский учёный сумел получить из генуэзского «Общества истории»), В.Н. Юргевичу удалось изучить три, в том числе оставшуюся на стенах церкви Двенадцати Апостолов (начало постройки 1357 г. при консуле Симоне дель Орто). «Надпись важна для нас, как доказательство давности генуэзского владычества в Балаклаве, - отмечал учёный. - До сих пор древнейший консул и комендант балаклавский, известный нам, был Гриффиотто Гриффиотти в 1374 г., по свидетельству Канале...Покорение же Балаклавы генуэзцами относят к 1365 г., то есть ко времени, когда был покорён Судак». (Юргевич, 1863а. С.176). В отличие от стоящего на этой точке зрения П.И. Кеппена, В.Н. Юргевич отмечал: «Можно думать, что владычество их (генуэзцев. - С.Л.) в этом городе гораздо древнее и находится, по всей вероятности, в связи с завоеванием Каффы и части Крыма отрядом генуэзских рыцарей после 1204 г., т.е. после завоевания Константинополя латинянами» (Юргевич, 1863а. С.176).

Эпиграфика не была единственным научным направлением, вызывавшим интерес у В.Н. Юргевича. Некоторую ценность для изучения истории генуэзских поселений в Крыму представляют его публикации по нумизматике края. Отметим, что ещё до В.Н. Юргевича в этом направлении велась работа членом ООИД В. Григорьевым, посвятившим в 1844 г. одну из своих статей проблеме происхождения генуэзско-татарских монет.

Почти за три десятилетия, прошедших после этой публикации, музей ООИД обогатился новыми нумизматическими находками (40 единиц), включая генуэзско-татарские, как серебряные, описанные В. Григорьевым, так и медные. Между тем, по собственному признанию В.Н. Юргевича, «в заграничных нумизматических коллекциях, даже в самой Генуе, нет крымско - генуэзских монет, и ни один экземпляр не показан в известной средневековой нумизматике Лелевеля» (Юргевич, 1872б. С.147). В.Н. Юргевич в целом разделял мнение В. Григорьева о причинах их чеканки (необходи-

мость признавать верховную власть ханов, платить им дань, и т.д.) Он представил сравнительный анализ серебряных и медных монет и попытался установить время чеканки. «Ни один документ, ни один летописец, известный нам, не упоминает, чтобы Каффа пользовалась привилегией чеканить монету во время своей зависимости от Генуэзской республики», - подчёркивал учёный (Юргевич, 1872б. С.153). Последующий анализ письменных источников, привлечённых В.Н. Юргевичем в дополнение к нумизматическим, позволил ему утверждать, что о монетном дворе в Каффе впервые говорилось в письме консула Домокульты и его помощников к протекторам Банка Св. Георгия в августе 1454 г. На основании этого учёный выдвинул предположение, что монетный двор был учреждён ранее 1454 г., «до уступки колоний банку республики, вскоре после издания устава 28 февраля 1449 г., как следует заключить из монет с начальными буквами J.J., которые не могут принадлежать никому, кроме Джованни Джустиниани, консула в 1449-1450 гг.» (Юргевич, 1872б. С.154-155). Однако именно этот вполне аргументированный вывод В.Н. Юргевича вызвал решительное несогласие известного итальянского учёного, члена Исторического общества в Генуе К. Десимони. Несогласие К. Десимони настолько поколебало уверенность одесского историка, что уже в следующей статье он признал правоту оппонента: «Моё предположение об учреждении монетного двора в Кафе при Хаджи-Гирее, не ранее 1449 г., опровергается тем, что в книгах кафского казначейства за 1420, 1422, 1423 и 1424 отмечены издержки на починку и покупку железных инструментов для монетного двора» (Юргевич, 1872а. С.466). Пересмотрев, таким образом, свою точку зрения и признав вслед за К. Десимони факт существования монетного двора в Кафе в 1420 г., одесский учёный отнёс причину молчания Устава 1449 г. о монетном дворе к области нерешённых вопросов.

Сам Устав 1449 г. был полностью опубликован В.Н. Юргевичем на страницах «Записок ООИД» ещё в 1863 г. «Он принадлежит тому времени, когда владычество генуэзцев на водах черноморских...начало клониться к упадку, и долженствовало вскоре исчезнуть безвозвратно», - указывал учёный (Юргевич, 1863б. С.629). Основными причинами принятия Устава В.Н. Юргевич считал продажность чиновников, «ослабление правосудия», ухудшение торговой конъюнктуры, «меры осторожности относительно татар, турок

и христиан других исповеданий», что в свою очередь было связано с отдалённостью колоний от метрополии (Юргевич, 1863б. С.630).

Особую ценность работе В.Н. Юргевича придавало то обстоятельство, что публикация текста Устава 1449 г. была осуществлена им впервые. Подлинник Устава находился в генуэзском архиве Банка Св. Георгия, и одесский учёный воспользовался для публикации копией 1843 г. из личной библиотеки князя С. Воронцова. В.Н. Юргевич полностью привёл латинский текст Устава с параллельным русским переводом (Юргевич, 1863б. С.632-815) и достаточно подробным научным комментарием (Юргевич, 1863б. С. 816-837). Наряду с 76 главами самого Устава в публикацию учёного вошли также 20 глав, объединённых общим названием «Об устройстве мест, подчинённых городу Каффе». Несмотря на то, что латинский текст копии, по признанию В.Н. Юргевича, в ряде мест был искажён переписчиком, в издании он остался без исправлений. Это несколько снижало ценность публикации.

Таким образом, многогранная деятельность В.Н. Юргевича содействовала дальнейшему изучению отечественной наукой истории средневековых генуэзских поселений в Крыму. Многие положения его работ по эпиграфике, нумизматике и истории сохранили свою научную ценность до настоящего времени и не противоречат выводам современных медиевистов.

Литература:

Брун Ф. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. Одесса, 1870. 35 с.

Джанов А.В. Фортификационные сооружения генуэзской Солдайи // Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. К., 2004. С.68 - 76.

Еманов А.Г. Граффити Солдайского храма // Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре. К., 2004. С.84 - 90.

Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII - XIV вв. М., 336 с.

Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890. 734 с.

Юргевич В. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т.5. С.157 - 177.

Юргевич В. Две генуэзские надписи из Балаклавы // ЗООИД. 1879. Т.11. С.319 - 320.

Юргевич В. Донесения о поездке в Крым // ЗООИД. 1875. Т.9. С.397-402.

Юргевич В. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещённую в 7 томе «Записок Общества», сделанные итальянским учёным К. Десимони // ЗООИД. 1872. Т.8. С.465 - 471.

Юргевич В. Новые надписи генуэзские // ЗООИД. 1868. Т.7. С.274 - 282.

Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. 1872. Т.8. С.147 - 160.

Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Чёрном море, изданный в Генуе в 1449 году // ЗООИД. 1863. Т.5. С.629 - 837.

Луговой О.М. (Одесса)

ПОСОЛЬСТВО КАЛОКИРА И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ В X ВЕКЕ

Одной из основных тем исследований П.О. Карышковского, собственно хронологически первой темой, являются балканские походы киевского князя Святослава. Им посвящена его диссертация и ряд статей в Византийском временнике и других периодических изданиях (Карышковский, 1951, 1952, 1953 (I), 1953 (II), 1955).

В советской послевоенной истории (Б. Греков, Б. Рыбаков и М. Тихомиров) утвердилась интерпретация начала Балканских войн Святослава, которую передал в 1951 г. П. Карышковский в следующих словах: «Советской исторической наукой давно уже отброшено представление о Святославе как наемнике Византии, с небольшой дружиной совершавшем грабительские набеги на берега Дуная за заранее полученную или обещанную плату» (Карышковский, 1951. С.104). Это - важная международная акция, отвечавшая интересам развивающегося раннефеодального государства, живущего захватническими войнами. Обычно, особо подчеркивается помощь братскому болгарскому народу в борьбе с Византией. П. Карышковский доказал в одной из статей существование временного союза Святослава с болгарским царем (Карышковский, 1951).

Но не будем забывать, что плата все же была. Все без исключения исследователи упоминают, что первое действие совершила Византия, отправив патрикия Калокира, «для подкупа русского князя», но всегда как некое обособленное действие имперского правительства в отрыве от последующих событий и от византийской

политики в целом. Переход от действия под влиянием взятки к действию под влиянием государственного интереса - вопрос психологии, а не истории. Источники же позволяют выяснить позицию Византии на ранней стадии балканских войн.

Итак, Лев Диакон и Иоанн Скилица сообщают следующее: василевс Никифор Фока отправляет к росам-тавроскифам патрикия Калокира. Ему поручено «распределить между ними врученное ему золото, количеством около пятнадцати кентинариев, и привести их в Мисию с тем, чтобы они захватили эту страну» (Лев Диакон. История. IV, 6). В этом первом приближении Льва Диакона к рассказу о посольстве, даже не упоминается о князе. Налицо два факта: поручение подкупить или нанять росов для вторжения в Мисию в интересах Византии и сумма на это выделенная. Нельзя не согласиться с мнением П.О. Карышковского, высказанное в дискуссии о правдоподобности сведений Льва Диакона, что в известиях о количестве золота, полученного Калокиром, можно уловить признаки использования Львом документальных источников (Карышковский, 1953. (I). 53).

П.О. Карышковский датировал посольство Калокира концом 967 - началом 968 г. (Карышковский, 1952. С.137), исходя из сообщения Иоанна Скилицы о первом болгарском походе «на четвертом году своего (Никифора II) царствования, в июне 10-го индикта» (Georgii Cedreni Compendium historiorum. II, 372) и Льва Диакона о начале похода Святослава «в августе 11-го индикта пятого года Никифора». Учитывая время, необходимое для военных приготовлений, осень 967 г. представляется наиболее вероятной датой для посольства.

В другом месте Лев Диакон уже с осуждением говорит, что Калокир «завязал дружбу с катархонтом тавров, совратил его дарами и очаровал лстивыми речами. Калокир уговорил его собрать сильное войско и выступить против мисян с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой» (Лев Диакон.V, 1). Византийский автор не мог знать, как именно шли переговоры между Святославом и Калокиром, тем более понятно его стремление приписать все действия русского князя преступному умыслу новоявленного (кстати) патрикия (не знал этого и Иоанн Скилица, дающий меньше конкретных

сведений чем Лев). Однако, Лев мог знать, что требовалось от Калокира императором и, похоже, что вместе с подстрекательством завоевать Болгарию в единый обвинительный комплекс Льва Диакона входит и само обращение к князю для привлечения его к войне. Чего же ожидал император от Калокира?

Расчеты оплаты, полученной русскими наемниками за поход на Крит 911 г., показывают, что каждый воин получил приблизительно 10 номизм (Constantin Porphyrogenit. De ceremoniis... II, 45). Многие историки на основании некоторых других свидетельств считают, что больше. Но даже если принять эту, минимальную, цифру и если Калокир потратил бы все деньги только на найм солдат, он смог бы набрать не более 10 тыс. росов. Правда, что и это количество огромно для византийских наемных контингентов, но, очевидно, лишь участие князя Святослава повысило ее до 60 тысяч, упомянутых Львом Диаконом. Н. Знойко утверждал, что речь не могла идти о количестве большем, чем 3-4 тыс. воинов, однако это построение историка основано на его предположении, что оплата византийского солдата составляла 20-50 номизм («солидов») в год, высказываемом без каких бы то ни было расчетов или отсылок к источникам (Знойко, 1907. С.240-241).

То, что Византия использовала эмиссаров для найма воинов в дальних странах, подтверждается другими более поздними аналогичными случаями. Сага про Сверрира, записанная еще при жизни своего главного героя, рассказывает про хрисовулы, разосланные конунгом греков Кирьялаксом осенью 1195 г. скандинавским конунгам с просьбой военной помощи. Послами явились Петр Злой (к Книту IV Датскому) и Хрейдар из Вика (к Сверриру Сигурдсону Норвежскому; очевидно, один из варангов). Конунгам предлагалось предоставить по тысяче воинов, причем организация набора возлагалась на эмиссаров (Сага о Сверрире, 127). Не известны итоги набора войск в Дании, но в Норвегии они были безрезультатны, благодаря чему и попали в историю - отряд Хрейдара остался в Норвегии и присоединился к движению пососников против Сверрира.

Есть основания полагать, что за сто лет до того Византия направила массовый исход англосаксов на свою территорию, описанный в ряде западноевропейских источников (Сага св. Эдуарда, Ордерик Виталий). Подтверждением такого курса Византии некоторые

историки считают свинцовую печать протоспафария Иоанна Рафаила, найденную в Винчестере (раскопки 1962/3 г.), время его миссии относят к 1070 г. (Laurent, 1963. P.93-96; Biddle, 1964. P.195; Nicol, 1974. P.183).

Таким образом, акция, возглавленная патриkiem Калокиром, является всего лишь самым ранним, но отнюдь не исключительным военно-дипломатическим маневром. В ромейском войске служили грузины, армяне, сарацины, итальянцы, далматинцы, болгары, французы, очевидно, нанятые точно таким же способом. Но такие союзные контингенты никогда не возглавлялись правителями этих народов.

Для подтверждения рациональности найма русского войска для похода на Болгарию необходимо рассмотреть ряд аналогичных случаев в X в. Первый достоверный набор росов в византийскую армию в 911 г. уже упоминался. В 936 г. росы участвовали в походе против лангобардов, 9 келандий росов участвовали в походе на Крит 949 г. (Constantin Porphyrogenit. De ceremoniis... II, 45). По сведениям арабского автора аль-Масуди росы в середине X в. постоянно присутствовали в пограничных гарнизонах Византии. Даже 19 июля 968 г., когда Калокир уже был в Киеве, посол Священной Римской империи Лиутпранд Кремонский видел в гавани Константинополя два русских корабля, готовившихся отправиться в Италию. Кстати после начала войн со Святославом и до 989 г., когда Владимир отправил военную помощь императору Василию, сведений о росах в ромейской армии не встречается. Это, несмотря на то, что Святослав в 972 г. подтвердил свои союзные обязательства по отношению к Византии, что отразилось в документе, помещенном в Повести Временных Лет. П.О. Карышковский идентифицировал этот документ как окончательную грамоту, третий из четырех документов, составлявших при заключении любого византийского договора. В нем помещались обязательства и клятва их соблюдения одной из сторон.

Предлагаемая здесь гипотеза объясняет противоречия в истории посольства, отмеченные Н. Знойко, и заставившие его, а за ним и ряд исследователей (Напр.: Успенский, 1939) сомневаться в достоверности самой миссии. Речь идет об отсутствии упоминаний о Калокире в русских летописях; несовпадении хронологии посольства у византийских авторов; отсутствие логики в действиях

императора Никифора Фоки, затеявшего конфликт с болгарами, не заручившись помощью Руси, и нанявшего Святослава, не имея гарантий в том, что тот не изменит. Кроме того, Калокир не имел хрисовула, а Святослава позже никто не упрекал в нарушении договора.

Между тем, несовпадение датировки или отсутствие сведений в одной из групп источников не дает надежных оснований для отрицания факта. Кроме того, Никифор, очевидно, не нуждался в гарантиях со стороны своего постоянного за последние полвека поставщика военной силы. Византия платила деньги, и любая страна, готовая к такой сделке, выставляла за эти деньги своих воинов. Обращение к Руси за помощью было наиболее логичным, но не чрезвычайным решением (за исключением, повторим, чрезвычайности количества самого контингента). В связи с этим, до начала вторжения в Болгарию, оснований ожидать измены со стороны Святослава было не больше, чем со стороны собственной армии.

Никто из византийских авторов не был информирован настолько, чтобы рассуждать, имел ли Калокир хрисовул. Никто не упрекает Святослава в нарушении договора, но вспомним, что до сих пор переговоры велись не с ним, а с его матерью, княгиней Ольгой. Она была союзницей Империи. Можно лишь предполагать, насколько источник Льва Диакона и Иоанна Скилицы был компетентен во внутренней ситуации на Руси.

И, наконец, самый веский аргумент, с точки зрения, Н. Знойко: не мог Никифор обращаться за помощью к князю, который за несколько лет до того взял Саркел, византийскую крепость, как часто считалось (Знойко, 1907. С.263) до археологического подтверждения свидетельства Константина Багрянородного о хазарской принадлежности Саркела (Константин Багрянородный. Об управлении империей. С.42).

Данные источников подтверждают, что посольство Калокира - факт исторический. Он может иметь несколько интерпретаций, но наиболее вероятная из них, с учетом синхронной византийской практики привлечения наемников, это акция по найму крупного контингента Рѡсѣ для нового византийского похода в Болгарию.

Литература:

- Знойко Н. О посольстве Калокира въ Киевъ // ЖМНП. Новая серия. 1907. №4. С.229-272.
- Карышковский П.О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // Византийский временник VI (1953). С.36-71 (I).
- Карышковский П.О. К истории балканских войн Святослава // Византийский временник VII (1953). С.224-243 (II).
- Карышковский П.О. К истории балканских походов Руси при Святославе // Краткие сообщения Института Славяноведения №14 (1955). С.26-30.
- Карышковский П.О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // Византийский временник V, (1952). С.127-138.
- Карышковский П.О. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава // Вопросы истории, 1951. - №8. С.101-105.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей /пер. с греч. Г.Г. Литаврина. М., 1991.
- Лев Диакон. История. / пер. с гр. М.М. Копыленко. М., 1988.
- Сага о Сверрире / пер. с др.-исл. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1988.
- Успенский Ф.И. Значение походов Святослава в Болгарию // Вестник древней истории. 1939. №4. С.91-96.
- Biddle Cf.M. Excavations at Winchester 1962-1963. Second interim report // The Antiquaries Journal. XLIV (1964). P.195.
- Constantin Porphyrogenit. De ceremoniis... II, 45// Patrologiae Graecae. I.-P. Migne, 1864.
- Georgii Cedreni Compendium historiorum // Patrologiae Graecae I.-P. Migne. Tomus CXXII. 1864.
- Laurent V. Byzance et l'Angleterre au lendemain de la conquête normande. A propos d'un sceau byzantin trouvé à Winchester // Numismatic Circular LXXI, 5 (1963). P.93-96.
- Nicol D.M. Byzantium and England // Balkan Studies. 15 (2). Thessaloniki, 1974. P.179-203.

Ляшко С.Н. (Киев), Папанова В.А.(Бердянск)

ОЛЬВИЙСКАЯ УСАДЬБА (ИТОГИ РАСКОПОК 2003-2005 ГГ.)

В результате проведения охранных раскопок в 2003-2005 годах на некрополе Ольвии была открыта усадьба, которая находилась между 1-й западной дорогой (Карасев, 1956. с.9-34) и северо-восточным отрогом Широкой балки в 2 км на юго-запад от городища. За три года на участке площадью более 800 кв. м выявлены остат-

ки комплекса построек, состоящих из 9 помещений, двух полуземлянок, алтаря (?) и культового комплекса - зольника (Папанова, Ляшко, 2004. с.89-95; 2005а, с.244; 2005б). На территории ольвийского некрополя остатки такого строительного комплекса обнаружены впервые.

При сооружении комплекса усадьбы был выдержан параллельный принцип планировки помещений. Все помещения имели прямоугольную форму. Кладки цоколей преимущественно двухлицевые, трехслойные, однорядные, выполненные в иррегулярной орфостатно-постелистой и орфостатной технике. Горизонтальность достигалась за счет наращивания горизонтальных слоев в «провисающих» частях кладок. Средняя ширина кладок - 0,45-0,5 м, высота 0,1-0,3 м, ширина швов - 0,01-0,03 м, глубина залегания основания цоколей - 0,54-0,58 м от уровня современной поверхности. Камни в кладках скреплялись сырцово-глинистым раствором. В качестве строительного материала использовались бутовые камни из ракушечника, известняка и мрамора, примерно одинаковых размеров и степени обработки. Камни всех кладок грубо обколоты, плохо выкадрованы и обработаны. Лицевые поверхности обколоты не очень тщательно. Стены помещений, по всей видимости, были сложены из сырца. В срезе бровок квадратов прослежены развалы сырцов, а также зафиксированы несколько целых сырцовых кирпичей (0,26х0,06 м) (Папанова, Ляшко, 2004. С.90-92).

На участке открыто две полуземлянки. Полуземлянка №1 (3,5х4,7х1 м) имела прямоугольную форму с углами ориентирована по сторонам света (Папанова, Ляшко, 2005а. С.245-256). Для ее сооружения использовали естественный восточный склон плато. Внутри полуземлянку разделяла на две половины (южную и северную) сырцовая стена (2,3 м), облицованная камнями в нижней части. Аналогичный строительный прием, т.е. каменная облицовка стен землянки, был прослежен и на поселении Широкая балка (Русяева, Мазарати, 1986. С.48). Параллельно перегородке (сырцовая стена) находилась Г-образная траншея, которая была неплотно забутована мелкими и средним камнями (ракушняк и известняк) без определенной системы и связывающего раствора. Отдельные камни имели следы горения. В средней части каменного заполнения траншеи находились фрагменты амфор. В том числе и две амфорных ручки с синопскими клеймами астинома Посейдона начала IV в.

до н. э. Нижние камни в траншее были уложены на уровне пола плашмя (постелисто). Края траншеи с каменным заполнением промазали глиной, аналогичной обмазке пола, а дно - зеленоватой глиной.

В южной половине полуземлянки №1 выявлено пятнадцать ямок разных размеров, а в южном углу - яма, овальной формы (1х0,4х0,1 м). Яма была заполнена золой и небольшими фрагментами обожженных стенок амфор и костей. В этой части полуземлянки пол покрыли несколькими слоями обмазки (0,04 м). Ямки прорезали обмазку, возможно, что они появились при вторичном использовании помещения.

Вдоль северо-западной стенки полуземлянки №1 находилась «кухня» с очагом овальной формы (2х1,3 м, толщиной горелого слоя 0,42 м). С западная стенка «кухни» имела каменную облицовку (1,74х0,1-0,2х0,1-0,21 м), которая сохранилась частично.

Полуземлянка №2 имела общую стенку с полуземлянкой №1, в которой вначале имелся проход, позже заложенный камнями. Каменная стенка разделяла эту полуземлянку на два помещения (западное и восточное). В северо-западном углу западного помещения находилась печь. Западная и северная стенки печи были вырезаны в материке, а южная - сложена из сырцов и трех бутовых камней на глиняном растворе. Кроме того, северную стенку укрепили сырцовым кирпичом, поставленным на торец. Под печи имел наклон. Слева от печи стола нижняя часть амфоры с борисфеном внутри. В восточном помещении полуземлянки под южной стенкой находилась лежанка (?) из насыпного грунта, которую обмазали сверху, а снизу облицевали обработанными известняковыми плитами. Среди камней облицовки находилось два жертвенника с фиалообразными чашами (Папанова, Ляшко, 2005б).

На участке выявлен зольник овальной формы (3х2,2х0,5 м), который представлял собой скопление из пересыпанных золой костей крупного рогатого скота и керамики (Папанова, Ляшко, 2004. С.90). Среди заполнения зольника преобладали черепа крупного рогатого скота и кости быка (рис.1). Минимальное количество иных костей остонов, преобладание целых плечевых, лучевых, бедренных и берцовых костей, отсутствие копыт позволяет говорить о том, что данное место не было связано с забоем животных и не являлось хозяйственной ямой, т.к. туши животных не использовались

в пищу, а приносились в жертву. Керамика из зольника представлена фрагментами амфор (ножки от амфор типа Солоха I, хиосской колпачковой и фасосской IV в. до н.э., косской - III в. до н.э., амфорные ручки с клеймами), чернолаковой посуды (ручки от большого чернолакового сосуда V в. до н.э., профиль чернолаковой миски IV в. до н.э., археологически целая чернолаковая тарелка со штампованным орнаментом IV в. до н.э.) Здесь же была найдена медная монета 330 г. до н.э. (Зограф, 1951. С.127-128). Данный культовый комплекс - это зольник-эсхара (Paus., V).

К югу от помещения №8 была раскопан еще один культовый объект - алтарь (?). Он представлял собой развал камней в форме круга с диаметром 2,2 м. Средняя толщина сооружения - 0,26 м. Камни уложены в один-два ряда, а в восточной части - в три. В основании алтаря находились более крупные камни (известняк, гранит, галька). Основная масса камней использованная для строительства алтаря - известняковый и мраморный бут. Среди камней находилось значительное количество фрагментов керамид, а также ручек, стенок и нижних частей амфор (Папанова, Ляшко, 2005б).

Культовый слой участка насыщен керамикой, среди которой доминируют фрагменты амфор. Интерес представляют фрагменты стенок краснофигурного аска, краснофигурной боспорской пелики с изображением амазонки и грифона, расписанного белой краской, первой половины - середины IV в. до н.э. (Кобылина, 1951. С.142. Рис.4в) и крышки краснофигурной леканы с изображением женского лица в профиль.

За три года найдено 27 амфорных клейм различных центров: одно акантское (IV в. до н.э.), шесть гераклейских (начало - середина IV в. до н.э.), четыре синопских (IV в. до н.э.), шесть фасосских (IV в. до н.э.), три херсонесских (IV - III вв. до н.э.), два неизвестных центров и протоклеимом в виде круга или буква О (V в. до н.э.).

Среди этих клейм интерес представляют два клейма (монограммы) в виде буквы А (рис.2). Ранее считалось, что это фасосские клейма (Grace, 1946. P.172, №219, pl.76; Bon at Bon, 1957. P.503, №2205). В последнее время появилась точка зрения, что амфоры с этими клеймами производились в Айносе (Ainos) (Karadima, 2002. P.157, fig.29).

За три года раскопок найдена 21 монета. Среди них медные монеты с изображением на аверсе орла на дельфине в профиль и с

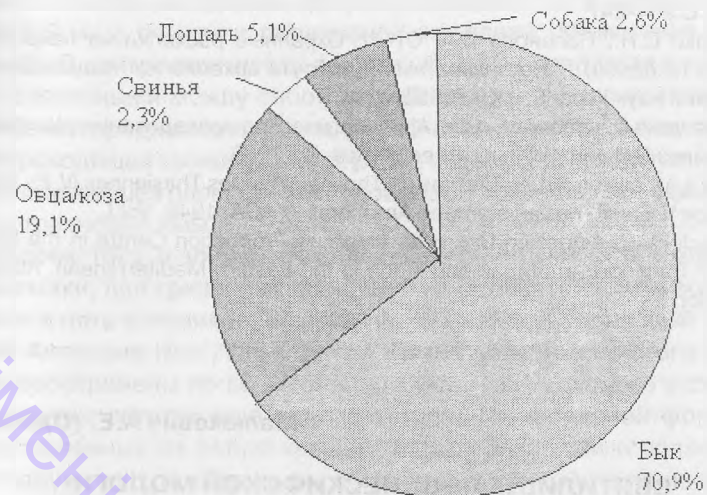
надписью над ним ОΛΒΙΟ, а на реверсе - с изображением Деметры в профиль. На трех монетах голова Деметры повернута влево, а на одной - вправо. На одной монете изображение Деметры смазано. Этот тип монет датируется 330 г. до н.э. (Зограф, 1951. С.127-128). Еще один вариант этих монет представлен монетой с изображением на аверсе Деметры в профиль, а на реверсе - орла с поднятыми крыльями параллельно корпусу на дельфине и с надписью под ним - ОΛΒΙΟ. Данный тип монет начали чеканить в Ольвии после нашествия Зопириона (Карышковский, 1988. С.60-61, рис.6,3; Анохин, 1989. табл. IX,84). Найдено и два экземпляра бронзовых «борисфенов». На монетах этого типа на аверсе изображен бородатый Борисфен влево, а на реверсе - скифский, парадный топорик и лук. Подле лука надпись - ОΛΒΙΟ. Данный тип монет датируется 300 - 280 гг. до н.э. (Анохин, 1989. С.40. табл. XI). Кроме того, найдено одиннадцать бронзовых «ольвиек» и три дельфинчика (Карышковский, 1988. С.36, рис.4, 12-15). На аверсе «ольвиек» нечеткое изображение головы Аполлона, а на реверсе - зерна, дельфина и надписи ОΛΒΙΟ. Данный тип монет датируется 330-300 гг. до н.э. (Анохин, 1989. С.35-36, 106-107, №124).

На исследуемом участке одновременно существовали два объекта. В начале IV в. до н.э. здесь построили полуземлянки, в которых люди жили постоянно, о чем свидетельствует наличие очага и печи. В первой трети - 30-х годах IV в. до н.э. появились наземные помещения с каменными стенами. Этот комплекс - усадьба третьего типа приольвийских усадеб, т.е. усадьба единоличного пользования (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. С.121; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. С.42). До сего времени была известна только одна усадьба, находившаяся к югу от городища за ольвийским некрополем на Широкой балке (Русяева, Мазарати, 1986. С.47), большинство же находилось на север от города (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. С.150). Датировка исследуемой усадьбы совпадает с периодом жизнедеятельности всех ольвийских усадеб (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989. С.150; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990. С.42; Крыжицкий, Русяева, Крапивина, Лейпунская, 1999. С.112).

Предварительные результаты раскопок усадьбы интересны в плане постановки нескольких проблем. Во-первых, хронологическое соотношение захоронений на некрополе и под курганами с

комплексом построек усадьбы. Во-вторых, нахождение большого количества костей крупного рогатого скота в зольнике, примыкающем к усадьбе, позволяет поставить вопрос о способе содержания скота и типе скотоводства. В третьих, обращает внимание наличие в кладках большого количества мраморного бута. Возможно, близости от усадьбы находилась мастерская по обработке привозного мрамора, отходы из которой были использованы при строительстве.

Некрополь юго-запад. Соотношение количества костей домашних животных

Литература:

- Анохин В.А. Монеты античных городов северо-западного Причерноморья. К., 1988.
 Зограф А.Н. Античные монеты // МИА СССР. М.-Л., 1951. Карасев А.Н. Планы Ольвии XIX века как источник для истории топографии Ольвии. // МИА. М - Л., 1956. № 50.

- Карышковский П. О. Монеты Ольвии. К., 1988.
- Кобылина М. М. Поздние боспорские пелики // МИА. М - Л., 1951. №19.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. К., 1989.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К., 1990.
- Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А. и др. Ольвия: античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
- Ляшко С. Н., Папанова В. А. Исследование ольвийской усадьбы // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Мат. межд. науч. конф. СПб., 2004. Т. 2. С. 89-92.
- Ляшко С. Н., Папанова В. А. Итоги исследования усадьбы на некрополе Ольвии // Археологічні дослідження в Україні. 2003-2004 рр. Запоріжжя, 2005а. С. 244-247.
- Ляшко С. Н., Папанова В. А. Отчет. Охранные раскопки на некрополе Ольвии (усадьба) // Научный архив института археологии Национальной Академии наук Украины. К., 2005б.
- Русяева А. С., Мазарати С. Н. Археологические исследования у Широкой балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. К., 1986.
- Bon A. M. at Bon A. Les Timbres de Thasos // Etudes Thasiennes IV. P., 1957.
- Grace V. Early Thasian stamped Amphoras // AGA. 1946. Vol. L.
- Karadima C. Ainos: An Unknown Amphora Production Centre in the Evros Delta // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Athens, 2002. Vol. 5.

Малюкевич А. Е. (Одесса)

СВЯТИЛИЩЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ МОЛОГИ

Поселение и могильник I-III вв. н.э. Молога II расположены на правом берегу Днестровского лимана в 15 км к северу от древней Тиры. Характер поселения и каменного домостроительства, погребальные сооружения, погребальный обряд, состав керамического комплекса и, особенно, комплекс лепной керамики уверенно сближают поселение и могильник Мологи с ареалом памятников позднескифской культуры (Гудкова, Фокеев, 1982. 109; Малюкевич, 1989. С. 79). Наряду с этим отмечались, как сильная эллинизация, так и присутствие в Мологе сарматских и фракийских элементов культур. (Малюкевич, 1992. С. 30-32; 1993. С. 100).

Но в последние годы раскопок, на окраине поселения выявлено святилище, из 184 культовых ям, центральным местом которого являлся большой (2,2 x 1,9 м) очаг-кострище, с пятью лепными светильниками по краям. Рядом четыре небольших ямки с целенаправленно уложенной керамикой, и еще два кострища. (Малюкевич, Присяжнюк, 2000. С. 154, рис. 1, 2). Севернее располагался глинобитный алтарь-жертвенник и несколько зольных пятен, в одном из которых находилось скопление кремней.

Южнее раскопана полуземлянка № 4 /4,4 x 2,8 м и глубиной 1,74 м/ с двумя кострищами. Северо-восточнее выявлена полуземлянка № 3 /3,0 x 2,4 м и глубиной 0,7 м/ с очагом и печью-каменкой. А юго-восточнее находилась полуземлянка № 2 /4,15 x 3,7 м, глубиной 0,9 м/ с очагом и переносной жаровней (Малюкевич, 1999. С. 110). В центре святилища все эти объекты располагались между 11, связанными между собой неглубокими траншеями, представляющими преднамеренно созданный лабиринт. Еще одна, отдельно проходящая траншея, обнаружена севернее. Между траншеями и на ближайшей площади исследовано 53 погребально-поминальные тризновые ямы.

Кроме того, в эпицентре святилища обнаружено 10 скоплений керамики, две тризновых площадки из беловатой глины со слоем золы и пять зольников. В одном из них найден бронзовый дупондий Антонина Пия /138-161 гг./. Пятна золы и золистого грунта распространены по всей площади участка. Несколько в стороне выявлены остатки еще одного алтаря «П»-образной формы из поставленных на ребро камней. Между алтарями и зольниками обнаружены три каменных, обмазанных глиной, и прокаленных ритуальных площадки. В 30 м к западу от центра святилища вскрыто 23 поминально-тризновые ямы и зольник. В зольнике обнаружено 1190 фрагментов керамики, бронзовые: ключ-кольцо, обломок фибулы, бронзовый тирский ассарий императора Домициана /81-96 гг./ и сегмент еще одной монеты. В северной части к скоплению ям примыкает большая /35 м²/ площадка из беловатой глины с двумя очагами, канавками с золой и двумя переносными жаровнями.

На поверхности многие устья ям были маркированы отдельными камнями или даже каменными завалами. В разрезе ямы трапециевидные, грушевидные, цилиндрические, котловидные, боченко-

видные и конусовидные. Практически во всех, и особенно в больших ямах, прослежена многослойная структура заполнения с наличием серого или серозолистого грунта насыщенного краснообожженной глиняной крошкой с прослойками или локальными пятнами золы. Иногда дно подмазывали глиной или подсыпали песком и разводили костер. Из общего массива ям 12 были безынвентарными, 4 неопределенные, в 4 найдены только кости животных. В некоторых ямах находились части туш овец, коз, коров, лошадей и даже целые туши овец, собак и коровы.

Неизменным атрибутом являлось помещение в яму целой или обломков переносных жаровен, камней, галек-окатышей, кремней, каменных и глиняных шариков, раковин виногадных улиток или моллюсков. В наиболее пышных тризнах встречаются лепные: светильники, миниатюрные сосудики, курильницы, глиняные диски, пряслица, пирамидальные грузила, астрагалы, оселки, растиральники, конкреции керамического шлака, костяные проколки. Известны отдельные находки бронзовых фибул, браслетов, иголок, заклепок, железных гвоздей и ножей, свинцовые пластины, обломки стеклянных сосудов, бусы.

Важным элементом при обряде жертвоприношений в Мологе являлось умерщвление и ритуальное погребение собак. На настоящий момент в 20 ямах зафиксировано 30 костяков и черепов собак и еще в нескольких ямах их отдельные кости. В шести ямах находилось по два, а в одной пять костяков. По две собаки сопровождали погребения двух младенцев в культовых ямах. Череп еще одной собаки, вместе с тушей и черепами коз положили в яму с захоронением подростка.

Все выше перечисленные факты заставляют нас обратить внимание на отсутствие таких ярко выраженных святилищ в позднескифской среде, но они широко распространены в западном ареале синхронных культур. Наличие значительного комплекса культовых ям, расположенных и вне могильников, где присутствует не спорадический, а широко распространенный обряд жертвоприношений собак, являлся обычным для всей территории занимаемым фракийским населением. Святилища с пожертвованиями и жертвоприношениями - «Поля ям» с костями животных распространены во всем фракийском ареале, а также среди «варваров» Европы (кельты, иллирийцы, германцы). Данные комплексы, большая часть

из них датируется II в. до н. э. - I в. н. э., включают от нескольких десятков до нескольких сотен ям, заполнение которых указывает на преднамеренный характер возложения материалов и жертвоприношений (Сырбу, 1996. С.166-167; Sîrbu, 1993. fig.-32-36, 60-62. Апеха 2-22).

Учитывая столь распространенный в гето-дакийском мире, пожалуй более, чем в какой-либо другой культуре, обряд жертвоприношения животных, в том числе и собак, можно предположить, что обитатели Мологи позаимствовали его у своих ближайших западных соседей. Тем более, что Днестр длительное время являлся естественной границей между скифским и фракийским мирами. А Молога и расположена непосредственно на данной границе. Географическое местоположение, наличие полуземлянок, лепной керамики и глиняных изделий фракийского облика, специфического жертвенного комплекса с обилием поминально-тризновых ям с ритуальным погребением животных и собак значительно сближает Мологу с гето-дакийским ареалом памятников первых веков нашей эры. Безусловно, среди обитателей поселения проживала весьма значительная группа этнических фракийцев, которая и привнесла с собой столь специфический обряд и придала позднескифскому населению Мологи колоритную фракийскую окраску (Малюкевич, 1992. С.30-32).

Литература:

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Поселение и могильник римского времени Молога II. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К., 1982.

Малюкевич А.Е.. К вопросу о погребальном обряде могильника Молога // Сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов областной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989.

Малюкевич А.Е. Комплекс погребально-поминальных тризн моложского могильника. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции. Запорожье, 1994.

Малюкевич А.Е. Фракийские элементы в культуре позднескифского населения Днестровского лимана // Археологический вестник № 3. Запорожье, 1992.

Малюкевич А.Е. Этнические признаки погребального обряда могильника Молога II // Древности Причерноморских степей. Киев, 1993.

Малюкевич А.Е. Полуземлянки поселения Молога -II // КСРОА. Одесса 1999.

Малюкевич А.Е., Присяжнюк А.Н. Лепные светильники позднекифской Мологи // Чобруцкий археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000.

Сырбу В. Святые места с пожертвованиями и жертвоприношениями во фракийском мире эпохи железа // Міжнародні зв'язки народів Європи. Тезиси доп. Запоріжжя, 1996.

Șirbu V. Credințe și practici funerare, religioase și magice în lumea geto-dacilor. Galați, 1993.

Марченко К.К., **Доманский Я.В.** (Санкт-Петербург)

О БАЗОВОЙ ФУНКЦИИ РАННЕГО БОРИСФЕНА

Масштабные историко-археологические исследования, проведенные ныне на территории древнейшего греческого поселения Северного Причерноморья - Борисфене (остров Березань) привели к целому ряду значительных открытий. Так, в частности, в последнее время удалось получить дополнительную информацию по вопросу о базовой функции раннего Борисфена, т.е. к вопросу о целях появления первой группы колонистов в этом отдаленном районе античной ойкумены.

В связи с этим необходимо обратить внимание на результаты работ Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции Государственного Эрмитажа.

В 1998-2000 гг. основные усилия экспедиции были направлены на изучение одного из наиболее ранних участков античной Березани, расположенного на высокой (береговой) окраине поселения - раскоп «Основной». Здесь, в системе древнейшей застройки поселения, включившей в себя целый ряд относительно примитивных земляных структур (17 единиц) и ям (17 единиц) различного назначения, удалось раскрыть вполне очевидные следы двух медеплавильных мастерских (строительные комплексы № 6 и № 13) конца VII - первой половины VI вв. до н.э., т.е. времени возникновения и становления самой колонии.

Первая из них - строительный комплекс № 6 - представлял со-

бой остатки относительно большой четырехугольной в плане землянки площадью около 19 кв.м. Пол объекта - пласт темной сильно обожженной глины мощностью до 0,05 м. В полу зафиксированы многочисленные вкрапления кусочков меди и древесных угольков. Здесь же, в полу, обнаружены два овальных в плане и чашевидных в разрезе «бассейна» с размерами: 2,0 x 1,5 x 0,55 м - глубина и 1,3 x 1,2 x 0,55 м. - глубина. Материковые стенки и дно «бассейнов» имели следы сильной обожженности. В пределах наиболее крупного «бассейна», у его края зафиксированы остатки глинобитного пода печи округлой формы с размером 0,85 x 0,85 x 0,02 м. - мощность. Остатки еще одного подобного же пода печи находились у северного борта котлована, причем последний, т.е. борт, в этом месте на всю высоту (1,2 м.) носил яркие следы длительного воздействия огня.

В результате разборки заполнения комплекса был обнаружен численно весьма значительный вещественный материал конца VII - второй четверти VI вв. до н.э. И без каких-либо видимых примесей находок более позднего времени.

Вместе с тем, следует отметить, что характер заполнения описываемого объекта принципиальным образом отличался от заполнения других земляных структур на данном участке Березанского поселения. На всю глубину котлована, вплоть до его глинобитного пола, шел темный зольно-глинистый пласт, насыщенный большим количеством (187 единиц) кусков печины, в том числе и одного сильно обожженного трубчатого сопла.

Наиболее примечательной категорией находок в пределах землянки, впрочем, определяющей, по всей видимости, ее основную функцию, следует считать обнаружение здесь 272 всплесков и слитков меди общим весом около 2,5 кг.

Результаты эмиссионно-спектрального анализа слитков из комплекса, проведенного в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик А.Н. Егорьков) дали следующую картину: Cu - основа, Sn - 0,1, Pb - 0,8, Zn - 0, Bi - 0, Sb - 0,3, As - 1,8, Ag - 0,09, N - 0,02, Fe - 0,06, An - 0. Они позволяют считать, что по формальному признаку металл, обнаруженный в пределах землянки № 6 может рассматриваться как мышьяковая бронза. Однако эти же результаты (интервал отношения As к Sb, в частности) позволяют предполагать и рудопримесной характер мышьяка.

Второй строительный комплекс № 13 расположен в 12 метрах к западу от вышеописанной землянки № 6. Он, к сожалению, сохранился лишь в своей восточной половине.

Судя по дошедшим до наших дней остаткам, комплекс представлял собой овальную, либо подчетыреугольную со скругленными углами землянку площадью более 10 кв. м и глубиной около 0,65 м.

Пол объекта - пласт темной сильно прожженной глины мощностью до 0,03 м. Здесь, в полу, были раскрыты два овальных в плане и чашевидных в вертикальном разрезе «бассейна» с размером 1,35 x 1,0 x 0,25 м. - глубина и около 0,75 x 0,7 x 0,25 м. - глубина. Материковые стены и дно бассейна носили яркие следы сильной обожженности.

У восточного борта комплекса находились остатки долговременной глинобитной купольной печи диаметром несколько более 0,8 м. Весьма примечательным в этой связи оказалось и то, что под печи, насчитывающий целый ряд последовательных глиняных примазок, имел общую мощность около 0,15 м. Заметим тут же, что явственные следы еще одного пода печи с размером 0,95 x 0,73 м. зафиксированы в 0,5 м. от южного борта котлованы землянки.

Разбор темного глинисто-золистого заполнения комплекса дал численно небольшой, но, в общем, весьма выразительный вещественный материал конца VII - первой половины VI вв. до н.э. без заметной примеси находок более позднего времени, в том числе и несколько обломков восточно-ионийских киликов конца VII в до н.э., украшенных по фризу заштрихованными ромбами и птицами.

Среди вещественных находок отдельного упоминания, несомненно, заслуживает овальный в плане, по всей видимости, товарный слиток меди весом около 3,5 кг., обнаруженный на полу комплекса в 0,5 м. к западу от купольной печи.

Результаты эмиссионно-спектрального анализа этого слитка, проведенные в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик А.Н. Егорьков) оказались весьма близкими полученным для металла из землянки № 6, а именно: Cu - основа, Sn - 0, Pb - 0,03, Zn - 0, Bi - 0, Sb - 0, As - 0, Ag - 0,02, Ni - 0,04, Co - 0,03, Fe - 0,03, Mn - 0,02. Единственным заметным отличием в этом смысле является полное отсутствие в составе металла мышьяка. Таким образом, можно предполагать, что в пределах землянки № 13 происходила выплавка меди исключительной чистоты. Данное обстоя-

тельство, а также отсутствие иных сколько-нибудь значительных примесей в металле заставляет видеть во вновь открытых комплексах остатки узкоспециализированного производства. На это указывает и отсутствие в составе вещественных находок из этих комплексов готовых изделий из меди, бронзы и их полуфабрикатов.

Следует отметить также, что объем производства металла в медеплавильных мастерских раннего Борисфена, по всей видимости, превышал потребность жителей относительно небольшого поселения, каковым, несомненно, являлось в конце VII - первой половине VI вв. до н.э. - эта самая ранняя древнегреческая колония Северного Причерноморья. Вполне логично предполагать, что такая продукция первых металлургов Березани могла хоть бы и от части предназначаться для экспорта. Крайне незначительный удельный вес изделий из «чистой» меди, зафиксированных на территории архаической Скифии, заставляет высказать предположение, что основным потребителем этого металла явилась метрополия.

В этом смысле ранний Борисфен можно поставить, по всей видимости, в один ряд с такими древнейшими сырьевыми колониями Среднеземноморья, как, например: поселение на Питекусах, Эль-Мина, Сукас, Гела и т.п. Весьма примечательно, наконец, и то, что, судя по наличию небольшой (около 0,03-0,05%) примеси кобальта и никеля (0,02-0,04%) во всех исследованных образцах березанской меди, исходное сырье для ее доставки в эту колонию, могло поступать, скорее всего, из юго-западной области Причерноморья - района Карпато-Дунайского бассейна.

В заключение отметим, что большинство остальных наблюдений сделанных при изучении медеплавильных мастерских раннего Борисфена и их ближайшего окружения - результаты анализа типологического состава комплекса лепной керамики и основных типов земляных построек, в частности, подтверждают последние замечания.

АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА С ПОСЕЛЕНИЯ ЭТУЛИЯ

В 1972-74 гг. археологическая экспедиция Академии Наук МССР проводила раскопки на варварском поселении Этулия. Во время раскопок производимых Г.Ф. Чеботаренко на данном поселении (юго-восточная часть Молдовы), среди немногочисленного греческого амфорного материала (Чеботаренко, 1974. с.182), были обнаружены и три амфорных клейма, два из которых оттиснуты на ручках, одно - на горле. В первых публикациях, в материалах выявленных в результате раскопок, об этих амфорных фрагментах упоминается вскользь, отмечая лишь два клейма, указывая, что одно гераклейское другое фасосское. Предлагалась даже датировка этих находок - вторая половина IV века до Р.Х. (Чеботаренко, Щербакова, 1974. с.142) Наши изыскания в фондах Археологического Музея Академии Наук Молдовы, а также фондах Национального Музея Истории Молдовы, где хранится разрозненная коллекция материалов из Этулии, позволили выявить данные предметы, анализ которых представлен в данной работе. Также одной из наших целей является включение в научный оборот нескольких неизвестных ранее клейм.

По технологии клеймения оттиски на ручках выполнены рельефно, на горле - энглифически. Анализ клейм позволяет утверждать, что клейма на ручках принадлежат острову Фасос, клеймо на горле - Гераклеи Понтийской.

Первое фасосское клеймо подпрямоугольной формы и сохранило все составные клейма данного центра, т.е. этникон, имя собственное и эмблему, которая интерпретируется как таблетка (лепешка). Как имя собственное здесь фигурирует Μελίνοζ, в номинативе, которое согласно классификации И. Гарлана является фабрикантом, деятельность которого относится к группе F1, датированной в пределах 360-350 гг. до Р.Х. (Garlan, 1999. p.201)

Известно, что такой тип фасосского клейма присущ данной группе, где имя собственное принадлежит фабриканту, а имя эпонима передано посредством эмблемы. К этой же группе относится и второе фасосское клеймо, с именем фабриканта Αισχυρίων, а эмблема представлена в виде стоящей в профиль птицы. Оба клей-

1. Θασ[ίων] таблетка с эмблемой
Μέ[λινος]
Этулия, ок.360-350 до Р.Х. Garlan, 1999, nr.623.

2. [Θ]ασίω
[Αισ]χυρίων стоящая в профиль птица →
Этулия, ок. 360-350. Garlan, 1999, nr.578

3. Στα[σιχό]ρου
полумесяц
ἐπὶ Διονυσίου
Этулия, конец 70-середина 50 гг. до Р.Х.

ма имеют известные аналогии, (Garlan, 1999. nr.623, nr.578.) что позволяет не сомневаться в представленной датировке.

Третье клеймо относится к традиционным гераклейским клеймам, имеет прямоугольную форму и легенду, написанную в два ряда. В первом ряду фигурирует имя фабриканта Στασιχοροῦ в генитиве - Στασιχοροῦ, а во втором - после предлога ἐπι фигурирует имя эпонима Διονισιοῦ, тоже в генитиве. Данное гераклейское клеймо является магистратским, несмотря на то, что в первом ряду написано имя фабриканта. Присутствие предлога ΕΠΙ (которое обычно стоит только перед именем магистрата) во втором ряду и следующее за ним имя, бесспорно, относит данный экземпляр к магистратским клеймам. Известно, что мастерская фабриканта Στασιχοροῦ работала и в 80 годах IV века. Имя эпонима Διονισιοῦ отмечено как во второй магистратской группе клейм относящейся к концу 90 - середине 70 гг. IV в., так и к третьей группе, датируемой концом 70 - серединой 50 гг. IV в. (Katz, 2003. p.261-278.) Известно что из 17 эпонимов III группы, всего 5 использовали постоянно в своих клеймах символы (Katz, 2003. p.267-268.) (которые в гераклейском клеймении не так часто встречаются, как, например, в Фасосе или в Синопе). Все-таки мы считаем, что данный экземпляр относится к третьей группе, и принадлежит магистрату Διονισιοῦ II, поскольку именно у этого эпонима присутствует эмблема в виде полумесяца, которая отмечена и на клейме из Этулии. В нашем случае эмблема расположена между рядами, над буквами ΔΙΟ имени магистрата, заостренными концами кверху.

В том, что на поселении были обнаружены клейма этих двух широко известных греческих полисов, нет ничего удивительного. Именно Фасос и Гераклея Понтийская практически в одинаковой мере, являлись главными греческими центрами-производителями, продукция которых (прежде всего вино), была наиболее распространенной в IV- первой половине III вв. до Р.Х. в варварской среде Северо-Западного Причерноморья.

Литература:

Чеботаренко Г.Ф. Поселение Этулия VI // Археологические исследования в Молдавии в 1972 г., Кишинев, 1974.

Чеботаренко Г.Ф., Щербакowa Т.А. Раскопки поселения у с. Этулия // Археологические исследования в Молдавии в 1973 году. Кишинев, 1974.

Garlan, Y. Les timbres amphoriques de Thasos. Etudes thasiennes, XVIII. Athenes: École française d' Athenes, 1999.

Katz V.I. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Heracleia Pontike, // The Cauldron of Ariantas, 2003, Aarhus.

Назарова Т.А. (Киев)

БРАХИКРАННЫЙ КОМПОНЕНТ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Процесс брахикефализации, то есть увеличение ширины черепа человека, относится к эпохальным явлениям. Начало обсуждению этого вопроса было положено еще в начале XIX века. Причины его ученые связывают с изменениями в питании, с переходом к оседлой жизни (Заллер, 1964. С.252), с длительной изоляцией определенных групп населения, с постепенным изменением генофонда популяции (Алексеев, 1969. С.103) и другими. Наиболее интенсивно на территории Восточной Европы этот процесс происходит во II тыс. н.э. (Дебец, 1948. С.307; Алексеев, 1969. С.101).

В связи с этим неизбежно встает вопрос о времени и причинах появления брахикранного населения в Херсоне (Херсонесе): связано-ли оно с биологическим процессом брахикефализации, который происходил повсеместно, или же речь идет о пришлом населении. Эти два явления различить весьма сложно, тем более, что Крым всегда был открытой зоной для смешения различных этносов.

Характеризуя население Херсона, жившее в отмеченный период времени, Г.Ф. Дебец отмечал, что оно включает в себя три этнических компонента. Средиземноморский антропологический тип отождествляется исследователем с греками, брахикранный монголоидный - с хазарами, а брахикранный европеоидный является для средневекового Крыма основным (Дебец, 1948. С.267-268).

Приняв за основу данные Г.Ф. Дебецом оценки изученных им этнических групп, попытаемся рассмотреть их на примере изучения антропологического материала, полученного из костницы на западном участке некрополя Херсонеса. Склеп (№ 86) открыт в 1988 году и датируется в целом XII-XIII вв. (Зубарь и др., 1988. С.8-12). Он использовался на протяжении нескольких столетий и служил местом для последующих подзахоронений.

Отметим, что, помимо брахикранных черепов, в изученной группе присутствуют и черепа средиземноморского типа, которые принято связывать с греческим этносом. В связи с этим можно обозначить еще один вопрос. Сохранились ли черепа с отмеченным комплексом признаков с античного времени в склепе, или же население с чертами средиземноморского типа проживало в городе и в позднее средневековье.

Из отчета о раскопочных работах в склепе № 86 видно, что склеп «был построен и начал использоваться для захоронений, как и большинство аналогичных погребальных сооружений, в первые века н.э. Затем, видимо, в VII в., он был «очищен» от более ранних захоронений, о чем свидетельствует фрагмент стеклянного бальзамария и монеты... В XII-XIII в.в. склеп был использован вновь... После XIII в. склеп перестал использоваться, что, вероятно, можно связывать с прекращением жизни Херсонеса как городского центра» (Зубарь и др., 1988. С. 12).

Если допустить, что черепа римского времени не сохранились в результате «очищения» склепа от ранних захоронений, а поздние захоронения совершались в свободном от костей склепе, то возрастает вероятность предположения, что население с комплексом признаков средиземноморского типа продолжало жить в Херсоне и в позднее средневековье. В этом случае носители брахикранный антропологического типа - это то население, которое проживало здесь параллельно с греческим населением и было захоронено в склепе. Подтверждением в пользу этого предположения служит наличие черепов средиземноморского типа и в могилах при часовнях, сооруженных в позднесредневековый период и имеющих более узкую датировку - XIII в. (Рыжов, 1985. С. 18; Назарова, 1986).

Этническая атрибуция брахикранный элемента в населении средневекового Херсона остается пока малоизученной. Исследованные к настоящему времени краниологические серии X-XIII вв. из склепов и усыпальниц города характеризуются в целом брахикранией (Дебец, 1949. С. 341; Соколова, 1959. С. 73; Зиневич, 1973. С. 178 и сл.; Назарова, Потехина, 1990. С. 27; Иванов, 1998. С. 260), грацильным строением черепов (Зиневич, 1973. С. 178, 190), иногда уплощенностью лицевого скелета (Дебец, 1949. С. 343; Соколова, 1959. С. 73; Зиневич, 1973. С. 179, 189, 191, 193; Назарова, Потехина, 1990. С. 27), а также имеющие искусственную деформацию

затылочной части черепа (Дебец, 1949. С. 341, 344; Соколова, 1959. С. 73; Зиневич, 1973. с. 179). (Отмеченный тип искусственной деформации нельзя отождествлять с деформациями т.н. сарматско-аланского круга краниологических серий.)

Следует отметить, что монголоидная примесь на черепах из херсонесских могил зафиксирована в незначительной степени. Из весьма представительной выборки (99 мужских и 92 женских черепов), полученной из усыпальниц X-XIII в.в. (Дебец, 1948. С. 266), черепов с уплощенностью лицевого скелета оказалось 3: 1 мужской и 2 женских. По мнению Г.Ф. Дебеча, «монголоидные элементы, по всей вероятности, обязаны своим происхождением хазарскому гарнизону Херсонеса» (Дебец, 1948. С. 268). При этом он указывает на «несомненную», но «очень незначительную» монголоидную примесь (Дебец, 1949. С. 343). В основной же массе население Херсона имело европеоидные черты.

Как было отмечено выше, исследователями было обращено внимание на грацильное строение и наличие уплощенности затылочной части черепов из средневекового Херсона. Черепа с таким же набором признаков обнаружены также в сельских могильниках юго-западного Крыма: Гончарное, Родниковое, Пампук-Кая (Беневоленская, 1970. С. 197). Наличие плоского затылка отмечается у населения Греции (Пулянос, 1960. С. 7). Причины уплощенности, которая объяснялась исследователями как искусственная затылочная деформация (Жиров, 1940. С. 81, 86), до конца не установлены. А.Н. Пулянос считает, что, вероятнее всего, в изменении формы головы более существенную роль играли факторы иного плана, объясняющие процесс брахицефализации, чем просто деформирующее влияние колыбели, - изоляция, особенности почвы, питания и ряд других (Пулянос, 1960. С. 7, 9). Малоазийское население также характеризуется брахикранный формой черепа (Еремеев, 1971. С. 27). По мнению А.Н. Пуляноса, на территории Восточного Средиземноморья в конце римского и особенно в византийское времена черепной указатель увеличивается (Пулянос, 1960. С. 8), и резко выраженный европеоидный брахицефальный комплекс находит широкое распространение на различных территориях расселения греков (Пулянос, 1961. С. 117). Это может определенным образом указывать на миграцию в юго-западный Крым волн брахикранный европеоидного населения, истоки которого,

возможно, следует искать на территории Малой Азии. Что касается времени появления брахикранного населения с обозначенным комплексом признаков в Херсоне, гипотетически можно предположить два варианта. Оно появляется в Херсоне в X веке, когда его можно отметить на хорошо датированных материалах, или ранее, одновременно с миграцией населения в юго-западный Крым (Гончарное, Родниковое и Пампук-Кая). Напомним, что херсонесские краниологические серии, датирующиеся предшествующим временем - собственно VIII и IX в.в., отсутствуют. Раскопки отмеченных могильников показали, что между упомянутыми сельскими поселениями не существовало «осязаемых и реальных связей с ближайшим экономическим и культурным центром Таврики - Херсоном (Херсонесом). Видимо, деревня от соседнего города была оторвана. Это сказывается в резком контрасте всей их материальной культуры» (Якобсон, 1970. С.147). Археологические раскопки указывают и на то, что некрополь Херсона носил также иной облик: для него нехарактерны были плитовые могилы, используемые для захоронений жителями этих населенных пунктов (Якобсон, 1970. С.148).

Можно предположить, присоединившись к первому варианту предложенной модели, что население с отмеченными чертами появилось в Херсоне, вероятно, лишь с X века. К тому же, если вспомнить, что и в более раннее время население Херсонеса имело морфологический облик, отличный от населения ближайшей округи, то наше предположение представляется вполне вероятным. Следует указать также на отсутствие в могилах позднего этапа жизни Херсона черепов со следами искусственной деформации, характерной для позднеантичного и раннесредневекового времени (см., напр.: Зиневич, 1973. С.188; Назарова, 1986а С.73). Видимо, с появлением брахикранных европеоидов в X веке исчезает обычай искусственной деформации головы, что также может указывать на смену населения.

Появление брахикранного антропологического типа в Крыму в эпоху средневековья следует относить, вероятно, к VIII веку. В это время отмечается его присутствие в могильниках Коктебеля и Судака. Количество мужских брахикранных черепов составляет около трети от количества долихокранных; женские черепа с брахикранной формой представлены большинством экземпляров (Соколова, 1958. С.70-71).

Следует подчеркнуть, что появление брахикранного типа совпадает с широким распространением в Крыму плитовых могил, которые существовали задолго до этого в Малой Азии и на Балканах (Репников, 1932. С.180). В первой половине VIII в. в Таврике усиливается процесс византинизации в связи с массовой эмиграцией малоазийских греков из Византии в период иконоборческих гонений (Археология УССР, т.2, 1986. С.240). Вероятно, распространение брахикрании в Крыму шло параллельно с распространением плитовых могил - с юго-востока на юго-запад Крыма. Херсон был последним из пунктов, куда она проникла.

Литература:

- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969
Археология УССР. т.2. 1986
Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. К., 1974.
Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. - Прил. к кн.: Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. №168.
Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. ТИЭ. т.14. М.-Л., 1948.
Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // СМАЭ. - 1949. т.12. С.
Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории. М., 1971.
Заллер К. Коррелятивная изменчивость размерных признаков черепа, ее значение для истории расовых «типов» и для расогенеза // Современная антропология. М., 1964.
Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. К., 1973.
Зубарь В.М., Дорофеев В.В., Ушаков С.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса. НА ИА НАНУ. 1988/10в. К., 1988.
Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. №8.
Иванов А.В. Антропологический материал из раскопок часовни в квартале X «Б» Херсонеса 1996г. // Херсонесский сборник. № 9. 1998.
Назарова Т.А. К вопросу о физическом типе Херсонеса (антропологические материалы из раскопок часовни в северном районе города). Депонир. Доповіді наукової конференції молодих істориків КДУ «Молоді науковці КДУ - справи прискорення науково-технічного прогресу». К., 1986

Назарова Т.О. Краниологичні матеріали із склепів некрополя Херсонеса. // Археологія. 1986а. № 54.

Назарова Т.А., Потехина И.Д. Антропологические материалы из могильников юго-западного Крыма. Препринт. К., 1990.

Пулянос А.Н. Проблемы антропологии Греции в связи с этногенезом ее народа.

Автореф. Дис... канд. ист. наук. М., 1960.

Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928-1929 гг. // ИГАИМК. - 1932. 12, вып. 1-8 (Готский сб.).

Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.

Соколова К.Ф. Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955г.

Прил. к ст. Г.Д. Белова «Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году».

Херсонесский сборник, 1959. № 5.

Рыжов С.Г. Отчет за 1985 год о раскопках 8 квартала в Северном районе Херсонеса. - Науч. Архив ИА НАНУ. 1985/66а. К., 1986.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970. МИА. № 168.

Немченко И. В. Одесса

К вопросу о «роялизме» Томаса Гоббса

Томасу Гоббсу - «отцу современной политической науки» - посвящена огромная литература, преимущественно англофонная, наибольший объем которой приходится на вторую половину XX века. В ряде ярких исследований 50-х - 70-х гг. политическое учение Гоббса рассматривалось в духе классической интеллектуальной истории, т.е. в связи с долговременными традициями английской и европейской политической мысли (Л. Страус, Дж. Гринлиф, Р. Эккелсхолл). Применительно к Англии речь шла, прежде всего, о так называемой «традиции порядка» [см. Немченко, 1997], представители которой выступали с идеей сильной королевской власти.

В то же время, начиная с середины 60-х гг., выходят работы, в которых политические идеи Т. Гоббса выступают в идейно - политическом контексте его времени, т.е. эпохи Английской революции XVII века. Особую роль сыграли исследования выдающегося бри-

танского ученого Квентина Скиннера, в которых необыкновенно тонко, не в ущерб друг другу, проведены «вертикальная» и «горизонтальная» линии анализа [Skinner, 1966]

Вопрос о принадлежности Гоббса к тому или иному лагерю или «партии», сложившихся в ходе Английской революции середины XVII века не слишком волновал западных исследователей. Лишь время от времени и достаточно сдержанно высказывались суждения, что Гоббс по содержанию своих идей был, к примеру, близок к индипендентам [Lips, 1927] либо к сторонникам Карла Стюарта [Macgillivray, 1974].

В гораздо большей степени вопрос о «партийной принадлежности» Томаса Гоббса занимал отечественных философов и историков советского периода (надо ли говорить, что численно их было несоизмеримо меньше, чем коллег из-за «железного занавеса»). Официальная методология, печально памятный «классовый подход» подталкивали к такой постановке вопроса. В результате Гоббс выступал то как роялист [Деборин, 1958], то как сторонник «партии» пресвитериан [Сапрыкин, 1975] либо индипендентов [Нарский, 1974]. В конечном итоге подобного рода подход оказался непродуктивным, о чем косвенно свидетельствует сам разброс мнений, режущая глаз пестрота оценок.

Оставив в стороне пресвитериан, к которым Гоббс, как известно, питал особую неприязнь, признаем, что некоторые изгибы жизненного пути мыслителя способны спровоцировать исследователя к поиску в вышеуказанном направлении. Роялистское окружение Гоббса, его близость к семейству графов Девонширских, эмиграция во Францию в 1640 г., - все это, казалось бы, свидетельствовало о роялистских симпатиях. В то же время, издание его классического произведения «Левиафан» [Hobbes, 1839], в Англии в 1651 г. и последовавшее сразу же возвращение на Родину, теплый прием, оказанный мыслителю Кромвелем, на первый взгляд, могут свидетельствовать и о «близости к индипендентам».

При ближайшем рассмотрении, однако, Гоббс оказывается наименее подходящим объектом для подобного рода мыслительных экспериментов. Поздно сформировавшись как политический мыслитель (Гоббсу было 52 года, когда в 1640 г. увидела свет его первая работа «Элементы закона», он оставался верен своей политической системе, вне зависимости от меняющихся, подчас кардиналь-

но, политических реалий и жизненных обстоятельств. Учение Гоббса присутствует уже в «Элементах закона». Три главных его составляющих - концепции естественного состояния людей как «войны всех против всех», общественного договора «каждого с каждым», в результате которого возникает государство и, наконец, теория абсолютного и нераздельного государственного суверенитета - изложены, хотя и с разной степенью полноты и совершенства, и в трактате 1642 г. «О гражданине», и в «Левиафане». Гоббс стремился создать универсальную политическую теорию, и ему это удалось. К счастью, современный историк свободен от необходимости измышлять, чьи именно классовые интересы он отражал, не ведая того.

Вопрос о «партийной принадлежности» Гоббса или, скорее, его «беспартийности», долгое время казался вполне решенным. (Заметим лишь, что восприятие учения Гоббса современниками, его отношение к идеям представителей разных лагерей и течений эпохи Английской революции, линии влияния теоретических положений Гоббса на современников и потомков - все это благодатное поле для дальнейшей работы.) Вопрос этот в форме вполне утвердительной неожиданно обрел актуальность на новом витке развития истории политической мысли как сферы научного поиска.

Последние два десятилетия привнесли в нее изменения. Мне уже доводилось писать о том, что в исследованиях ряда ведущих англоязычных историков наблюдается сближение истории политической мысли с историей просто политической или социально - политической, истории идей с историей практических политических действий. В качестве источников все чаще выступают, к примеру, материалы парламентских заседаний, судебная документация, политические произведения малоизвестных по причине своей заурядности авторов, которые, не будем отрицать, отражали в своих трудах общественные настроения [Weston, Greenberg, 1981; Sommerville, 1986] и т.д. Случалось, что вдохновленный популярным лозунгом интердисциплинарности историк просто вытеснял политическую теорию из своего труда, казалось бы, ей посвященного [Mendle, 1993; см. Немченко, 2004.].

Разумеется, в каком бы направлении ни продвигалось профессиональное, основанное на серьезной источниковой базе исследование, оно представляет ценность и интерес. Но как тут не вспом-

нить знаменитое изречение Конфуция о черном коте, которого нет в темной комнате. При всей их неоспоримой источниковой значимости парламентские или судебные протоколы не могут удовлетворить запросы историка, увлеченного политической философией, как нельзя найти оригинальность в откровенно эпигонских произведениях. Политическая мысль теоретична в своей основе, не тождественна политической практике и, изучая, их, видимо, следует различать. Возможно, настало время, вопреки моде на интердисциплинарность, внести элементы классификации в само понятие «политическая мысль», выделив в нем «верхние слои» теории и немало отстоящую от них широкую сферу идей, тесно связанных с практической политикой.

Показательна в этом отношении книга английского автора Дэвида Смита «Конституционный роялизм: поиск решения» [Smith, 1994]. Исследование это примечательно уже своей проблематикой: политические идеи роялистов изучены англоязычными историками несопоставимо меньше, чем идеи их оппонентов. Книга, как и обещает название, посвящена исследованию умеренного течения среди советников и сторонников Карла Стюарта в годы гражданских войн [Smith, 1994, 4 -5], пытавшихся склонить короля к компромиссу, к переговорам с Парламентом, а затем с армией, чтобы положить конец конфликту. Для нас наибольший интерес представляет раздел «Теория конституционного роялизма», в котором автор кратко излагает содержание и комментирует политические произведения представителей этого течения. Среди них - Джон Брэмхолл, сэр Чарльз Даллисон, Дадли Диггес младший, Генри Ферн, Джеймс Хауэлл, Дэвид Дженкинс, Джаспер Мейн и сэр Джон Спелмен.

Оказывается, что, несмотря на некоторые различия, этих авторов объединяли убеждения в том, что власть монарха хотя и суверенна, но ограничена законом, что епископат должен быть сохранен как установленная законом составная часть церкви, что исконно английская форма правления короля в Парламенте наилучшим образом защищает собственность и свободу подданных. Английское общее право воспринималось как выражение естественного и божественного закона, а вооруженное сопротивление монарху противоречило им обоим [Smith, 1994, 243].

В конфронтации по отношению к конституционному роялизму в

40-х гг. XVII в. развивалось другое идейно - политическое течение, которое условно называется абсолютистским (отметим, что термин «конституционный роялизм» тоже зародился в трудах историков). К нему Д. Смит относит немногочисленную группу наиболее приближенных к королю представителей высшего англиканского духовенства - Джона Максвелла, Гриффита Уильямса, Майкла Хадсона. Двое первых в разное время выполняли обязанности королевского капеллана, третий был воспитателем наследника престола. В политических работах данных авторов проводится идея божественного права короля, чья власть не может быть ограничена человеческим законом. За свои действия, в том числе законодательные, король несет ответственность лишь перед Богом. К этой же группе английский исследователь относит сэра Роберта Филмера и Томаса Гоббса.

Думается, что далекого от придворных дел кентского баронета Роберта Филмера по содержанию его идей еще можно счесть весьма неортодоксальным, категоричным в своих утверждениях «абсолютистским» роялистом [Немченко, 1990]. Иное дело Гоббс. Автор светского, построенного на рациональных принципах политического учения, краеугольным камнем которого стало естественное право индивидуума, Гоббс как субъективно, так и на современный непредвзятый взгляд весьма далек от рассуждающих по - богословски англиканских священников. Идея же нераздельности суверенитета, как оказалось, могла быть успешно применена и к системе протектората Кромвеля, и к восстановленной в 1660 г. стюартовской монархии. Все это не является тайной для историков.

Чем же, в таком случае, вызвана досадная, на мой взгляд, попытка автора интересного и содержательного исследования «записать» Т. Гоббса в роялисты? Имеет ли эта попытка некие общие черты с выкладками советских историков прошедших десятилетий? Осмелюсь высказаться утвердительно. Разумеется, советская и британская «партийные» оценки Гоббса выросли на разных дрожжах. Тем не менее, у общего заблуждения могут быть, по крайней мере, сходные причины. Думается, что в обоих случаях дело в недооценке автономности политической теории, в стремлении - по разным причинам - слишком тесно связать ее путями социально - политических реалий.

Отрадно, что именно Гоббс, этот великий англичанин XVII в., по-

могает изложить смутно волнующие историка вопросы, открывая тем самым возможность дальнейшего поиска.

Примечания

Приношу искреннюю благодарность Бюро по образованию и культуре Государственного департамента США за предоставленный мне грант. Работая в Институте Дж. Кеннана в Вашингтоне, я широко пользовалась фондами Библиотеки Конгресса США, что сделало возможным данное исследование.

Деборин А. М. Социально - политические учения нового времени. - т. I. - М., 1958.

Нарский И. С. Западноевропейская философия XVII века. - М., 1974.

Немченко И. В. Политические идеи Роберта Филмера // Проблемы Британской истории. - М., 1990. - С. 36 - 63.

Немченко И. В. «Традиция порядка» в английской политической мысли первой половины XVII в. и Томас Гоббс // Европа: XVII век. - М., ИВИ РАН, 1997. - С. 48 - 50.

Немченко И. В. Пределы интердисциплинарности: взгляд историка // Юбилейные Чтения памяти профессора П. О. Карышковского. - Одесса, 2004.

Hobbes Th. Leviathan, or the Matter, Form and Power of the Commonwealth, Ecclesiastical and Civil. - The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury. Now first collected and edited by Sir William Molesworth. - London, 1839. - V. III.

Lips J. Die Stellung des Thomas Hobbes zu den politischen Parteien Grosser Englischen Revolution. - Leipzig, 1927.

Macgillivray R. Restoration Historians and the English Civil War. - The Hague, 1974.

Mendle M. Parliamentary Sovereignty: A Very English Absolutism // Political Discourse in Early Modern Britain/ Ed. N. Phillipson, Q. Skinner. - Cambridge, 1993.

Smith J. Constitutional Royalism and the Search for Settlement, 1640 - 1649. - Cambridge, 1994.

Sommerville J.P. Politics and Ideology in England 1603 - 1640. - London, New York, 1986.

Weston C. C., Greenberg G. R. Subjects and Sovereigns. The Grand Controversy over Legal Sovereignty in Stuart England. - Cambridge Mass., 1981.

О СВЯЗЯХ ЗЕМЕЛЬ РАЙОНОВ УСТИЙ ДУНАЯ И ДНЕСТРА С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХАТОМ

В тысячелетней истории Византии можно выделить два периода, когда ее северо-восточные рубежи достигали низовьев Дуная. Первым таким периодом была эпоха Юстиниана (527 - 565), в которую был восстановлен римский лимес по правому берегу Дуная. Однако уже к концу столетия он оказался разрушен многочисленными племенами славян, захвативших к рубежу VI - VII ст. значительную часть Балканского полуострова. Конкретных сведений о проникновении византийских институтов на левобережье в это время нет, однако наличие контактов подтверждается монетными находками Юстиниана 1 и Маврикия (Археологические памятники, С.69).

Начало второго периода относится к 971 г., когда Иоанн Цимисхий вновь восстановил дунайский лимес, но не надолго. Уже в середине XI в. его нарушали нашествия печенег, а затем половцы. Формально он просуществовал до конца царствования Алексея Комнина - 1188 г. К этому периоду относятся полуполюгендарные сведения об основании на левобережье дунайской дельты первых православных обителей. В последующие времена граница Византии не соприкасалась с районом дунайской дельты. Однако связи константинопольского патриархата с этими землями продолжались опосредованно, а сам он намного пережил Византийскую империю.

В X в. левобережье дунайской дельты составляло северо-восточную окраину первого Болгарского царства, и юрисдикция константинопольского патриархата распространилась на его земли. Греческий митрополит для Болгарии был назначен после ее крещения примерно в 870 г. (Успенский, 2002. С.468). Сведений о христианизации населения придунайского края этого периода, к которому относятся памятники балкано-дунайской культуры (в основном X ст.), нет, а немногие остатки захоронений свидетельствуют о языческом обряде - кремации. Возникает вопрос, когда же появилась православная церковь и ее институты в районе устья Дуная?

Если принять версию, согласно которой в районе низовьев Дуная продолжало существовать население, связанное с Болгарией, в XI и XII ст., то можно предположить, что появление православной

церкви возможно как раз в этот период и связано с болгарским патриархатом. Василий II Болгаробойца (976-1025) отменил патриаршество на болгарских землях, подчинив их автономной Охридской архиепископии, но затем оно было восстановлено. Во время правления царя Петра (1186 - 1197) болгарский патриархат, первоначально основанный в Преславе, был переведен в Доростолон (Дристру, Силистрию) на Дунае, но после взятия Цимисхием Доростола его понизили до архиепископа, а кафедру перевели в Софию и, позже, в Охрид (Дворкин, С. 618). Архиепископ назначался лично императором, но автокефалия была сохранена.

Второе Болгарское царство, образовавшееся в 1188 г., включало район дунайской дельты примерно до монгольского нашествия 1242 г. В период расцвета Болгарского царства при Иване Асене (1218 - 1241) болгарская церковь была признана независимым патриархатом, лишь номинально признающим главенство патриарха в Никее. Размер нового патриархата соответствовал границам царства и с 1235 г. включал в себя епархии, расположенные от нижнего Дуная до Македонии (Дворкин, 2003. С.628-629). После отвоевания Константинополя у латинян в 1261 г. главную роль вновь начал играть константинопольский патриархат.

Значение церкви и особенно монашества значительно возросло при крайне ортодоксальном императоре Андронике II (1282 - 1328). Монастыри возникали в самых отдаленных землях и переживали свой золотой век. В конце 1312 г. было осуществлено новое разделение Византии на епископства и внесены изменения в иерархию различных митрополичьих резиденций (Острогорский, 2002. С.449). Возникло «несоответствие между усилением и расширением сферы влияния византийской церкви и неумолимым уменьшением ее территории... Константинопольский патриархат продолжал быть центром всего православного мира, сохраняя в своем подчинении не только те митрополии, которые были расположены на прежних просторах Византийской империи в Малой Азии и на Балканском полуострове, а и те, которые были на Кавказе, в Руси и Литве... Именно церкви было суждено стать самым стойким элементом Византийской империи» (Дворкин, 2003. С.450).

К этому периоду относятся наиболее ранние из документов Константинопольской патриархии, в которых упоминается Килия. Из них следует, что Килия в 1318-1322 гг. входит в число владений па-

триархата и там есть священнослужители. Речь идет не о левобережном городе Килия, а о находившемся неподалеку замке на острове в дунайской дельте. По мнению Н. Йорги, замок здесь мог быть основан византийцами предположительно в XII в. (Jorga, 1899. С.23), хотя документальных подтверждений тому нет (Конвалова, 1991. С.40). В историческом контексте время основания замка вполне благоприятно с сер. XI до сер. XIII в., и версия Н. Йорги вполне реальна.

Византийское проникновение на левобережье Дуная в этот период подтверждается нумизматическими данными. Известны находки трех медных оболов Романа III 1028-1034 гг., Михаила IV 1034-1041 гг., Константина X 1059-1067 гг., крупный клад из более 200 биллоновых скифатных монет Алексея I 1081-1118 гг., шести монет Иоанна II 1118-1143 гг. и двух монет Мануила I 1143-1180 гг. (Археологические памятники, 1991. С.62).

В середине XIV ст. Килия служила пунктом генуэзской транзитной торговли, о чем свидетельствуют нотариальные акты Антонио ди Понцо 1360-1361 гг. Анализ документов выявил элементы городской структуры, в числе прочих в них упоминаются две ортодоксальных церкви (Паламарчук, 2000. С.143).

Сведения о связях Византийской империи с Килией сообщает Григорий Сфранзес. Византийский император Иоанн VIII Палеолог в 1424 г. покинул Европу (г. Буда, Венгрия), где пытался создать антитурецкий фронт, проезжал через *«Ликостомион, также называемый Килия»* (Diasou, 1996. P.242), откуда отправился по морю в Царьград. В 1427 г. он же отправил из Константинополя освобожденного из османского плена баварского солдата Иоганна Шильтбергера в Европу через *Gyli*, замок в устье Дуная (Шильтбергер, 1984. § 60). Из этих фактов следует, что Византия имела прямое отношение к Килии. На «известные права» византийского императора обратил внимание Н.Д. Руссев (Руссев, 1999. С.175), но более детально представить их пока трудно. Эти факты дают основание заключить, что замок, по-прежнему, принадлежал Византии.

Вторым населенным пунктом в низовьях Дуная, который имеет отношение к константинопольскому патриархату, является Вичина (идентифицируется с Исакей). Впервые о существовании митрополии константинопольского патриархата в Вичине упоминается в 1264 г. (Дворкин, 2003. С.664). Митрополия в Вичине была одна из

трех, образованных также в Унгровлахии и Русовлахии. В 1359 году по просьбе валашского господаря Николае Александру Басараба, писавшего Иоанну Палеологу V и патриарху Калликсту, она была перенесена отсюда в стольный валашский град Арджеш в предгорьях Карпат (Ciobanu, 1977. P.233), где тогда находилась резиденция валашских господарей. Епископ для Валахии был посвящен в Константинополе в 1359 г., а для Молдавии - в 1401 г. (Дворкин, 2003. С.654).

Молдавское воеводство, расширившее свои владения в XV ст. до берегов Дуная и Черного моря, таким образом, также относилось к митрополии Константинопольской патриархии. Однако можно предположить, что православная церковь в Белгороде на Днестре впервые появилась гораздо раньше. Сведений о домонгольском периоде по существу нет, хотя в литературе XIX ст. были высказаны предположения о постройке византийского замка в Белгороде в IX - XI ст., но подтверждений этому пока не найдено.

В историческом контексте появление православной церкви в Белгороде связано с жизнью полиэтничного города в монгольский период с конца XIII по XIV в., когда здесь известно греческое население, вероятно, также болгарское, валашское, восточнославянское и пр. Побережье района низовий Дуная и Днестра после гибели Ногай с 1300 г. ненадолго перешло во владения второго Болгарского царства, и Белгород, наряду с другими приморскими населенными пунктами, находился под властью Теодора Светослава Тертера (1300-1321). Это как раз время правления Андроника II, его «церковная» эпоха. Возвращение города под власть собственно монгольских правителей не прервало православную традицию, что подтверждает «Житие Иоанна Нового», описанные события которого относятся к 40-м гг. XIV в.

Белгородская или Аккерманская епархия также относилась к Константинопольскому патриархату. Две епископских кафедры известны в XV ст. в молдавском Белгороде на Днестре. Таким образом, район Килии, а затем и Белгорода, входил в диоцез византийской патриархии. К этому же диоцезу также относился деспотат Добротича в Добрудже, и с 1393 г. - утратившая самостоятельность болгарская церковь (Османская империя, 1984. С.53).

Подводя итог, отметим, что с XI века, с перерывами, а с XIV века - непрерывно, православное население края находилось под руководством Константинопольского патриархата, включая весь последующий османский период.

Литература:

Археологические памятники Одесской области. Справочник. Сост. А.В. Гудкова, С.Б. Охотников и др. Одесса, 1991.

Дворкин А. Очерки по истории вселенской православной церкви. Нижний Новгород, 2003.

Конвалова И.Г. Арабские источники XII - XIV вв. по истории Карпато-Дунайских земель // Древние государства на территории СССР за 1990 г. М. 1991. С. 5-115.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV - XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.

Острогорський Г. Історія Візантії. Пер. з нім. Львів, 2002.

Паламарчук С.В. Середньовічна Кілія: політичні реалії та міська інфраструктура // ЗІФ ОНУ. Вип. 10. Одеса, 2000. С.142-147.

Руссев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII - XIV вв. Кишинев, 1999.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. М., 2002.

Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Пер. со старонемецкого Ф.К. Бруна. Баку, 1984.

Ciobanu R.Ş. Evolutia, rolul şi însemnătatea mitropoliei din Vicina // Peuce VI. Studii şi comunicări de istorie şi arheologie. Tulcea, 1977. P.233-242.

Diaconu P. «Kilia et Licostomo», un faux problème de géographie historique // Il Mar Nero. Annali di archeologia e storia II 1995/96. - Edizioni Quasar di Severino/ - Tognon s. r. l., Roma; Editions de la Maison des sciences de l'homme, Paris, 1996. P.235-263.

Jorga N. Studii istorice asupra Chiliei şi Cetaţii Albe. Bucureşti, 1899.

Прохненко И.А. (Ужгород)

ПУТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВЕНГРОВ НА ТЕРРИТОРИЮ НОВОЙ ОТЧИЗНЫ

В Карпато - Дунайском ареале известны сотни памятников X в. н.э., среди которых выделяется группа венгерских древностей (городища, поселения, могильники, отдельные захоронения, клады). Благодаря их широкомасштабным исследованиям значительно расширилась база данных для освещения многих аспектов социально - экономического и культурно - политического развития

венгров в предгосударственный период. Одними из наиболее дискуссионных остаются вопросы о времени, путях и характере продвижения племён с земель прародины на территорию новой отчизны, решение которых усложнено неоднозначностью и обрывочностью сведений о переселении угров в венгерских, византийских, арабских и славянских письменных источниках. Также проблематично сопоставление нарративных данных с археологическими материалами. В первую очередь это касается объединений предгосударственного типа (Леведия, Ателькуза), организованных в процессе продвижения венгров в степях Северного и Северо - Западного Причерноморья.

Не останавливаясь на анализе концепций происхождения угров, которым в научной литературе уделено достаточно внимания (История..., 1971. С.87-94, 531-583; Алешкевич, 1998. С.197; Балагурі, 2000. С.219-221 и др.), рассмотрим этапы их передвижения с территории формирования на земли Карпато - Дунайского ареала.

Венгры со своей прародины в районе рр. Иртыша - Ишима - Тобола перекочевали в междуречье верховьев рр. Урала - Камы (Халикова, 1975. С.37-42; Седов, 1987. С.238-239), где в VI в. н.э. сформировали союз из местных венгерских и пришлых тюркоязычных племён под названием Magna Hungaria (Котигорошко, 2003. С.116). Отсюда, уже в начале следующего столетия часть населения продвигается на запад. Это событие косвенно отражено у Нестора, использовавшего этноним «угры» (ПВЛ, С.6) для обозначения одного из народов хазарского кагана - союзника императора Ираклия в войне 628 - 629 гг. с правителем Ирана Хоздроя.

Вторая, основная волна венгров, перемещается из-за Волги на рубеже VIII - IX вв. н.э. (Балагурі, Алешкевич, 2002. С.148). Продвигаясь по территории Хазарского каганата, в Верхнем Подонье (около 830 г.) они создают союз из семи племён под названием Hetumoger (Коротка..., 1997. С.12). На 839 г. угры выходят к Днепру и берут под контроль южные торговые пути (Грот, 1881. С.244). Однако, под ударами печенегов венгры вынуждены принять протекторат Хазарии, временно приостановить продвижение на запад и создать собственную «страну» - Леведию в причерноморских степях между Доном и Днепром (Багрянородный, 38). В качестве хазарских федератов венгры провели ряд совместных походов на города Крымского полуострова, в первую очередь - южного побережья.

Исходя из информации Константина «Философа», встретившего данных кочевников в 60-х гг. IX в. возле Херсонеса, исследователи подчёркивают выборочность объектов нападения хазар и угров: хазары грабили греческие города, венгры опустошали не очень богатые околицы (Балагурі, Алешкевич, 2002. С.148). Именно в этом факторе (недостаток добычи) учёные видят причины независимых от хазар походов угров в западном направлении. Тем не менее, это были лишь эпизодические проникновения венгров на Дунай, где они нанимались на службу к болгарам и византийцам. Одновременно объектом нападения угров стали и земли восточных славян, прилегающие к региону Северного Причерноморья. Информация о походах на север исходит из восточных источников (ал-Гардизи, Ибн-Русте, ал-Марвази, Шукрулла, Катиба, Хаджи Халиф, Худуд ал-алам), упоминающих захват уграми населения и торговлю славянскими рабами (Алешкевич, 2000. С.57-62), которых поставляли на невольничьи рынки Крыма и Ближнего Востока (Алешкевич, 2003. С.187). Сложившаяся ситуация противоречила интересам Хазарии, для которой восточные славяне выступали данниками (ПВЛ, С.10-11). Возможно, именно поэтому хазары не приложили особых усилий для защиты своих федератов от нападений на них со стороны печенегов, что стало одной из причин продвижения части венгров с Леведии на запад и образования новой страны - Ателькузы (Етелькузы) в степных районах Северо - Западного Причерноморья (Багрянородный, 38-39). Отсюда, начиная с 60-х гг. IX в. н.э., их отряды время от времени по Дунайскому коридору проникали в Карпатскую котловину, где осуществляли и самостоятельные военные операции, и выступали союзниками то франков, то мораван (История..., 1971. С.94).

В 895 г. венгерское войско Ателькузы в союзе с Византией вступило в войну против Болгарии. Для нейтрализации угров болгарский князь Симеон (893 - 927 гг.) обратился за помощью к их старым врагам - печенегам, которые нанесли удар по беззащитной Ателькузе и уничтожили стойбища венгров (Багрянородный, 40). Скорее всего, погром в Ателькузе произошёл в конце 895 или в начале 896 года, так как именно в это время венгры массово отошли с театра военных действий, что позволило болгарам нанести поражение Империи под Болгарофигой в 896 году (Златарски, 1972. С.30). Пеняк С.И. и Пеняк П.С. (1998. С.40) связывают разгром

Ателькузы с половцами, что не только противоречит письменным источникам, но и было невозможным, учитывая более позднее появление этих кочевников в упомянутом регионе, чем конец IX в. Про реальные масштабы погрома в Ателькузе ничего не известно и отдельные исследователи вообще ставят под сомнение достоверность факта полного уничтожения беззащитного гражданского населения (Алешкевич, 2001. С.225). Исходят они из того, что сведения о событиях в Ателькузе Константин Багрянородный получил от венгерских посланцев и, вероятно, речь шла не о реальном факте, а объясняла в источниках причины переселения венгров с Северо - Западного Причерноморья (Шушарин, 1997. С.225). Как бы там ни было, в ходе войны византийско - венгерская коалиция распалась, а венгры были вынуждены оставить Ателькузу и направиться на запад, на хорошо известные им по походам 60 - 70-х гг. земли (История..., 1971. С.94). Несмотря на попытки Империи держать венгров в форватере своей внешнеполитической доктрины, действия венгерских отрядов в следующее столетие диктовались исключительно экономическими мотивами. На одних этапах они совпадали с планами Византии, а на других - угрожали её собственной безопасности (Алешкевич, 2001. С.226-231).

Неоднозначность и обрывочность сведений письменных источников предполагает необходимость максимального использования археологических данных в решении поставленных вопросов о путях продвижения венгров на земли новой отчизны. Угры чётко фиксируются на территории Венгрии, Румынии, Словакии и Западной Украины, а в восточной части Европы их выделение из массы синхронных древностей кочевников проблематично (История..., 1971. С.92). Картографирование археологических памятников (A honfoglalalo..., 1996. old.438) показывает, что переселение венгров в Карпатб - Дунайский ареал проходило двумя основными путями: по Дунайскому коридору и через карпатские перевалы. Нестор (ПВЛ, С.14) также свидетельствует о наличии двух групп венгров, продвигавшихся на земли «новой Родины». Летописец выделяет «белых угров», унаследовавших славянскую землю на Дунае, и «чёрных угров», прошедших возле Киева. Маловероятным представляется предположение исследователей (Балагурі, 1993. С.3-17; Балагурі, Алешкевич, 2002. С.148-149) о движении части племён Ателькузы, хорошо осведомлённых о географии Восточной Ев-

ропы, в направлении Киева с целью повернуть на запад. Более вероятным представляется выход белых угров с Ателькузы, а чёрных с востока - Леведии (Седов, 1987. С.236) (рис.1), что совпадает со свидетельством летописца (ПВЛ, С.21, 217). «Шли угры мимо Киева горой, которая прозывается сейчас Угорской, и пришли к Днепру и стали вежами: ходили они так же, как сейчас половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими, и стали воевать против живших там волохов и славян» (ПВЛ, С.21).

О характере прохождения венгров через восточнославянские земли существуют два основных мнения. Суть первого сводится к тому, что в конце IX в. имела место война венгров с Киевом, в результате которой великий князь Олег был побеждён Алмошем и другими венгерскими вождями. Это предположение, основанное на свидетельстве Анонима (*Gesta hungarorum*, 8-10) о «покорении» венграми Киева, выдвинутое венгерской историографией XIX - начала XX в., и поддержанное в работах зарубежных историков XX в., реанимировано отдельными современными украинскими исследователями (Федака, 2004. С.17).

Отметим, что описание анонимным нотарием короля Бейлы III «победной битвы» лишено деталей при довольно подробном представлении статистики мирного соглашения (*Gesta hungarorum*, 8-10). Невероятно, чтобы такое значительное событие - битва под Киевом не была отражена в других источниках, оставшись без внимания, в частности, Нестора и Порфиrogenета. Поэтому, скорее всего, битвы не было вообще и более аргументирована мысль отечественных историков второй половины XX - начала XXI вв. (История..., 1971. С.96; Котигорошко, 2006), которыми установлено, что значительная часть свидетельств Анонима, в том числе и о покорении Киева - плод его литературной выдумки, определённой политическим заказом произведения (История..., 1971. С.96, 282). После анализа письменных источников о прохождении венгерского союза племён через территорию Древнерусского государства, использованных Анонимом, который в ряде случаев изменил или дополнил их, исследователи высказали мысль о мирном проходе венгров через восточнославянские земли на основе соглашения вождей с киевским князем. Не исключено, что по договорённости с Олегом угров не только пропустили через киевские земли, но и да-

ли проводников. Иметь возле себя воинственную орду князю не было смысла, хватало хазаров и печенегов (Котигорошко, 2006). Также, надо учитывать и тот факт, что венгры в своё время выступали федератами Хазарского каганата, которому Русь платила дань. Как показали дальнейшие события, на протяжении X - XI вв. сохранились дружественные отношения между киевским двором и венграми (Пашуто, 1966. С.345-351). Это подтверждается участием венгров в походах русичей на Византию, в частности, в 967 - 971 гг. вместе с князем Святославом в войне с Болгарией и Византией (Диакон, VI, 12) и венгро - русскими княжескими браками (Балагурі, Алешкевич, 2002. С.149).

Движение венгров на запад, а именно перекочевья через территорию Прикарпатья, представлены нотарием Бейлы III следующим образом. Вождь Алмош подошёл к городам Лодомерии и Галичу, князья которых заключили с венграми мирные соглашения (*Gesta hungarorum*, 11-12). Как видим, и здесь Анонима не покинула литературная выдумка, так как на время прохождения венгров упомянутые в пассажах Галицкое и Владимир - Волынское княжества вообще не существовали, соответственно, сомнительны и все описанные события. Но маршрут, начерченный Анонимом, подтверждается археологическими источниками. Путь венгерской орды после прохождения мимо Киева к Карпатам фиксируется по единичным и группам погребений (Крылос, Судова Вишня, Львов) (А honfoglalás..., 1996. old.438). Направление движения венгров через Прикарпатье от Галича через Калуж и Болохов в долину р.Онир, а оттуда к Верецкому перевалу определено ещё Я. Пастернаком (Pasternak, 1937. old.140) и подтверждено более поздними материалами.

Несколько в стороне от этого маршрута находится группа погребений Перемышля (10 могил), которую польские исследователи датируют X в., объясняя её появление вторжением венгров с Карпатской котловины (Koperski, 1979. S.4; Kunysz, 1981. S.72). Перемышлянский материал и направление продвижения угров свидетельствуют, что, скорее всего, это переселение указывает на маршрут части кочевников, отколовшейся от основной массы перед преодолением ими перевала. На это указывает и обнаруженный в Перемышле клад, состоящий из около 700 арабских дирхемов (Kunysz, 1981. S.65-66).

Похожая ситуация и с интерпретацией венгерских памятников в Серето - Прутском (Пробота, Грозешть) и Пруто - Днестровском (Фрумушика) междуречьях. Вероятно, они отражают движение части населения Ателькузы на север, а, возможно, и перекочевья части чёрных угров на юг. Не исключено, что кроме основных путей переселения венгров в Карпато - Дунайский ареал, могли существовать и другие маршруты, которыми продвигалось сравнительно незначительное количество населения, но без накопления дополнительных археологических данных эти вопросы, в частности, о проникновении угров через Восточные Карпаты на территорию современной Румынии, остаются открытыми.

Основная масса «чёрных угров» в конце IX в. преодолела Карпаты, пройдя Верецкий перевал. Венгерские исследователи считают, что угры уже с 862 г. поселились в северо - западной части Верхнего Потисья и контролировали путь через перевал (Фодор, 1992. С.138; A honfoglaló..., 1996. old.438). По их мнению об этом свидетельствуют наиболее ранние древневенгерские памятники Закарпатья (Пидполоззя, Свалява, Берегово и другие). Считаю предложенную аргументацию недостаточной. Для походов венгров Ателькузы в 60-х гг. IX в. использовался Дунайский коридор и нет ни одного свидетельства об их прохождении в это время через территорию Верхнего Потисья. Письменные источники, относительность применённого И. Фодором понятия «архаичные памятники», отсутствие жёсткой хронологии венгерских древностей периода проникновения - всё это в комплексе на данный момент не позволяет фиксировать появление угров в районе Верецкого перевала раньше 898 г.

Также нельзя утверждать, что венгры контролировали перевал после проникновения в Верхнее Потисье. К тому времени ещё не завершился поиск новой пригодной для кочевьев территории. Также, учитывая мирное прохождение славянскими землями восточнее от Карпат, угроза венграм с этой стороны не исходила и, соответственно, не было смысла в конце IX в. закрепляться в горах, а предположение о контроле перевалов должно подкрепляться данными конкретных памятников.

Численность проникших в Карпато - Дунайский ареал угров И. Эрдели (1972. С.142) определил в рамках до 500 тысяч. Г. Дворак (Dvofák, 1975. S.287), исходя из 20000 воинов - всадников, упомя-

нутых в письменных источниках (Ибн-Русте, ал-Гардизи), считает, что общее количество переселенцев составляло около 100000 человек.

Поднимая вопрос о характере миграции в Карпатский бассейн, исследователи отмечают полиэтничность венгров. Семь венгерских, точнее восемь с каварами, племён (Багрянородный, 38-39), ворвавшихся в Карпато - Дунайский бассейн, состояли из разных этнических элементов (кавары, аланы, печенеги).

Картографирование погребальных памятников позволяет наметить направления передвижения пришлых племён после преодоления ими Верецкого перевала. Сначала венгры попали в долину р. Латорицы, по которой прошли на юг. В нижнем течение реки венгры разделились, основная часть отправилась далее на юг, в Тисо - Дунайское междуречье, остальные — на запад и восток.

О движении основной массы переселенцев на юг свидетельствует концентрация древневенгерских могильников, отдельных погребений и единичных находок X - XI вв. в «колоне» Тисы (Саболч - Сатмарская область Венгрии). Картографирование показало, что основная их масса группируется вдоль левобережья (A honfoglaló..., 1996. old.478; Istvanovits, 2003. 737 old.; Hungarian..., 2003. P.320).

Продвижение на запад фиксируется по грунтовым погребениям в целом ряде пунктов, в том числе на территории Восточной Словакии: Стреде над Бодрогом, Вече, Добре и уникальном курганном захоронении вождя в Земплине. Датируется погребение концом IX - началом X в. н.э., при этом исследователи не исключают, что это захоронение вождя Алмоша (Dvofák, 1975. S.284-285, 290-291; Budinsky - Krička, 1965. S.309-338; László, 1979. S.477-485).

Перекочевья группы венгров в восточном направлении определяются погребениями в Берегове (A honfoglaló..., 1996. old.130-135), Оросиеве (Балог 1990. С.65), могильником в Чоме (Балагури, Фодор, 1998. С.166-196), кладом куфических монет начала X в. (400 экз.) возле г.Хуста (Кропоткин, 1972. С.201) и погребениями в районе Сигет - Мармацей (A honfoglaló..., 1996. old.478).

Пути продвижения древних венгров в Верхнее Потисье подтверждены археологическим материалом. Это позволяет говорить о их целенаправленном движении с территорий нижнего колена р. Латорицы на восток, то есть заселение Закарпатья.

Исходя из современных данных бесспорен постепенный переход венгров на протяжении X в. н.э. от полукошевого к оселому образу жизни, о чём свидетельствует образование стационарных поселений и закладка больших могильников (от 50 до 200 погребений) (Hungarian..., 2003. P.326; Котигорошко, 2003. С.119). Смена формы хозяйства во многом определялась тесной связью с коренным населением, от которого венгры переняли технику возделывания земли и керамическое производство.

Банк археологических и письменных данных позволяет выделить два основных пути продвижения древних венгров в Карпатский ареал: из Леведии мимо Киева через Верецкий перевал (чёрные угры) и из Леведии в Ателькузу, дальше через Дунайский коридор (белые угры) (рис. 1). Разделение населения на «белых» и «чёрных» традиционно для Востока, где оно несло социальную и антропологическую нагрузку. Как правило, белыми называли родовую верхушку. Необходимо признать более интенсивный процесс выделения новой племенной аристократии у «чёрных» угров, сформировавших управленческий аппарат после слияния племён на землях новой отчизны.

Литература:

Алешкевич Я.А. Перші контакти угорців із слов'янським світом // Carpatica - Карпатика. Старожитності Верхнього Потисся та суміжних регіонів. Ужгород, 1998.

Алешкевич Я.А. Східні джерела про стародавніх угорців // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія». Ужгород, 2000. Вип.5.

Алешкевич Я.А. Угорці Середнього Подунав'я у повідомленнях Костянтина Багрянородного та зовнішньополітичних планах Візантійської імперії X ст. // Carpatica - Карпатика. Давня історія України і суміжних регіонів. Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Едуарда Альбертовича Балагури. Ужгород, 2001. Вип.13.

Алешкевич Я.А. Ранньосередньовічні арабські, візантійські та слов'янські письмові джерела про угорців // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія». Ужгород, 2003. Вип.9.

Багрянородный Константин. Об управлении империей. М., 1991.

Балагури Е.А. Ужгород в давнину. Нові знахідки і відкриття // Історія Ужгорода. Ужгород, 1993.

Балагури Е.А. Старожитності Верхнього Потисся періоду «віднайдення угорцями Батьківщини» (нові аспекти і концепції) // Давня і середньовічна

історія України (на пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя). Кам'янець - Подільський, 2000.

Балагури Е.А., Алешкевич Я.А. Політичні контакти між угорцями та слов'янами Східної і Центральної Європи в IX - X століттях // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2002. Вип.8.

Балагури Э.А., Фодор И. Раскопки могильника периода приобретения венграми новой отчизны в с. Чома Береговского района Закарпатской области // Carpatica - Карпатика. Ужгород, 1998. Вип.5.

Балог И.А. Т.Легоцкий - первооткрыватель венгерских древностей в Верхнем Потисье // Тези народознавчої науково - практичної конференції. Мукачево, 1990.

Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб, 1881.

Диакон Лев. История / Пер. М.М.Копыленко. М., 1988.

Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове. В 3-х томах. София, 1972. Т.1.

История Венгрии. М., 1971. Т.1.

Котигорошко В.Г. Верхне Потисся в контексті стародавньої історії Карпато - Дунайського ареалу. Навчальний посібник. Ужгород, 2003.

Котигорошко В.Г. Верхне Потисся в давнину. Ужгород, 2006 (в печати).

Коротка історія Угорщини. Ніредьгаза, 1997.

Кропоткин В.В. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Москаленко А.А. Славяно - венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Пашуто В.Т. Древняя Русь и Венгрия // Славяне и Русь. М., 1966.

Пеняк С.І., Пеняк П.С. Історія Закарпаття з найдавніших часів до приходу угорців в Карпатську улоговину. Навчальний посібник з краєзнавства. Ужгород, 1998.

Повесть временных лет. Москва-Ленинград, 1950. Т.1.

Седов В.В. Венгры в Восточной Европе // Финно - угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Федака С.Д. Київська Русь - найбільша імперія середньовічної Європи // Carpatica - Карпатика. Історична школа професора Володимира Задорожного. Ужгород, 2004. Вип.30.

Фодор И. Вопросы изучения древневенгерских памятников Закарпатья // АН. 1990, I-ий рік видання. Ужгород, 1992. 1.

Халикова Е.А. Magna Hungaria // ВДИ. 1975. №7.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории Венгрии. Проблемы этнического самосознания. М., 1997.

Эрдели И. Археологическая культура древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

- A honfoglaló Magyarorság. Budapest, 1996.
- Budinský - Krňáka V. Staromádarský náčelnický hrob zo Zemplína // AR. 1965. XVII. 3.
- Dvořák P. Odkryté dejiny. Bratislava, 1975.
- Gesta hungarorum. Літопис Анонімуса про діяння угорців під час пошуків і віднайдення Батьківщини / пер. з лат. та угор. К.Найпавера. Ужгород, 2005.
- Hungarian archeology at the turn of the millenium. Budapest, 2003.
- Istvánovits E. A rétköz honfoglalás és Árpád-kori emfekanyaga. Nyiregyháza, 2003.
- Koperski A. Cmentarzysko «staromadziarskie» w Przemyślu (komentarz do wystawy). Przemyśl, 1979.
- Kunysz A. Przemyśl w pradziejach i wczesnym średniowieczu. Przemyśl, 1981.
- László Gy. Über das landnahmezeitliche Häuptlingsgrab von Zemplin // Rapports du IIe Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava, 1979. 1.
- Pasternak J. A Kryłosi (Galicia) magayr leletek // AH. 1937. Vol.21. 193 old.

Рабинович Р.А. (Кишинев)

О БЕССАРАБСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО ПЕРЕСЕЧЕНА

В дискуссиях по поводу локализации упоминаемого древнейшей русской летописью «Повестью временных лет» (далее ПВЛ) племени уличей важное место занимает вопрос о том, где находился город уличей Пересечен, который в 940 г. взял воевода киевского князя Игоря Свенельд. Приведем это летописное сообщение по Новгородской I летописи: «Игорь же сядяше в Киеве княжа, и воюя на Древяны и на Угличи. И бе у него воевода, именемъ Свенделдъ; и примучи Угличе, възложи на ня дань, и вдасть Свеньделду. И не вдадашется единъ град, именемъ Пересечень; и седе около его три лета, и едва взя. И беша сядяще Углице по Днепру възнизъ, и посемь приидоша межи Бъгъ и Днестръ, и седоша тамо... «В се лето яшася Уличи по дань Игорю, и Пересечень взят бысть. В се же лето дасть дань на них Свенделду.» (НПЛ, 1950. С.109-110).

В историографии наиболее популярны две версии локализации Пересечена - на Днепре и отождествление с указанным Н.Надеж-

дыным одноименным топонимом в Молдове - населенным пунктом в 26 км к северу от Кишинева. В послевоенное время число сторонников бессарабской версии размещения Пересечена резко уменьшилось, а современная историография рассматривает ее уже исключительно как историографический факт (историография вопроса - Рабинович, 2005). Такая ситуация возникла в начале 50-х гг. после выхода статьи «Уличи» Б.А. Рыбакова и цикла работ Г.Б. Федорова, в которых отводились, вопреки данным летописей, раздельные места проживания для уличей и тиверцев.

Последним аргументом, который должен был «похоронить» бессарабскую версию размещения Пересечена уже навсегда, выступило археологическое изучение данной местности. В 1950 г. Г.Б. Федоров провел археологические разведки в районе молдавского села Пересечена и не обнаружил следов городища (остатков фортификационных сооружений). Правда, нашел рядом с селом остатки селища IX-XI вв. (Федоров, Чеботаренко, 1974. С.69; Федоров, 1974. С.11). На том основании, что не найдено вблизи современного населенного пункта Пересечен следов искусственных укреплений, был сделан вывод, что «молдавский» Пересечен и летописный не тождественны (Федоров, 1974. С.10-11).

Но так ли это было или могло быть в действительности? Попробуем привести аргументы в пользу бессарабской локализации Пересечена:

1) Поскольку большинство летописей во вводных частях ПВЛ в качестве места жительства отводят уличам Днестр и все летописи отводят им расселение «до Дуная», что в любом случае указывает на Дунайско-Днестровскую область, поверим им, что эти сообщения соответствуют действительности. Тогда логично предположение, что один из городов уличей - Пересечен - мог находиться в Днестро-Дунайской области.

2) Одна из распространенных в летописях этимологизаций названия уличей - «угличи» возникла в связи с реально существовавшим географическим названием «угол». Из всех известных «углов» этому условию отвечал только «бессарабский угол» - Буджак («Он-гос» византийских источников). В летописях, представляющих эпизод 940 г., при его описании используется исключительно эта форма названия племени - «угличи», что не может не наводить на мысль, что речь в упоминаемом фрагменте идет о населении, про-

живающем в Днестро-Дунайской области. Следовательно, и иско-
мый Пересечен должен был находиться в этом же регионе. Нали-
чие здесь одноименного топонима ставит вопрос об их возможной
идентификации.

Аргументом в пользу того, что угличами назывались улицы «бес-
сарабские» и что именно здесь находился Пересечен, осаждаемый
Свенельдом, является любопытное исправление в Новгородской
летописи, которая как раз то и приводит наиболее полные данные
об этих событиях. В сюжете об осаде Пересечена и переселении
улицей с Днепра название «угличи» фигурирует три раза. Первые
два связаны с борьбой улицей со Свенельдом, третий сообщает о
переселении улицей с Днепра. Именно в третьем случае в рукопи-
си буква «г» в слове «угличи» была поскоблена (НПЛ, 1950. С.109).
Такое исправление говорит в пользу того, что с Днепра переселя-
лось племя, известное переписчику под именем «уличи» (не имею-
щее прямого отношения к взятию Пересечена), а с эпизодом борь-
бы связано племя под именем «угличи». Если предположить, что
переписчик вообще считал имя «угличи» неправильным, а имя
«уличи» правильным безотносительно к тому, где они находились,
то странно выглядело бы его исправление только в третьем по сче-
ту случае.

3) Согласно летописи Пересечен осаждался целых три года -
случай небывалый в истории Древней Руси, свидетельствующий в
пользу мнения о его отдаленности от Киева. Это не может служить
доказательством того, что Пересечен находился за Днестром, но
подобное местоположение удовлетворительнее объясняет дли-
тельность осады, чем более близкое к Киеву.

4) Географическая номенклатура, связанная с именем «уличи»,
и, что важно, с именем «Пересечен», распространена в Днестро-
Дунайской области и на левобережье нижнего Дуная (Барсов,
1885. С.99).

5) Данные археологии. Отсутствие следов фортификационных
сооружений в районе современного молдавского Пересечена -
именно этот аргумент в современной литературе об улицах являет-
ся одним из основных. Видимо забывается, что «молчание источ-
ников» не может являться доказательством («Argumentum ex silen-
tio non est argumentum»). Отсутствие следов укреплений в районе
современного села Пересечена, вернее, тот факт, что они не обна-

ружены, не может служить доказательством утверждения, что ле-
тописный Пересечен здесь никогда не находился.

В настоящее время село Пересечено - одно из самых больших в
Молдове. Под современными жилыми и хозяйственными построй-
ками оказалась огромная территория. Археологические раскопки
на ней невозможны и бесперспективны, так как культурный слой и
сооружения разрушены многолетним строительством. Но Г.Б. Фе-
доровым все же найдены следы неукрепленного поселения, куль-
турный слой которого был им датирован IX-XI вв. Практика по-
казывает, что древнерусские поселения в Днестровско-Прутском
междуречье не встречаются поодиночке, а расположены обяза-
тельно кучно, гнездами, как правило, вокруг городищ, иногда
вплотную примыкая к ним и образуя посадки. Возможно, Г.Б. Феде-
ровым и открыто одно из таких селищ, примыкавших к летописно-
му Пересечену. В любом случае, можно констатировать, что возле
(а возможно и на месте) современного молдавского Пересечена в
указанный летописью период существовало поселение, и это мож-
но считать доказанным.

Попытку обнаружить следы искусственных укреплений в районе
современного Пересечена предпринял еще Н. Надеждин. Он полу-
чил сведения от А.Ф. Вельтмана, производившего геодезическую
съемку в этих районах Бессарабии, что «в окрестностях Пересече-
ны находится «городок» или остаток древней насыпи, доселе еще
приметный» (Надеждин, 1844. С.255). Когда Н. Надеждину удалось
побывать в районе Пересечена, ему «никто не мог сообщить сведе-
ний об этом «городке», но, - как заметил исследователь, место ук-
реплено самой природой, находясь под защитой гор и лесов.
Впрочем, укрепления на протяжении столетий веков могли изгла-
диться» (Надеждин, 1844. С.255).

В этом можно конечно согласиться с исследователем. Но только
ли под воздействием времени и хозяйственной деятельности «из-
гладились укрепления». Пересечен был сильно укрепленной с
большими оборонительными возможностями твердыней. Све-
нельд, потратив на его осаду целых три года, «едва взял» его. Мож-
но быть уверенным, что после этого он сделал все возможное, что-
бы исключить на будущее возможность нового, столь же упорного
сопротивления города, находящегося так далеко от Киева. Вполне
вероятно, что Свенельд после взятия города приказал разрушить

его укрепления. Возможно, следы разрушенных укреплений древнего города и видел А.Ф. Вельтман. Вот почему, археологические разведки обнаруживают следы жизни летописного времени на этом месте, но находка остатков фортификаций остается пока по-прежнему недостижимой мечтой.

6) Очень важным представляется вопрос, когда возник на территории Бессарабии топоним Пересечен. Первые упоминания Пересечена содержатся в молдавских господарских грамотах первой половины XV в. Н.Надеждин первым обратил внимание на текст дарственной грамоты воевод Ильи и его брата Стефана от 4 мая 1436 (6944) г., правда, ошибочно датировав ее 1396 (6904) г., в которой упоминается место Пересечено как «пустопорожнее место» (Надеждин, 1844. С.243).

В грамоте говорится о том, что «истинного слугу и боярина верного, пана Думу Уранию» воеводы за верную службу их отцу и им «миловали особливою милостию и дали есмы ему, у нашей земли, места от пустыни <...> по той стороне Иткиля, на имя Кобылка, от верха до устья, и Безинова, от верха до устья, и Саболка, и Телешева, от верха до устья, и Пересечена, от верха до устья, колко села мог имут себе осадити, да осадят. <...> И хотар да им будет како села будут на там места что бы могли оживить досей» (DRH.A.Moldova, 1975. Vol.I, № 149, p.204).

Из анализа текста грамоты ясно: название «Пересечено» первоначально имел не населенный пункт, а речка и ее долина, эта местность носила название «Пересечено» до того, как она была подарена «верному слуге». Оно - не восточнороманского происхождения, как это пытаются доказать некоторые молдавские исследователи (Dron, 1999), а, безусловно, славянского (Еремия, 1990. С.41-42). А.И. Еремия в качестве дополнительных доказательств славянского происхождения названия современного молдавского села Пересечена приводит многочисленные микротопонимы славянского происхождения в этом населенном пункте (Еремия, 1990. С.46-47). Упоминания Пересечена еще дважды в грамотах от 25 апреля 1420 г. и от 6 июня 1436 г. (DRH.A.Moldova, 1975. Vol.I, № 47, p.67; № 153, p.210) не противоречат, а лишь дополняют сведения первой из указанных грамот. Активное освоение восточнороманским населением полупустынных территорий Прутско-Днестровского междуречья происходило начиная с XIV в., а наиболее интенсивно при гос-

подаре Петре Мушате, когда собственно эта территория и вошла впервые в состав Молдавского княжества (Мохов, 1964. С.102-104). Название «Пересечено» носила эта местность в домолдавский период, значит ли это, что оно сохранилось здесь с X в., когда совершал Свенельд свое «примучивание»? Прямых доказательств нет, но косвенно свидетельствует археология. Обнаружены слои именно IX-XI вв., а не более позднего времени, которые можно было связать с населением региона в «галицко-золотоордынский» предмолдавский период. Это говорит в пользу того, что название «Пересечено», скорее всего, уже закрепилось за этой местностью в период, когда и осаждался Пересечен, а не позднее.

Итак, можно предполагать, что место в Днестровско-Прутском междуречье, названное Пересечено, в древнерусское время уже носило свое название. Другое дело, было ли поселение, располагавшееся здесь в то время, именно тем самым Пересеченом, который так упорно осаждал воевода Игоря. Мы можем говорить об этом только предположительно. Таковы, на мой взгляд, аргументы в пользу того, что идентификация «бессарабского» Пересечена с летописным, сделанная в свое время Н. Надеждиным, верна, по крайней мере, она не может быть бездоказательно отброшена современной наукой.

Литература:

- Барсов Н.П. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд.2. Варшава, 1885.
- Еремия А.И. Географические названия рассказывают. 2 изд. Кишинев, 1990.
- Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.
- Надеждин Н. О местоположении древнего города Пересечена, принадлежащего народу угличам. // Записки Одесского общества истории и древностей. т.1, Одесса, 1844. С.243-256.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред., предислов. А.Н.Насонова. М.-Л., 1950.
- Рабинович Р.А. Уличи и тиверцы в оценках историографии // Stratum plus, №5, 2003-2004 - в печати.
- Рыбаков Б.А. Уличи (Историко-географические заметки) // КСИИМК, 35, 1950. С.3-17.
- Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. Рукопись. 1974. Хранится в архиве ВАШ (Кишинев, Молдова).

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI - XIII вв.), АМН, вып.6, Кишинев, 1974.

Dron I. Peresecina (Reevaluări și contribuții istorico-etimologice) // Tyragetia, No 8, Chișinău, 1999. P.73-78.

Documenta Romaniae Historica. A.Moldova. Vol.I, București, 1975.

Редина Е.Ф. (Одесса)

АНТИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЮЖНОГО БУГА И ДНЕСТРА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И ПОПЫТКИ ИХ ЛОКАЛИЗАЦИИ.

История древнегреческих городов - колоний, раскинувшихся некогда по побережью Черного моря жемчужным ожерельем, является составной частью истории народов живших на территории Украины, со второй четверти первого тысячелетия до Р.Х.. Огромную роль в этом историческом развитии играло Северо-Западное Причерноморье. После основания первопоселенцами, около середины VII в. до Р.Х., колонии на острове Березань, а затем и Ольвии, греки на протяжении VI-V вв. до Р.Х. постепенно заселяют Нижнее Побужье и Нижнее Поднестровье. В конце VI - начале V вв. до Р.Х. начинается осваивание территорий указанного междуречья, в результате чего, возникают сельские поселения по берегам лиманов и в зонах береговой линии морского побережья. В связи с политической нестабильностью в регионе, развитие архаических поселений было прервано. Второй этап освоения междуречья относится к последней четверти V в. до Р.Х. На фоне крупных античных памятников, таких как Ольвия -Борисфен на западе и Никоний -Тира на востоке, значительный интерес вызывают памятники их хоры, включающие, как небольшие сельские поселения, так и укрепленные городища, игравшие значительную роль в исторических процессах и культурном развитии региона.

Береговая линия Черного моря между Днестром и Днепром в древности была изрезана богатыми рыбой и более спокойными, чем море, приморскими лиманами, имевшими удобные гавани и бухты. И хотя эта территория не нашла отражения в ранней античной литературной традиции, мы с большой долей вероятности,

учитывая специфику морских транспортных передвижений древнегреческих мореплавателей, можем говорить о том, что грекам было хорошо известно данное побережье.

К наиболее ранним, хотя и косвенным, применительно к рассматриваемому региону, географическим сведениям о Северо-Западном Причерноморье, относится труд Геродота, где он описывает крупные реки, протекающие по Скифии с запада на восток: Истр, Тирас, Гипанис и Борисфен. В числе эллинов, живущих к востоку от рассматриваемого региона на реке Гипанис, он называет ольвиополитов (IV,18), а к западу - эллинов, живущих возле устья Тираса «которые называют себя тиритами» (IV,51). Сведения Геродота относятся к середине, или началу второй половины V в. до Р.Х., поэтому, совершенно очевидно, что населенные пункты в междуречье Тираса и Борисфена не могли быть известны «отцу истории», поскольку в этот период они представляли собой небольшие поселки, расцвет которых пришелся на IV в. до Р.Х.. Основными письменными источниками, которые сохранили информацию о существовании греческих поселений на интересующей нас территории, являются произведения греко-римских авторов: Плиния, Мелы, Флавия Арриана и Анонимного автора «Перипла понта Евксинского». Некоторые из них отметили расположенные на побережье, к западу от Ольвии - Борисфена, населенные пункты: город Одесс, Скопелы, Гавань Истриан и Гавань Исиаков.

Гай Плиний Секунд (Pl.IV,82), ведущий повествование с запада на восток, помещает к западу от Тиры ассиаков и, что особенно важно, первым из дошедших до нас авторов называет гавань Ордес (Одесс): «За Истром находятся города Кремниски..., известная река Тира, давшая имя городу... Далее живут ассиаки, носящие то же название, что и река. За ними кребигги, река Рода, Саггаритский залив, Гавань Ордес».

Арриан (134 г. н.э.) при описании побережья, двигаясь с востока на запад, также отмечает населенные пункты расположенные к западу от Ольвии: «от Борисфена -шестьдесят стадиев до небольшого необитаемого и безымянного острова, а отсюда -восемьдесят до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей. За Одессом -гавань Истрианов, до нее пятьдесят стадиев; далее гавань Исиаков, до которой пятьдесят стадиев....» (Arr., PPE, 31).

Реку Аксиак, протекающую между каллипидами и ассиаками называет Помпоний Мела. Описывая побережье с востока на запад,

как и Арриан, он повествует: «Владения каллипидов омывает Гипанис ...Асиак, ближайший... течет между каллипидами и ассиаками, последний от истрийцев отделяет река Тира»(P.Mela,II,7)

Те же сведения, но с некоторыми дополнениями сообщает Анонимный автор перипла Черного моря: «От реки Борисфена до весьма маленького пустынного и безмянного острова 60 стадиев, 8 миль; от этого весьма маленького, пустынного и безмянного острова до Одесса 80 стадиев, 10 миль; от Одесса до местечка Скопелов 160 стадиев, 21 миля; от Скопелов до Гавани Истрианов 90 стадиев, 12 миль; от Гавани Истрианов до Гавани Иссиаков 90 стадиев, 12 миль.» (Анон.,PPE,87)

В представленных перед нами свидетельствах логично было бы видеть населенные пункты, которые существовали именно в то время, когда о них упоминают латинские авторы. Однако в междуречье Тираса и Аксиака крупных археологических памятников римского времени, не обнаружено. Что касается эллинистического периода, то на данной территории, мы имеем значительное число археологических памятников, которые могут претендовать на возвращение своего древнего имени. Является фактом, что географические сведения Мелы и Плиния, как и последующих римских авторов, были почерпнуты ими из произведений эллинистического времени. На компиляционное использование указанными авторами, более ранних источников, обращали внимание многие исследователи и в том числе П.О. Карышковский (Карышковский, Клейман, 1985. С.8). Эту практику мы можем наблюдать на примере работ Плиния, Анонимного автора, Арриана. Последний, в 134 г.н.э., будучи легатом императора Адриана в Каппадокии, и по его поручению, совершил плавание по Понту. В рамках своей должности он представлял государственный аппарат власти. Его поездка, вероятно готовилась заблаговременно, и для этого использовались уже существующие данные и морские карты. Особенно это касалось стратегически важных пунктов, удобных для стоянки кораблей, известных ранее греческим мореплавателям.

К вопросу географических привязок пунктов, отмеченных в трудах латинских авторов, обращалось значительное число исследователей (Редина, 2002. С.70) Среди перечисленных пунктов, особый интерес вызывало расположение Одесса. Связать современный город Одессу, с античным Одессом - было весьма заманчиво. Пападимитриу С.Д. отмечал, что древними авторами этот пункт называется по разному: Ορθησοζ - у Плиния (SC, II, 172.) и Птолемея (SC, I, 232) , или Ορθηδδζ у Арриана (SC, I, 225) и Анонимного автора Перипла (SC, I, 285). По их указанию он находился в 80 стади-

ях от острова Березань, около реки Аксиак, и имел гавань (portus - по Плинию) или просто бухту (ο'ρμoζ - по Арриану) (Пападимитриу, 1911. С.25-26). В данном контексте река Тилигул -Асиак (Аксиак), более всего подходила по описанию для размещения Одесса. Перед впадением в море река образовывала значительный по ширине лиман, который в рассматриваемое время, был намного полноводнее, что позволяло проходу в него греческих кораблей. Эта река, определенно, могла играть роль пограничной реки Ольвийского полиса на западе, поскольку по этой реке, как отмечают античные авторы, проходила граница между каллипидами и асиаками, народами, которые населяли эту область (Mela, II, 7; Plin., IV,82) во второй половине 1 тыс.до н.э. Именно на Тилигуле предлагал искать Одесс академик Г. Кёллер, здесь размещает его на своей карте В.В. Латышев, Э.А. Сымонович, М.В. Агбунов (Агбунов, 1987. С.58). Однако существовали и другие мнения. Раскопки последних лет Кошарского археологического комплекса, расположенного на правом берегу Тилигула, позволяют сократить число претендентов на место древнего Одессоса. Что касается локализации деревни Скопелы (Σχοπελοι), то она, по мнению С.Д. Пападимитриу, должна находиться между Дофиновкой и Чабанкой. Гавань Истриан (Ἰστρίαων λιμην) - на правом берегу Большого Куяльника, а гавань Исиаков (Ἰδίακων λιμην)-в окрестностях Люстдорфа (Пападимитриу, 1911. С.25-27). И.А. Стемпковский, исследовав поселение, расположенное в районе Приморского бульвара, счёл возможным назвать его Гаванью Истриан. П.В. Беккер, посвятивший, древним поселениям по берегам Чёрного моря, обстоятельное исследование, считал, что поселение, расположенное на территории Приморского бульвара следует отождествлять с Гаванью Исиаков, а Гавань Истриан следует искать в районе Куяльницкого лимана, связав ее с известным, на то время, памятником на Жеваховой горе (Беккер, 1853. С.151-209). Ф.К. Брун впоследствии согласился с мнением П.В. Беккера (Брун, 1865. С.72-97). Однако Э.Р. фон Штерн отверг оба высказывания и настаивал на том, что, на месте Жеваховой горы в древности располагался некий «складочный пункт», и что приписывать ему какое либо, из упомянутых древними авторами названий, всё же не стоит (Штерн, 1904. С.60-61).

В последнее время появился ряд работ, авторы которых сделали попытку локализации упомянутых населенных пунктов на основании новых археологических исследований. В.Н. Станко, останавливаясь на вопросе локализации древних поселений Одесского залива разместил гавань Исиаков на территории Приморского

бульвара, поддерживая мнение П.В. Беккера и Ф.К. Бруна, а гавань Истриан в Лузановке (Станко, 2002. С.27). Появившиеся в последнее время работы по Приморскому бульвару, привели авторов вначале к отождествлению этого памятника с Гаванью Истриан, затем была высказана мысль о существовании здесь второй Истрии, а в последнее время появилась и вовсе фантастическая идея, о существовании на этом месте города Борисфена (Добролюбский, 2004. С.167). Однако высказывания А.О. Добролюбского, о расположении крупного городского центра на месте Приморского бульвара, были подвергнуты серьезной критике со стороны С.Б. Буйского, который, проанализировав все известные источники, пришел к выводу, что существование в древности, античного города, на месте современного Приморского бульвара, в центре Одессы, не имеет под собой основания. А что касается единичных находок истрийских монет (?), то П.О. Карышковский, в свое время, отметил, что привязка нумизматических находок к отдельным этносам может быть «слишком рискованной» (Карышковский, Клейман, 1985. С.40). Учитывая сохранившиеся на сегодня древнегреческие памятники рассматриваемого побережья, и споры по поводу их локализации, нам представляется возможным поддержать мнение С.Б. Буйского о соотношении названий: гавань (бухта) в Одессе, гаваней Иссиаков и Истриан, не с конкретными населенными пунктами, а с локальными акваториями или бухтами (Буйских, 1999. С.37), носящими эти имена, но применить это только к римскому времени. Мы не исключаем возможности археологических подтверждений, что в определенное время, эти названия могли соответствовать конкретным поселенческим структурам. Сохранившись в античной письменной традиции, прежде всего в морских лоциях, в более позднее время, эти названия уже не были связаны с конкретными памятниками, но сохранили основные функции этого места: гавань, укрытие, защита. Археологически подтверждается существование небольших поселений римского времени в этих зонах, рядом с довольно крупными памятниками эллинистического времени. Например, на западном берегу Тилигула (предполагаемое место расположения древнего Одесоса), раскинулось греческое городище Кошары IY-Ш вв. до н.э. Римских слов на памятнике не отмечено, но они археологически зафиксированы на восточном берегу Тилигула. Относительно Куяльницкого

лимана (место локализации Гавани Истриан или Иссиаков) - мы имеем два памятника У-Ш вв. до н.э. - Лузановку и Жевахову гору. В верхних слоях обоих поселений отмечены находки римского времени. Недалеко от поселения Приморский бульвар, вдоль ручья, протекающего по улице Балковской, располагалось поселение первых веков н.э. Трудно судить об общей исторической картине развития данного региона в античный период, география которого сильно видоизменилась с течением времени, прежде всего из-за значительных природных разрушений береговой линии Черного моря, а также из-за строительства на месте античных памятников крупного урбанизированного города - Одессы. В результате этих причин многие памятники были утрачены или о них сохранилась весьма скудная информация. Исходя из этого, вопросы локализации сохранившихся в античной литературе названий с населенными пунктами между Днестром и Бугом, попрежнему остаются спорными и дискуссионными.

Литература:

- Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1987.
 Беккер П.В. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена // ЗООИД.-Одесса.-1853. Т. III.
 Брун Ф.К. Черноморье. Одесса. 1865. Ч.1.
 Буйских С.Б. Еще раз о так называемой «Одесской» Истрии // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1999.
 Добролюбский А.О., В поисках античной Одессы || Stratum. Кишинев, 1999. вып.3.
 Добролюбский А.О. Античная Одесса. Одесса, 2004
 Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985.
 Пападимитриу С.Д. Местонахождение древней Одессы // ЗООИД. Одесса, 1911. т. XXIX.
 Редіна Є.Ф. Античні пам'ятки узбережжя Одеської затоки і лиманів // Записки історичного факультета. Одеса, 2002. вип. 12.
 Станко В.Н. Наш край у давні часи // Історія Одеси. Одесса, 2002.
 Стемпковский И.А. Исследования о местоположении древнегреческих поселений на берегах Понта Эвксинского по случаю найденных в Одессе древностей. Санкт-Петербург, 1826.
 Штерн Э.Р. Археологические новинки // ЗООИД.-1904.-т. XXV.-Протокол 342 заседания.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ И МОЛДАВСКО-ПОЛЬСКИЕ СВЯЗИ КОНЦА XIV - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV ВВ.

Совокупность монет, найденных на исторически сложившейся государственной территории, вполне достоверно отражает синхронную ей действительность, как в экономической, так и в политической сферах жизни общества. Монеты, чеканившиеся в столице Молдавии от имени Петра I Мушата (1375-1391), Стефана I Мушата (1394-1399) и Александра I Доброго (1400-1432) обнаружены в 89 пунктах, В их числе места 50 коллективных сокрытий. Незнание состава ряда кладов препятствует выявлению точного количественного отношения между молдавскими и чужеземными монетами. Тем не менее, можно сказать, что тезаврированных монет Молдавии в десятки раз больше найденных порознь. Некоторые комплексы включают главным образом молдавские монеты. В других сокровищах с сотнями и даже тысячами монет они единичны (от 1 до 4 экз. в №№ 23, 27, 37, 54, 68, 71). Деньги Петра Мушата чаще попадают в кладов, а выпуски Александра Доброго - в виде единичных находок. Экземпляры Стефана I редки и обычно сопровождают монеты Петра Мушата.

Места находок распределяется на обширной территории Сучавы очень неравномерно (Рис. 1). Наиболее отдаленные пункты находятся в Литве и Сербии. Неожиданно бедными на монеты Молдавии оказались Трансильвания и прилегающие области Венгрии. Можно выделить четыре исторических ареала, объединяющих 97,35% учетных нумизматических комплексов - 110 из 113.

1. Земли от Карпат до Днестра и Черного моря, разделяемые на два района:

а) Восточное Прикарпатье, где возникло ядро молдавской государственности;

б) центральная часть Прутско-Днестровского междуречья - Кодры, куда молдавские монеты стали поступать лишь в XV в.

2. Добруджа или, скорее, ее примыкающая к низовьям Дуная часть. Здесь отмечено абсолютное преобладание эмиссий Петра Мушата.

3. Коренные земли Валахии по обе стороны от реки Олт с замет-

ным тяготением Дунаю. Тут зафиксированы выпуски Петра I и Александра I.

4. Земли к северу и северо-западу от Молдавии, где в кладах с монетами Польши, Литвы, а также Чехии попадаются отдельные монеты сучавской чеканки.

Таблица 1. Пространственное распределение молдавских монет конца XIV - первой трети XV вв.

№№	Территориальные зоны, общее число и доля монетных находок	Монеты разных эмитентов					
		Петр I		Стефан I		Александр I	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
1	Молдавия (67 экз. - 59,29%), в том числе:	29	25,66	8	7,08	30	26,55
a	Карпато-Прутские земли (59 экз. - 52,21%);	28	24,78	8	7,08	23	20,35
б	Прутско-Днестровские земли (8 экз. - 7,08%)	1	0,88	0	0	7	6,19
2	Добруджа (17 экз. - 15,04%)	14	12,39	0	0	3	2,65
3	Валахия (15 экз. - 13,27%)	8	7,08	0	0	7	6,19
4	Польско-литовские владения (11 экз. - 9,73%)	2	1,77	1	0,88	8	7,08
5	Прочие (3 экз. - 2,65%)	2	1,77	0	0	1	0,88
	Всего:	55	48,67	9	7,96	49	43,36

В данной работе рассмотрены связи с польско-литовским монетным ареалом.

Как видно из таблицы 1 более половины находок молдавских монет приходится на северо-западную часть страны. В конце XIV в. они редко удалены от Сучавы более чем на 100 км. Кладов с деньгами Александра Доброго - 30 и часть из них сокрыта после смерти господаря. При этом известно 37 находок с монетами Петра I и Стефана I, в общем правивших гораздо меньше Александра I. Да и монетных типов с их именами не так много. В среднем комплексы первой трети XV в. крупнее. В них содержится большое число медных монет. При этом формируются небольшие кладов низкопробных денег, свидетельствующие о развитии мелкотоварного обме-

на. Почти четверть всех находок денег Александра Доброго происходит из Прутско-Днестровского междуречья. Здесь быстро развивался Орхей, ставший, затем важнейшим центром у восточных границ Молдавии.

Характерные черты денежного обращения Восточного Прикарпатья и Кодра выделяются на основе городских коллекций. В Байе (Neamtu, Cheptea, 1986. P.29-30) до 8/10 приходится на деньги молдавской чеканки, а в Старом Орхее (ДСО, 1982. С.63-64) их около 9/10. Однако в Байе более 1/10 составляют выпуски конца XIV в., а в Орхее, напротив, монет, чеканившихся до XV в., практически нет. Здесь свыше 3/4 находок представляют эмиссии 1415-1431 гг. (60 экз. против 19 экз.), а монет 1400-1408 гг. всего 10 экз.

В Байе значительна доля монет венгерского происхождения. На выпуски 1342-1437 гг. в первой молдавской столице приходится почти 2/10, а в Старом Орхее синхронные эмиссии Венгрии неизвестны. Однако городище на Реуте фиксирует заметную роль польских и чешских монет - свыше 11%. В Байе же найден единственный денарий Польши.

Эти наблюдения подтверждаются грамотой Александра Доброго 1408 г., выданной купцам из Львова (ИСН, 1965. С.40-43). Два торговых маршрута в Прутско-Днестровском междуречье «до Татарской стороне» (Сучава - Яссы - Белгород и Сучава - Яссы - Бендеры) проходили близ мест находок монет Александра Доброго. Через Галицкую Русь в Поднестровье проникали польские и чешские монеты, довольно многочисленные среди находок Западной Украины (Котляр, 1971. С.63-91).

Тем самым прослеживается изменчивость ареала денежного обращения в пределах Молдавского средневекового государства, в сферу монетной циркуляции которого в первой трети XIV в. вошло лесистые восточные районы. Разумеется, трансформация круга товарно-денежных отношений имеет прямое отношение к уровню экономического развития, а также к успехам внешней и внутренней политики правящей элиты во главе с господарем.

Следует обратить внимание на «Шипинскую землю» (Черновицкая область), подвластную Петру Мушату (см. Тимошук, 1969; Полевой, 1979. С.60-61; Бырня, 1984. С.6-7). Неоспоримо ее вовлечение в сферу обращения молдавской монеты - комплексы №№ 34, 85, 86. Затем вплоть до времени Стефана Великого (1457-1504)

молдавские деньги сюда не поступают, что можно связать с причинами политического порядка. Польша претендовала на пограничный район с городами Хотин, Цецин (Чечуль), Хмелев и таможенным пунктом Черновцы (ОВИМК, 1987. С.57). Долгая и острая борьба между Молдавией и Польшей велась за Покутье. Спор, восходящий к невозвращенному долгу 1388 г., привел во времена Александра Доброго к войне. Не меньшее влияние на денежное обращение в Шипинской земле, оказывала и монетная политика молдавского господаря. Александр I выпускал много неополноценных денег, неконкурентоспособных перед высокой пробы краковскими и львовскими полугрошами.

Польско-литовские земли отличаются большей дисперсностью молдавских монет. Их доля вкладах составляет только 0,03-0,25 % (Mikołajczyk, 1988. С.263-271), хотя какое-то количество монет правителей Сучавы проникало на север регулярно. Рядом с ними чаще всего присутствуют монеты Владислава Ягайло (1386-1434), как коронные, так и «русские». Нередки пражские гроши, в основном Вацлава IV (1378-1419). Монеты Литвы, Венгрии, а также ордынские дирхемы также обычны. Выпуски Молдавии проигрывали всем им и в весе, и в пробе металла. Некоторые из экземпляров сокрыты много лет спустя после смерти эмитентов (№№ 23, 37, 50). Вопреки предпочтению других денег, это свидетельствует об ординарности молдавских монет на польских рынках.

Справедливость таких суждений доказывает триклада с территории Республики Молдова (№№ 27, 38, 67). Молдавских монет в них мало и все они принадлежат Александру Доброму, в правление или вскоре после смерти которого произведены сокрытия. В Кугурештах абсолютно преобладают польские и львовские выпуски Владислава Ягайло - более 2/3 общего числа монет. В значительном количестве представлены пражские гроши и джучидские дирхемы. В кладе Строенцы более 96 % монет приходится на деньги Чехии и перечекаленные литовцами дирхемы Золотой Орды. Нелокализованная тезаврация (№ 38), надо понимать, также состоит главным образом из эмиссий Владислава Ягайло. Можно прибавить и находку пражских грошей того же времени из Сорок, в которой не было молдавских монет (Нудельман, 1975. С.99-101). Все четыре комплекса прямо связывают Молдавию к северными землями. Стало быть, в первой трети XV в. эта часть приднестровских

земель входила в польско-литовский ареал денежного обращения, соприкасаясь с районом активной циркуляции молдавских монет в Кодрах.

Бассальная зависимость молдавских господарей от Польши, начало которой было положено еще в 1387 г., создавала благоприятные условия для торговли купцов из польских владений, в первую очередь из Львова (см. Подградская, 1968; Параска, 1981; Ciobanu, 1985). Можно даже говорить о своеобразной монетной экспансии Польского королевства в северо-восточные районы Молдавского государства. Так создавались предпосылки для осуществления устремлений короны распространить свою власть на Буковину, а то и дальше на юг.

Нумизматические находки позволяют увидеть сложный процесс утверждения Молдавского государства в исторических реалиях Европы конца XIV - первой трети XV вв. Самые значительные достижения были достигнуты на Нижнем Дунае еще Петром Мушатом, а в центральной части Прутско-Днестровского междуречья Александром Добрым. Однако на молдавско-польско-литовском пограничье в первой трети XV в. стали доминировать деньги Владислава Ягайло. Политика предоставления режима торговых привилегий Львову «привязывала» слабый молдавский рынок к могущественному соседу. Иностранцы вытесняли собственные из крупных торговых операций, оставляя им только поле внутреннего мелкотоварного обмена. Молдавская чеканка обесмысливалась. Хозяйственный и общественный разлад, дорогу которому открыли господарь и его окружение, после его смерти Александра Доброго обернулся долголетним бедствием.

Литература:

Бырня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV - начало XVI в.). Кишинев, 1984.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхей. Молдавский период. Кишинев, 1982.

Исторические связи народов СССР и Румынии в XV - начале XVIII вв. Документы и материалы. Т.1: 1408-1632. М., 1965.

Котляр М.Ф. Прошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971.

Нудельман А.А. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV - начале XVI вв. (По материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли

в средние века. Кишинев, 1975. С. 94-124.

Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV - начало XIX вв.). Кишинев, 1987.

Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.

Подградская Е.М. Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI-XVII веках. Кишинев, 1968.

Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV веков. Кишинев, 1979.

Тимошук Б. Північна Буковина - земля слов'янська. Ужгород, 1969.

Ciobanu V. Țările Române și Polonia. Secolele XIV-XVI. București, 1985.

Mikolajczyk A. Moldavian Coins in the 15th Century Poland // Arheologia Moldovei. Vol. XII. 1988. P. 263-271.

Neamtu V., Cheptea S. Contacte între centrul și sud-estul Europei reflectate în circulația monetară de la Baia (secolele XIV-XV) // România în istoria universală (I). Iași, 1986. P. 18-30.

Самойлова Т.Л. (Одесса)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ АНТИЧНОЙ ТИРЫ В ДОРИМСКИЙ ПЕРИОД

Для греческого мира Северного и Северо-Западного Причерноморья характерно постоянное и тесное экономическое и культурное взаимодействие с эллинскими государствами Средиземноморья с одной стороны, а с другой - с варварами, проживавшими в этом регионе. Без этого двойного взаимодействия было невозможно ни развитие, ни само существование античных полисов Причерноморья. Естественно они представляли собой часть эллинского мира, перенесли на новые земли культуру и хозяйственные навыки, характерные для этого мира. С другой стороны, окруженные племенами с чуждым для них образом жизни, иным уровнем экономического и социального развития, религиозными и культурными традициями, эллины не могли не впитать какую-то часть варварского мироощущения, традиций, культуры.

Тира была основана позднее, чем греческие колонии Нижнего Побужья и Поднепровья. Хотя Нижнее Поднепровье и было одной из зон контактов между античным миром и варварами, но оно не занимало столь важное место в системе интересов эллинов как

Нижнее Побужье, где греки появились на 100 лет раньше. Есть все основания полагать, что занятия сельским хозяйством (хлебопашество, скотоводство, виноградарство), рыболовством играли более важную роль в жизни жителей Тиры конца VI-V вв. до н.э., чем занятия торговлей. Об этом говорит и позднее появление своей монеты, а так же и изображения на них колоса, виноградной грозди, Деметры, богини плодородия и земледелия. Тем не менее, находки импортной керамики и монет конца VI-V вв до н.э. позволяют предположить, что определенную роль в жизни города играла торговля и естественно культурные связи и с античным миром. Среди возможных торговых контрагентов Тиры можно назвать Хиос, Аттику, центры Ионии, Истрию (Самойлова, 1988. С.37-38). Отсутствие своей монеты указывает на то, что, на раннем этапе внутривосточная торговля и возможная торговля с варварским населением носила преимущественно обменный характер. Да и объемы ее были, скорее всего, очень невелики. Тем не менее, первоначальный период истории Офиуссы-Тиры (кон. 6 - нач. 5 вв. до н.э.) - период становления экономики эллинской аполонии, не мог проходить без установления торгово-экономических контактов с постепенно заселявшейся степью и лесостепными районами, имевшими стабильное оседлое фракийское население. Это было в перспективе огромное экономическое пространство. Но на первом этапе оно было еще совершенно не освоено. Даже более мощная греческая община Ольвии в 6 в. до н.э. не имела стабильных и развитых обменных отношений со степным населением (Лейпунская, 1979. С.125-130). Надо принимать во внимание и существование на Дунае другого крупного античного центра - Истрии, которая была так же основана ранее Тиры. Таким образом, возможное направление связей Тиры с варварским миром ограничивалось бассейном Днестра и степной зоной между Одесским заливом и Дунаем.

Нельзя, конечно полностью отрицать в первоначальный период торговлю античных поселений Нижнего Поднестровья в том числе и Тиры с варварскими племенами, проживавшими выше по течению Днестра. Известны находки хиосских амфор на фракийских поселениях Граденицы III, Тирасполь, Слободзея, Ханска, Бутучены (Мелюкова, 1961; 1963; Никулицэ, 1987; Охотников, 1980). Всего амфоры конца 6-5 вв. до н.э. (Хиос, Лесбос, Самос, Клазомены, Менде, Фасос, Гераклея Понтийская) встречены на 21 памятнике

Буго-Карпатского региона, куда они поступали из античных центров в числе которых была и Тира (Mateevici, 2004. P.11-12, 31). Исследования последних лет в окрестностях с. Чобручи, на поселении расположенное на левом берегу между г. Слободзея и с. Чобручи установили факт существования крупного варварского центра, появившегося еще задолго до греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Никулицэ, Фидельски, 2004. С.190). Поселение было расположено в очень удобном месте, возле переправы через реку. Оно в период существования античных центров в Нижнем Поднестровье являло собой крупный торговый посреднический центр. На поселении Чобручи были найдены фрагменты привозной греческой парадной посуды, обломки клазоменских, хиосских амфор 6-5 вв. до н.э., терракоты, фрагменты амфор Фасоса, Херсонеса, Книда, Родоса, Пароса 4-2 вв. до н.э., в том числе и достаточно много клейм этих центров (Щербакова, Тащи, 2004; Никулицэ, Фидельски, 2004. С.190). Скорее всего, данное поселение уже с конца 6 в. до н.э. играло центра торговли с эллинами Нижнего Поднестровья. Палеоботанические и палеозоологические исследования на поселении показали, что в этом регионе уже в 6 в. до н.э. было развито земледелие и скотоводство (Кишлярук, 2004). Вероятно, продукты земледелия и скотоводства могли поступать в Тире в обмен на вино, масло, изделия античных ремесленников. Долгое время в литературе постулировалась значительная роль хлеботорговли античных центров со скифами (Виноградов, 1989. С.86). Последними исследованиями по экономике скифского общества эта точка зрения достаточно обоснована была поставлена под сомнение (Гаврилюк, 1999. С.267-268). Мы не можем пока даже приблизительно определить объем хлеботорговли варваров, живших в Днестровском регионе, с греками, но и не можем и полностью отрицать ее наличия. Контакты с варварскими племенами, вероятно, осуществлялись по реке Тирасу, по которому, античные товары поступали в глубь материка. Подтверждением этого может служить находки большого числа фрагментов фасосских амфор (Mateevici, 2004) на памятниках, расположенных вдоль Днестра. Контакты с греческим миром имели место с момента основания колоний в Нижнем Поднестровье. Почти полное отсутствие источников за исключением керамики из средиземноморских центров, не позволяя составить сколько-нибудь связное представление о торговле, ее формах и объемах в этот пе-

риод, а так же о сути культурных связей. Но представляется, что каботажное плавание вдоль западного берега Понта в сторону Ольвии должно было чисто автоматически включать Тиру в регулярные торговые отношения со Средиземноморьем.

Невыясненным остается вопрос о том, что продавалось в обмен на привозные товары жителей Офиуссы-Тиры. Традиционным является точка зрения, что через античные центры Северного и Северо-Западного Причерноморья в средиземноморские полисы вывозился хлеб, рабы, продукты скотоводства, рыба. Тезис о том, что северная часть Причерноморья являлась поставщиком зерна, базировалась на сведениях некоторых древних авторов. Так, Геродот (IV, 17; VII, 147) говорит о том, что скифы-земледельцы выращивают хлеб на продажу, и упоминает о караванах судов с хлебом, идущих из Понта в Средиземноморье. Некоторая информация об экспорте из Понта зерна содержится у Страбона (VII, 4; XI, 2) и Полибия (IV, 38). Хорошо известно сообщение Демосфена о вывозе большого количества хлеба из Пантикапея в Афины (XX, 31). Дальнейшие исследования показали, что сведения древних авторов не касаются центров Северо-Западного Причерноморья, а относятся к Крыму. И если Боспор можно рассматривать как важного экспортера зерна, то в отношении Ольвии и, уж тем более, античных колоний Поднепровья это утверждение не может считаться достоверным (Щеглов, 1987).

Находки импортных греческих вещей не только в самой Тире, но и за ее пределами позволяют ставить вопрос о торгово-обменных отношениях с варварским населением. Несомненно, что какая-то часть производимой как в самой Тире, так и фракийскими племенами, жившими выше по Днестру, сельскохозяйственной продукции шла на экспорт. Но он не носил регулярный характер. Тем не менее, торговля развивалась, а Тира все больше становилась доминирующим античным центром региона. Представляется весьма проблематичным в виду последних данных, что рост значимости Тиры в 5 в. до н.э. мог базироваться на достаточно скромных объемах товарного зерна произведенного самими тирассцами или полученного от племен, живущих выше по течению Днестра. Очевидно, должны были быть еще какие-то категории товаров, продажа которых могла бы способствовать развитию торговли Тиры, расцвету ее ремесел.

Следует отметить, что исследования последних лет памятников в районе с. Чобручи показывает, что одним из направлений развития скотоводства его населения особенно в 5 в. до н.э. было коневодство (Кишлярук, 2004. С.231-233), не исключено, что это была одна из возможных категорий экспортируемых товаров. О развитии коневодства у фракийских племен говорят и античные авторы. Так, еще Гомер называл фракийцев «конекротителями», а Фукидид - «конными лучниками» (Тис., II, 96, 1). Показательным в этом отношении является эпизод, времен войны скифского царя Атея с Филиппом Македонским, когда последний угнал из гетских земель 20 тыс. породистых кобылиц (Just., IX, 2, 16). В войске гетов были конные отряды (Arr., I, 3, 5). Но был еще один товар, игравший большую роль в экономике античного общества того времени. Речь идет о рабах. Именно работорговля была одним из выгоднейших видов торговли (Гаврилюк, 1999. С.270). Источники свидетельствуют, что уже в 6-5 вв. до н.э. Греция была одним из значительных потребителей рабов. Еще в 6 в. до н.э. рабы из Скифии известны в Аттике (Граков, 1939. С.231, 290). В 5 в. до н.э. наблюдается увеличение ввоза рабов из Скифии (Блаватский, 1954. С.31-54; Казакевич, 1958. С.112). Одним из центров, откуда рабы поступали в греческие центры Средиземноморья, была Ольвия (Гаврилюк, 1999. С.273). Известное березанское письмо Ахиллора свидетельствует о присутствии рабов в колониях Нижнего Побужья уже в конце 6 в. до н.э. (Виноградов, 1971). Ситуация в Тире была несколько иной и не только вследствие того, что она была меньше Ольвии. В период конца 6- первой половине 5 вв. до н.э. кочевое, скифское население, которое и было одним из поставщиков рабов в Средиземноморье через Ольвию, в междуречье Днестра и Дуная практически отсутствовало. Но материалы исследований поселений, расположенных на территории современной Молдовы, как мы указывали выше, говорят о поступлении импортных греческих товаров в регион, а следовательно, и о наличии торгово-обменных отношений. Т.Д. Златковская, анализируя античные литературные источники, указывала на развитие работорговли у южных фракийцев (Златковская, 1971. С.54-64). Причем она отмечала на слабое применение рабской силы самими фракийцами и на достаточно широкий экспорт рабов-фракийцев. Соседство и связи северных фракийцев с южными, которые

стояли по уровню социально-экономического развития выше прочих, естественно приводили к вовлечению и их в такое выгодное дело как работорговля. Известно большое число фракийских поселений на территории современной Молдовы, которые прямо или косвенно могли торговать с античными центрами Нижнего Поднестровья. Если для 5 в. до н.э. число гетских памятников на территории современной Молдовы невелико, то 4-3 вв. до н.э. характеризуются настоящим расцветом гетской культуры (Никулицэ, 1977. С.4). Присутствие гетского населения и на сельских поселениях вблизи Тиры и в самой Тире говорит о тесных контактах эллинов и гетов в Поднестровье. Почти на всех гетских памятниках найдены фрагменты античных амфор, встречается и импортная чернолаковая посуда. На некоторых объектах гетской культуры (Бутучены, Ларгуца, Дороцкое и др.) найдено небольшое число монет Тиры и Истрии (Нудельман, 1969. С.130; Нудельман, 1969а).

В 5 в. до н.э. увеличивается кочевническое скифское население в междуречье Днепра-Днестра и к западу от Днестра. Находки хиосских, аттической, самосской амфор 5 в. до н.э. были обнаружены на целом ряде скифских памятников (Мелюкова, 1984; Охотников, 1980. С.53). Есть точка зрения о том, что Никокий попал под протекторат скифских царей (Карышковский, Клейман, 1985. С.44). Тира в этом случае не могла не испытывать определенную зависимость от скифских владык. Активизация политики кочевников приводила к военным действиям, в результате которых появлялось определенное количество пленных, обращаемых в рабов. Это позволило прийти к выводу, что в середине 5 в. до н.э. основной составляющей греко-скифской торговли была работорговля (Гаврилюк, 1999. С.275). В 4 в. до н.э. потребность в рабах возросла еще больше, выросла и их цена, а стоимость зерна упала (Блаватский, 1954. С.45). В этой ситуации отрицать возможность поступления рабов из гетских районов в Тирю нельзя.

В 4 в. до н.э. экономика Тиры развивалась по восходящей линии. Город имеет сеть сельских поселений, степные районы достаточно плотно заселены кочевниками, представлявшими рынок сбыта греческих товаров и источники получения товаров, представлявших интерес для античного мира, многочисленные поселения

оседлых гетов так же представляют собой большое поле для торговой деятельности. В 4 в. до н.э. происходят значительные изменения в номенклатуре торгующих с Тирой греческих центров (Родос, Пепарета, Икоса, Аканфа, Менде, Коринфа, Гераклея, Синопа, Кос) а соответственно появляется значительное число материалов, говорящих и о культурных связях полиса с античным миром (произведения искусства, данные эпиграфики). В начале 3 в. до н.э. в степи происходят события, приведшие к тому, что скифское население покидает эти места. Скифия переживает глубокий кризис, имевший целый комплекс причин, в том числе экологического и антропогенного характера. Примерно в это же время происходит исчезновение поселений на правом берегу Днестровского лимана. Эти события, о которых речь пойдет ниже, связаны с очередными подвижками в варварском мире, связанные с изменением природных условий. Последнее было вызвано антропогенным фактором. Увеличение населения в степной зоне и соответственное увеличение числа домашних животных, нуждающихся в пастбищах привело, по мнению Н.А. Гаврилюк, к пастбищной дигрессии в 4 в. до н.э. (Гаврилюк, 1999. С.307 и сл.), ослаблению скифов, сопровождаемое и потерей ими доминирующей роли в Северном Причерноморье. В 4-3 вв. до н.э. продолжают развиваться установившиеся ранее торгово-обменные связи с гетскими племенами. В этот период известно около 200 гетских поселений. На многих гетских памятниках этого времени встречена импортная керамика и в первую очередь амфорная тара, которая через тирских купцов поступала из Фасоса, Гераклея Понтийской, Пепарета, Аканфа, Амастрия, Херсонеса, Синопы, Родоса, Книда, Коса, Коринфа, Пароса (Mateevici, 2004. Р. \11-12, 31).

Уход скифов из степной зоны междуречья Дуная и Днестра, совпадает с появлением Тираспольской курганный группы выше по Днестру. Этническая принадлежность этой группы памятников вызывает достаточно бурные споры. Вполне вероятно, что часть скифов была вынуждена покинуть обжитые степи и переселиться выше по Днестру. В захоронениях в этих курганах были выявлены амфоры, столовая импортная посуда, т.е. товары которые могли поступать только из Тиры. Кроме того, уже указанное поселение Чобручи 1 продолжает существовать, и соответственно здесь были найдены так же импортные античные вещи. Таким образом, сокра-

щение тирской хоры, уход скифов из степей Днестро-Дунайского междуречья еще не означал прекращения торгово-обменных контактов с варварским населением.

Сложнее обстоит дело с проблемой культурных взаимовлияний античного и варварского миров, который в свою очередь имел две составляющие: кочевников и земледельцев. Находки терракот на памятниках как скифской, так и гетской культуры, а так же варваризированных фигурок в Тире (Остапенко, 2005) говорят о какой-то степени взаимном влиянии духовной традиций, но определить степень пока не представляется возможным. Несомненно, что Тира оставалась античным центром на протяжении всего времени своего существования как античного полиса, а варварский мир, может быть, и обогащенный знакомством с духовной культурой эллинов, сохранял свои духовный мир.

Литература:

Блаватский В.Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. // СА. 1954. Т. XX.

Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М., 1989.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. К., 1999.

Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова // ВДИ. 1939. №3.

Златковская Т.Д. О характере рабства во Фракии VII-V вв. до н.э. // ВДИ. 1971. №1.

Казакевич Э.Л. Рабы как форма богатства в Афинах в IV в. до н.э. (по данным речам Демосфена) // ВДИ. 1958. №2.

Карышковский П.И., Клейман И.Б. Античный город Тира. К., 1985.

Кишлярук В. Природная среда как фактор развития земледелия и скотоводства в Нижнем Поднестровье во второй половине I тыс. до н.э. // Tracians and Circumpontic world. Chişinău, 2004.

Лейпунская Н.А. О Роли торгово-обменных отношений в экономике Ольвии во второй половине VI в. до н.э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

Мелюкова А.И. Работы в Поднестровье в 1958 г. // КСИА АН СССР. 1961. № 84.

Мелюкова А.И. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье. К., 1984.

Никулицэ И.Т. Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев, 1977.

Никулицэ И. Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. Кишинев, 1987.

Никулицэ И., Фидельски С. Чобручи - многослойное поселение на Днестре // Tracians and Circumpontic world. Chişinău, 2004.

Нудельман А.А. Античный клад из Лэгурца // Труды Кишиневского историко-краеведческого музея. 1969. Т.2.

Нудельман А.А. Монеты Истрии и Тиры из с.Дороцкое // Труды Кишиневского историко-краеведческого музея. 1969а. Т.2.

Остапенко П.В. Варваризированные антропоморфные терракоты из Тиры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2005. XII.

Охотников С.Б. Поселения VI-V вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Киев, 1980.

Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н.э. К., 1988.

Щеглов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII-V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. Тбилиси, 1987.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. Родосские клейма сер. III-пер. пол. II вв. до н.э. на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Вип. XI.

Matievici N. Importul amforelor greceşti in sec. VI- inceputul sec. II a. Chr. Autoref. al tez. doc. in ist. Chişinău, 2004.

Серебряннікова Н.С. (Одеса)

ВІКТОР ІВАНОВИЧ ГРИГОРОВИЧ: РОЗДУМИ АНТИКВАРА

Відомий дослідник в галузі слов'янської філології Віктор Іванович Григорович народився 30 травня 1815 року в м. Балті Подільської губернії. Вищу освіту В.І. Григорович отримав в Харківському університеті на факультеті філософії. З 1842 року він працював в Казанському університеті, викладаючи слов'янознавство, а з 1839 року - грецьку мову. В Казані Віктор Іванович залишався до 1864 року. Після виходу у відставку, в 1865 році, Віктор Іванович був призначений до Новоросійського університету викладати слов'янознавство (Линниченко, 1915. С.11). Приступивши

до своїх обов'язків з першого року роботи університету, він читає курс «Про мови, землі та народи слов'янські, на основі історико-філологічних досліджень» (Обор преподавания..., 1865. С.3). Окрім проблем філології, велику увагу В.І. Григорович приділяв дослідженню старожитностей, хоча і вважаючи себе не археологом, а лише антикваром. Саме цим дослідженням хотілось приділити увагу в даній роботі. В.І. Григорович бере активну участь у роботі Археологічних з'їздів. З самого початку роботи з'їздів, вчений писав: «Вельми важливим явищем нового часу є потреба археологічних з'їздів повинно, по моїм міркуванням, приволікти повну участь молодого покоління вчених». (Донесение..., 1916. С.305). На I з'їзді в Москві в 1869 році, як делегат від Новоросійського університету, Віктор Іванович вніс задалегідь декілька пропозицій. Вивчаючи програму, він відмічав: «Серед питань, що були запропоновані в програмі, найважливішим є питання про Південно-Російський край. Залишаючи поза увагою дохристиянські часи, період від VIII до XI століття» (Соображения по поводу некоторых вопросов..., 1916. С.239). До цього питання В.І. Григорович пропонує вивчення таких проблем, як доля антів, улчів та тиверців, їх взаємини з хазарами та проблеми дослідження грецьких колоній (Соображения по поводу некоторых вопросов..., 1916. С.239). Він вважав надзвичайно актуальним питання про використання даних археології в дослідженнях деяких питань російської історії; вважав досі не використаними в повній мірі такі джерела, як місцевості або поля битв, що були згадані в різноманітних літописах; окрему увагу пропонував приділити питанням про географічно відомі та невідомі місцевості, згадувані в літописах (Соображения по поводу некоторых вопросов..., 1916. С.240).

В 1871 р. В.І. Григорович подає до Вченої Ради Новоросійського університету записку із пропозицією щодо необхідності фінансування університетом археологічних експедицій в Херсонесі та в місцевостях навколо нього (звісно, така експедиція могла проходити тільки під керівництвом Одеського товариства історії і старожитностей) (По поводу археологического съезда..., 1916. С.197-200). «Голосно вимовляючи свою думку щодо цього питання, Рада університету зазначить тим самим, що університет усвідомлює призначення вищого навчального закладу - сполучення науки з історичним оповіданням про культурне значення рідного краю» (По

поводу археологического съезда..., 1916. С.197). Вчена Рада Новоросійського університету розглянула цю пропозицію, висловила подяку Віктору Івановичу та оголосила своє рішення відправити його делегатом на наступний Археологічний з'їзд (По поводу археологического съезда..., 1916. С.196).

Проте проблеми, що так турбували Віктора Івановича, не привернули уваги науковців і на цьому з'їзді. Після повернення до Одеси він писав: «Записки мої, що торкаються проблематичних, як на мою думку, та заслуговуючих на увагу предметів, не привернули ніякої уваги та не привели до бажаних результатів. Лише єдине зауваження дало мені відчуття, як небезпечно братися не за свою справу. Воно полягало в тому, що розкопки в Херсонесі можна проводити за свій рахунок та маючи дозвіл начальства» (Донесение..., 1916. С.305).

Окремим питанням ми можемо виділити надзвичайну прихильність Віктора Івановича до подорожей. Саме завдяки цим дослідженням перед науковим товариством постає широкі коло актуальних проблем.

В 1872 році, 5 листопада, В.І. Григорович на засіданні Одеського товариства історії та старожитностей читає доповідь про свою подорож до Азою подорож до Аз вздовж течії Дністра (Петровський, 1915. С.24).

Влітку Віктор Іванович Григорович відправляється у подорож дністровським узбережжям. Ставлячи собі за мету вивчення побуту та мови поселенців на узбережжі Дністра, він відзначає всі старожитності, намагаючись привернути увагу археологів до цієї території (Записка..., 13 с.). В.І. Григорович зазначає, що на захід, серед вигибів Дністра в с. Нагоряни існують глибокі печери в скелях, а в с. Непоротви та с. Ломачинці - такі ж самі печери, з нишами та хрестами. Далі дослідник описує церкву в скелі біля с. Лядови. А біля самих порогів, від Кременчуга до Косоці багато скель з надписами, як зазначає Віктор Іванович, народ ототожнює з ними повір'я про царицю, що тут колись панувала (нажаль саму легенду В.І. Григорович не занотував). На північ, біля с. Рибниці, Віктор Іванович почув розповіді про курган, який тут колись був.

Повернувшись до Одеси, В.І. Григорович навів ці дані у записці, яку подав до Вченої Ради університету.

Весною 1873 року В.І. Григорович відправляється у подорож на

Калку та Калпіус, до Корсунської землі та на південне узбережжя Дніпра й Дністра. В процесі своїх досліджень він відмічає біля берегів р. Калки кургани. Він пише: «В одному з курганів, біля Ескі-Криму, були проведені не так давно кимсь розкопки, та були знайдені рештки коня, уламок чорного, не тубільного, каменя та дві монети (одну з них чеканили в Сараї, при Джанібеці, в 1345 році).» (Записка антиквара..., 1916. С.317). Також Віктор Іванович зустрічає на своєму шляху та ретельно описує декілька кам'яних баб. Далі, відправляючись до Миколаєва, він відзначає, що великий інтерес для дослідників мають регіони де проходять будівництва залізниць. Таким чином Віктор Іванович вважає, що ці місцевості потребують негайної охорони, бо багато знахідок вже загублено (Записка антиквара..., 1916. С.320). Біля с. Гречановка, на р. Інгулець, В.І. Григорович простежує низку курганів, як зазначає дослідник «неймовірної висоти» (Записка антиквара..., 1916. С.330). Діставшись Миколаєва, Віктор Іванович Григорович вивчав церкви, матеріали архіву та фонди бібліотеки. 22 червня, через сорок днів подорожі, Григорович повернувся до Одеси.

Всі ці дані увійшли до записки, яку В.І. Григорович представив до Вченої Ради університету в серпні 1873 року. За рішенням Вченої Ради з цією запискою Віктор Іванович Григорович був відряджений делегатом від Новоросійського університету до Києва на археологічний з'їзд в 1874 році.

Віктор Іванович Григорович після багатьох своїх досліджень висловив думку про існування безпосереднього зв'язку археологічних, етнографічних та історичних досліджень в процесі відтворення цілісного зображення культури народів, що залишили свої сліди в сучасності. Протягом всього свого наукового життя він приділяв особливу увагу проблемам вивчення старожитностей. Розпочинаючи наукову подорож чи виїздивши представником від Новоросійського університету на черговий з'їзд, В.І. Григорович розумів, що діє скоріше як антиквар (тобто, лише збирач старожитностей), ніж археолог-практик. Проте його основною метою в даній галузі було поставити питання, сформулювати актуальні проблеми, розв'язання яких, на його думку, мало належати наступній генерації вчених.

Література:

Донесение В.И. Григоровича Историко-филологическому факультету Новороссийского университета о докладах на третьем Археологическом съезде // Собрание сочинений В.И. Григоровича (1864 - 1876 г). Издание Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1916.

Записка об археологическом исследовании днестровского побережья // Печатано по определению Совета Императорского Новороссийского университета. Одеса.

Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на Южные побережья Днепра и Днестра // Собрание сочинений В.И. Григоровича (1864 - 1876 г). Издание Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1916.

Линниченко И.А. Профессор Виктор Иванович Григорович. К столетию со дня рождения 1815 - 1915 // Отдельный оттиск из газеты «Одесские новости» № 9693, 1915. Одеса.

Обзор преподавания в Новороссийском университете на историко-филологическом факультете за 1865-1866 год. Одесса, 1865.

Петровский Н.М. Библиографический список печатных трудов Виктора Ивановича Григоровича. Петроград, 1915.

Письмо В.И. Григоровича на имя ректора Новороссийского университета по вопросу о поездке по Югу России // Собрание сочинений В.И. Григоровича (1864 - 1876 г). Издание Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1916.

По поводу Археологического съезда в Санкт-Петербурге (Предложение) // Собрание сочинений В.И. Григоровича (1864 - 1876 г). Издание Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1916.

Соображения по поводу некоторых вопросов, предложенных к обсуждению на первом археологическом съезде // Собрание сочинений В.И. Григоровича (1864 - 1876 г). Издание Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1916.

СУММАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПО МАТЕРИАЛАМ БАЗЫ ДАННЫХ «НЕКРОПОЛИ БОСПОРА»

Среди проблем социальной истории регионов античного мира наименее изучен вопрос об имущественном и социальном положении населения греческих государств Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского царства. Значительное количество накопленных в настоящее время археологических источников, применение компьютерных технологий и количественных методов обработки материалов позволяет обратиться к рассмотрению этой проблемы. Цель исследования - выявить особенности погребального обряда в пяти поселениях Боспора и конкретизировать уровень дифференциации комплексов.

Реконструировать имущественное положение боспорского общества возможно, привлекая археологический материал некрополей, так как, прежде всего, погребение отражает прижизненное положение индивида, обладает имущественной и социальной содержательностью. При рассмотрении отдельных погребений возможно искажение информации и будут сделаны ошибочные выводы об уровне материального достатка населения. Обработку массового археологического материала захоронений облегчит созданный автором компьютерный банк данных (с использованием программы СУБД ACCESS), а также количественные методы, широко применяемые в исторических исследованиях (Ковальченко, 1984; Колесников, 1985. С.152-168; Бунятян, 1985; Шепко, Смирнова, 2004. С.112-119). Одним из методов, который применяется для описания и сравнения массовых археологических источников, является суммарная характеристика, позволяющая получить количественные характеристики качественных свойств погребений. Объектом суммарной характеристики выступают некрополи Боспора I-сер. III вв. н.э.: Пантикапея, Нимфея, Горгиппии, Танаиса и сельского поселения Золотое. База включает 1199 захоронений, из них: по некрополю Пантикапея (885), Нимфея (72), Горгиппии (51), Танаиса (142) и Золотого (49). При создании банка данных использовались опубликованные материалы раскопок этих некрополей (Шкорпил, ИАК.

1904-1916; Блаватский, 1955. С.29-53; 1960, С.168-192; 1962, С.6-85; Грач, 1997; Корпусова, 1983; Кругликова, 1966. С.42-51; 1982. С.117-149; Алексеева, 1982. С.5-116; Шелов, 1961; 1965. С.56-129; Арсеньева, 1977).

Автор сравнила данные некрополи по следующим признакам: погребальная конструкция, глиняная и стеклянная посуда. Погребальная конструкция - одна из наиболее консервативных черт погребального обряда, отражающая социально-этническую принадлежность человека, его имущественное положение. При определении конструкций в настоящее время трудно установить различия в понятиях земляная гробница и современных «катакомба», «подбой» и «склеп». Типологические особенности катакомбы и подбоя не всегда четко различались, поэтому мы оставляем для начального этапа обработки авторские определения В.В. Шкорпила и других исследователей. Склеп предполагает наличие каменных плит. Кроме того, склепы использовались для семейных захоронений.

Суммарной характеристике предшествует первичный учет свойств каждого погребения. Данные о количественной встречаемости каждого признака представлены в таблице.

Таблица 1

Суммарная характеристика погребальных конструкций боспорских некрополей:

Город	Тип погребального сооружения												
	яма		Катакомба		подбой		склеп		другие		не определено		всего по некрополю
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	
Пантикапей	502	56,7	5	0,6	156	17,6	63	7,1	105	11,8	54	6,1	885
Горгиппия	49	96					2	4					51
Нимфей	27	38	22	30,5			16	22	7	10			72
Золотое	45	92			2	4	2	4					49
Танаис	125	88	1	0,7	15	10,5	1	0,7		6,3			142
Всего	739		28		173		84		112		54		1199
норма распределения		74,1		6,3		6,4		7,5		5,5			

При переводе абсолютных показателей в относительные за 100% принимается сумма встречаемости признака в совокупности (в строке). Показатель признака «нет данных» в совокупности исключается из расчетов. В данном случае приходится работать с неравными по объему выборками, и подсчет процентного распределения признака в совокупности как бы уравнивает выборки. Норма распределения вычисляется путем деления суммы процентных показателей каждого признака (в столбце) на количество выборок, участвующих в суммарной характеристике.

Анализу распределения признаков в отдельной выборке некрополя помогает вычисление тенденции признака. Она вычисляется как частное от деления процентного содержания признака в каждой выборке на норму его распределения, которая будет означать отклонение величины какого-либо признака одной из выборок от нормы распределения. Величина тенденции варьирует в пределах от нуля до числа, равного количеству сравниваемых выборок, если сравниваются пять выборок, тенденция будет варьировать от 0 до 5.

Таблица 2

Тенденции совокупности по типам погребальных конструкций некрополей Боспора

Показатель	Город	Тип погребального сооружения					
		Яма	катакомба	подбой	Склеп	Другие	не определено
тенденция совокупности	Пантикапей	0,8	0,1	2,7	0,9	2,1	
	Горгиппия	1,3			0,5		
	Нимфей	0,5	4,8		2,9	1,7	
	Золотое	1,2		0,6	0,4		
	Танаис	1,2	0,1	1,6	0,1		

Сравнительный анализ и выделение тенденции признаков позволяют провести группировки и их дифференциацию на всеобщие, локальные и частные. Ко всеобщим относятся признаки, распространенные одинаково в выборках, что отражается в тенденции 1,0+-0,2, т.е. от 0,8 до 1,2 (Генинг, Бунятян и др., 1990. С.88). Вычисленные проценты и тенденции по погребальным конструкциям, не позволяют выделить всеобщие признаки, характеризующие в оди-

наковой степени все комплексы. Полученные данные позволяют выделить две локальные группы памятников. К первой группе относятся: Пантикапей и Нимфей, ко второй - Горгиппия, Танаис и Золотое. Погребальные конструкции Нимфея и Пантикапея отличаются большим разнообразием типов (склеп, катакомба, яма), чем конструкции в некрополях второй группы. К локальным признакам, свидетельствующим о сходстве некрополей Пантикапея и Нимфея (0,8 и 0,5), относятся ямы. Тенденции в Пантикапее и Нимфее по склепам (0,9 и 2,9) и катакомбам (0,1 и 0,8) относятся к частным признакам. Такие погребальные конструкции как склепы (Пантикапей) и катакомбы (Нимфей) отличаются высокими затратами на сооружение, что позволяет выделить группу жителей, обладающий высоким имущественным и социальным положением. Катакомбы нехарактерны как для столицы Боспора так и для крупного азиатского центра - Танаиса, полученная тенденция (0,1) позволяет по этому признаку объединить оба некрополя в одну локальную группу. Для второй группы погребальных памятников: Горгиппии, Танаиса и Золотого - характерно сходство по ямам (тенденция в Горгиппии 1,3, в Золотом и Танаисе - 1,2) и склепам (соответственно 0,5, 0,4, 0,1). Погребения в склепах в трех некрополях единичны, что говорит о меньшем разнообразии погребальных конструкций на территории азиатского Боспора и в сельском поселении. В Золотом отсутствуют монументальные погребальные сооружения, которые свидетельствовали бы о существенной имущественной дифференциации. Для Горгиппии также характерно незначительное количество склепов. Их присутствие все же говорит о небольшой группе богатых комплексов, принадлежность которых к высшему социальному слою подтверждается другими признаками, такими как золотые украшения, оружие, стеклянная посуда. Критериями имущественной дифференциации в Танаисе (следует отметить, что в базе представлены далеко не все комплексы этого центра) являются подбой и могилы с заплечиками и оградками, а также глубина ям. Проведенный анализ демонстрирует особенности погребальных конструкций, их неоднородность в центрах европейского, и азиатского Боспора, городских и сельских поселениях.

Интересные данные об уровне стратификации может дать анализ стеклянной и глиняной посуды, обнаруженной в этих некрополях. В описаниях погребений характеристика керамических сосу-

дов дается по-разному. Унифицированная классификация отсутствует. Группировка по пяти некрополям произведена на основании видов посуды, наиболее часто встречающихся в публикациях и отчетах.

Таблица 3

Суммарная характеристика по глиняной посуде

Город	Тип глиняной посуды													всего по памят- нику
	кувшин		Чашка		сосуд		Амфора		Горшок		другие			
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%		
Пантикалей	141	24	83	14	283	49	4	0,8	5	0,9	56	12	572	
Горгиппия	5	11			37	78,7	4	8,5			1	2,1	47	
Нимфей	40	37	21	19,4	15	13,8	6	5,5	7	6,4	19	17,6	108	
Золотое	24	29	24	29	4	4,8			3	3,6	28	33,7	83	
Танаис	30	20	15	10	17	11,4	31	21	32	22	23	15,5	148	
Всего	210		128		339		14		15		104		810	
норма распре- деления		24,2		14,5		31,5		7		6,6		16,2		

Таблица 4

Тенденция совокупности по глиняной посуде некрополей Боспора

Показатель	Город	Тип глиняной посуды					
		кувшин	Чашка	Сосуд	Амфора	горшок	Другие
тенденция совокупности	Пантикапей	1	0,9	1,5	0,1	0,1	0,7
	Горгиппия	0,4		2,5	1		0,1
	Нимфей	1,5	1,3	0,4	0,8	0,9	1,1
	Золотое	1,2	2	0,2		0,5	2,1
	Танаис	0,8	0,7	0,4	3	3,3	0,9

Всеобщие признаки по глиняной керамике, характерные для 5 боспорских некрополей, отсутствуют. Наблюдается сходство тенденций между Пантикапеем, Танаисом и Золотым (соответственно 1, 0,8, 1,2) по кувшинам. «Кувшин» - универсальный вид посуды, распространенный как в европейской, так и в азиатской частях

царства, в его городских и сельских центрах, что демонстрирует материальный достаток населения. Следует отметить сходство тенденций Пантикапея, Нимфея и Танаиса по чашкам (0,9; 1,3; 0,7). Керамика Горгиппии не отличается особым разнообразием, керамические комплексы представлены глиняными «сосудами» и немногочисленными амфорами и кувшинами, что говорит об отсутствии широкого импорта краснолаковой посуды. Для некрополей Нимфея, Пантикапея и Танаиса присущ широкий ассортимент наименований глиняной посуды. Отличительной чертой Танаиса является широкое распространение и применение в быту амфор и лепных горшков. Последние отражают варварскую специфику города. Керамика Золотого хотя и не так разнообразна, но позволяет заключить о достатке сельских жителей. Некоторая бедность ассортимента свидетельствует об удовлетворении потребностей населения местным производством. В целом, разнообразие видов керамики и ее количество в погребениях свидетельствует о зажиточности населения как городских, так и сельских комплексов. Краснолаковая керамика преобладает в некрополях Пантикапея и Нимфея. Большая ее часть привозилась на Боспор из городов Малой Азии, Пергама (Античные государства Северного Причерноморья, 1984. С.231). Поэтому краснолаковая керамика считается недешевой. Имущественное положение человека отражала стеклянная посуда.

Таблица 5

Таблица суммарной характеристики по стеклянным сосудам

Город	Тип стеклянных сосудов										всего по памятнику
	Стакан		кувшин		сосуд		бальзамарий		другие		
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	
Пантикапей	71	7,5	23	2,4	559	59,4	267	28,4	20	2,1	940
Горгиппия					54	100					54
Нимфей	10	6,4	61	39,3	40	25,8	33	21,3	11	7	155
Золотое					1	25			3	75	4
Танаис					4	33	5	41,6	3	25	12
Всего	81		84		658		305		37		1165
норма распределения		3,4		10,4		48,6		18,2		21,8	

Таблица 6

**Тенденция совокупности по стеклянной посуде
некрополей Боспора**

Показатель	Город	Тип стеклянной посуды				
		стакан	кувшин	Сосуд	Бальзамарий	Другие
тенденция совокупности	Пантикапей	2,1	0,2	1,2	1,5	0,1
	Горгиппия			2		
	Нимфей	1,9	3,7	0,5	1,2	0,3
	Золотое			0,5		3,4
	Танаис			0,6	2,3	1,1

Наибольшее количество стеклянных изделий обнаружено в некрополе Пантикапея. Ввиду дороговизны и сложностей транспортировки стеклянные изделия оседали исключительно в Пантикапее, в меньшей степени - в Нимфее. Сравнительный анализ пяти комплексов по стеклянной посуде показывает сходство некрополей Пантикапея и Нимфея (по стаканам и бальзамариям), но в тоже время он подчеркивает индивидуальность каждого некрополя (по кувшинам и сосудам). Сходство процентов и тенденций по бальзамариям и стаканам позволяет объединить в одну локальную группу Пантикапей и Нимфей, расположенные близко друг от друга, что допускает возможность ввоза стеклянной посуды из Пантикапея в Нимфей. Находки стеклянной посуды в погребениях этих некрополей наиболее разнообразны, хотя большинство видов стеклянных изделий представлено в неравной степени. Заметно различие комплексов Пантикапея и Нимфея с Горгиппией, Танаисом и Золотым. Возможно, незначительное количество и бедный ассортимент стеклянной посуды в Горгиппии и единичная ее представленность в Танаисе объясняется относительной удаленностью от их столицы и сложностью транспортировки. Описание могил, составленное в нач. XX вв., было сделано достаточно суммарно, что затрудняет дифференцированную характеристику стеклянной посуды. Поэтому категория «сосуд» в Горгиппии столь многочисленна. Возможно, она включала значительное число стаканов и кувшинов. В поселение Золотое стеклянная посуда могла не доходить в силу разных причин: высокой стоимости, трудностей доставки, отсутствия спроса у сельского населения. Стеклянные изделия в Золо-

том единичны, что свидетельствует об отсутствии дифференциации, однородности сельского населения, у которого отсутствовали возможности ее приобретения. Золотое, Танаис и Нимфей близки по такому локальному признаку, как сосуды. Уровень тенденции по сосудам в Золотом (0,5) и Танаисе (0,6) связан с единичностью находок из стекла, а в Нимфее (0,5) - с малочисленностью этого вида стеклянной посуды. Основная часть изделий из стекла, датируемых I-II вв. н.э., сосредоточена в европейском Боспоре и свидетельствует о высоком материальном достатке погребенных. В более позднее время география их распространения расширяется на азиатский Боспор, но они все же сосредоточены в немногих погребениях, что заставляет заключить о богатстве и высоком социальном положении обладателей стеклянных сосудов в Горгиппии.

Таким образом, исследование некрополей Боспора I-сер. III вв. н.э. позволяет выявить особенности в погребальном обряде европейского и азиатского Боспора, городских и сельских поселений, которые отражают уровень дифференциации в каждом из комплексов. Суммарная характеристика и сравнительный анализ позволили выделить две локальные группы памятников: 1) Пантикапей и Нимфей; 2) Горгиппия, Танаис и Золотое. Более высоким уровнем имущественной дифференциации и сходства обладают некрополи европейского Боспора: Пантикапей и Нимфей. Горгиппия, Танаис и Золотое достаточно индивидуальны и более однородны. Золотое демонстрирует свою сельскую, а Танаис - варварскую специфику. Следует отметить с одной стороны сходство по ряду признаков некрополей европейского и азиатского Боспора, что свидетельствует об унификации погребального обряда в первые века н.э. С другой стороны каждый некрополь характеризуется широким спектром индивидуальных, присущих только ему черт, что объясняется географическим положением, этнической ситуацией и хозяйственными особенностями.

Литература:

- Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1982. Ч.П. С.5-116.
 Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М., 1984. С.231.
 Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.

Блаватский В.Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА, 1955. №24. С.29-53; Он же. Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1954-1958 гг. // СА, 1960. № 2. С.168-192; Он же. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952, 1953 гг. // МИА, 1962. № 103. С.6-85.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV-III вв. до н.э. К., 1985.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализационно-статистические методы в археологии. К., 1990.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1997.

Колесников А.Г. Некоторые вопросы половозрастной стратификации позднетрипольского населения среднего Поднепровья // Археология и методы исторических реконструкций. К., 1985. С.152-168.

Количественные методы в исторических исследованиях / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1984.

Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К., 1983.

Кругликова И.Т. Раскопки Горгиппии // КСИА, 1966. №108. С.42-51; Она же. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы (1954 - 1964 гг.) // Горгиппия. Краснодар, 1982. С.117-149.

Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса. М., 1961.; Шелов Д.Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955-1957 гг.) // МИА, 1965. №127. С.56-129.

Шепко Л.Г., Смирнова И.Е. Опыт корреляционного анализа некрополей Боспора // Історичні і політологічні дослідження. 2004. №1(19). С.112-119.

Сорочан С.Б. (Харьков)

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН В СВЕТЕ НОТИЦИЙ ЕПИСКОПАТОВ VII-X ВВ.

Определенное представление о церковной «географии» ранне-средневековой Таврики и о месте в ней Херсона дают сведения епархиальных ведомостей Константинопольского патриархата (Notitiae episcopatum), отразившие церковно-административное деление и связанные с ним населенные пункты Империи. Привидение в порядок, систематизация таких сведений, при всей их ограниченности, позволяет прийти к некоторым частным выводам, имеющим интерес, как для истории Церкви, так и для истории Византии, а потому нуждающимся в осмыслении.

Самой ранней из нотиций, дошедшей по трем рукописям XII - XIII и XVII вв., является так называемый Ecthesis - детальный список епархий, создание которого приписывается св. Епифанию, епископу Кипрскому (ум. 402 / 403 г.). Его окончательное составление, как правило, датируют временем близким к VI Вселенскому синоду (680 - 681 гг.), хотя содержание отражает постюстиниановское время и период правления василевса Ираклия (610 - 641). Как и в следующей нотиции (Notitia №2 по Дарруже), датируемой концом VIII в. или временем патриархата Никифора (806 - 815), Херсон фигурировал здесь как кафедра (соответственно 62-я и 66-я по счету), которая, наравне с Боспором (63 и 67) и Никопсеей (64 и 68), входила в автокефальную епархию Зихию, охватывавшую земли северо-восточного побережья Черного моря (eparchia Zekchios o Chersonos, eparchia tes autes o Bosprou, eparchia tes autes o Nikopseos). Это были прибрежные территории, лежавшие к северу и западу от Авагии и Алании с центром, вероятно, в районе Туапсе, а зихи являлись предками современных адыгов.

Следующая нотиция представляет собой список епархий, видимо, скомпилированный из разновременных записей и известный как рукопись Parisinus 1555 A. Она дошла в единственной копии XIV в., была открыта и под греческим названием Taxis prokathedrias ton osiotaton patriarchon, metropoliton kai autokephalon впервые издана в 1891 г. известным византинистом Карлом де Боором, который отнес ее оригинал к эпохе Исаурийской династии. Последующие попытки исследователей уточнить датировку загадочной нотиции, доставившей столько хлопот историкам, до недавнего времени не выходили за пределы VIII в., за исключением Ф.И. Успенского, подозревавшего в списке подделку XI в., и Г.В. Вернадского, датировавшего его окончательную редакцию началом 60-х гг. IX в.. Лишь последний издатель памятника, Жан Дарруже, опубликовавший полный свод списков епархий Константинопольского патриархата, пришел к выводу, что Нотиция де Боора, которой он присвоил №3, могла быть составлена с учетом материалов Псевдо-Епифаниевого списка и других источников конца VII в., отразила ситуацию с епископскими престолом в Европе до иконоборского синода 757 г., но к этому были добавлены почти столетние сведения конца VIII - конца IX вв., почерпнутые из актов Никейского Вселенского синода 787 г. и Константинопольского поместного собора 869 - 870 гг..

К тому же она носит компилятивный и, вероятно, неофициальный характер, хотя в отдельных деталях и отражает реальную ситуацию. Согласно ей, на 82-м месте значится епархия Зихия с Херсоном, 83-я епархия Боспора и 84-я епархия Сугдеи (Сугдаи) (eparchia Zekchias o Chersonas, eparchia tes autes o Bosporou, eparchia tes autes o Sougdaon), то есть Сугдея заняла место Никопсеи, которая в свою очередь отошла к кавказской епархии Авагсии (Abasgia).

Особого внимания заслуживает упоминание в списке митрополий, архиепископий и в схолии к нему, помещенной в самом конце, без связи с предыдущим текстом, соответственно 35-й и 37-й епископии - Готфии с центром в Доросе и перечень тех географических пунктов и ориентиров, которые входили в нее, поскольку ошибочная, субъективная интерпретация этих записей несколькими поколениями исследователей породила представление о существовании Готской митрополии задолго до ее создания, а также некоего населенного хазарами епископства Chotziron в Таврике или в Хазарии VIII - IX вв. В настоящее время в историографии преобладает точка зрения на эту епархию, задуманную выходящей за пределы территории Крымского полуострова, как на византийский миссионерский проект, вызревший к последней трети IX в., но так и не воплотившийся в полной мере в реальную церковную структуру.

Вероятно, такой же неофициальный характер носил список, составленный, по мнению исследователей, во времена патриаршества Никифора (806 - 815) или в последующие ближайшие два года. Примечательно, что в нем фигурируют только два епископства, а точнее - архиепископства, на территории Крыма - Херсон и Боспор. Вообще, в силу дальнейшего развития тенденций к централизации, с IX в. нотиции принимают сокращенную форму и, в частности, уже не указывают провинциальные епархии, в том случае, если они подчинялись митрополии. Поэтому вполне можно согласиться с замечанием Ж. Дарруже, что «эти списки являются лишь отдаленным отражением реального движения».

Сложный состав отличает следующий по времени официальный список епархий (Notitiae Basilii), создание которого связывают с именем армянина Василия Ялимбаны и датируют периодом между 848 - 856 г. Впрочем, в последнее время заметна тенденция передвинуть эту дату ближе к 869 - 870 гг. (В.Е. Науменко). В источнике, совпадающем с завершением нотиции де Боора, по-прежнему фи-

гурируют лишь два учтенных Константинополем церковных центра Таврики - Херсон и Боспор (они передвигаются соответственно с №63 и 64 на №67 и 68), вместе с Никопсисом (с №65 на 69), как и прежде, входившие в состав епархии Зихии, что едва ли случайно и лучше соотносится с реальным положением Византии и ее Церкви на полуострове в период обострения здесь внешнеполитического положения, набегов «варваров», русов, венгров, хазар.

Особый интерес представляет список епархий, отразивший изменения, накапливавшиеся с конца VIII - начала IX вв. в церковно-административном устройстве, прежде всего европейской части Византии, к которой относилась и архиепископия Херсона. Нотиция была составлена по приказу василевса Льва VI Мудрого в самом начале первого патриаршества Николая I Мистика (901 - 907), но отразила ситуацию предыдущих десятилетий, во всяком случае, ту, что окончательно сложилась к концу IX в.. Здесь фигурируют в качестве церковных кафедральных центров Херсон (№72), Боспор (№90), Готфия (№97), Сугдея (№98) и Фулы (№99), представляющие сложившуюся систему провинциальной епископальной «пентархии», подчиненной Константинопольской патриархии. Только теперь они перестают иметь отношение к Зихийской епархии. Еще один официальный список, известный как Nova tactica, появился, очевидно, к концу правления Романа I Лакапина, накануне самостоятельного правления Константина VII Багрянородного, около 940 г. Он копирует предыдущее устройство и ничего не меняет по существу. Однако архиепископство Херсон передвигается в нем на более видное место, по-прежнему уверенно лидируя среди прочих церковно-административных единиц полуострова.

В целом, материал нотиций позволяет уверенно проследить гегемонию епископства Херсон в церковно-административной иерархии раннесредневековой Таврики, долгую ориентацию на Зихию и существенное изменение карты крымских церковных центров не ранее IX в., что можно связать с военно-политическими подвижками на полуострове, наступившими в это время.

**ЧЕРНОЛАКОВАЯ ГИДРИЯ ИЗ СКЛЕПА №1012
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ**

В 1899 г. при проведении раскопок наружного участка оборонительной стены в юго-восточном районе Херсонеса Таврического был открыт склеп с семью погребениями. Руководитель работ К.К. Косцюшко-Валюжинич занёс его в отчёт о раскопках некрополя под номером 1012.

Истории открытия склепа, проблемам, связанным с изучением этого сооружения и найденных в нём предметов были посвящены работы многих исследователей. Строительство склепа, как и нижнего яруса оборонительных стен куртины 16, относится к третьей четверти IV в. до н. э., а время прекращения его использования определяется рубежом IV-III в.в. до н. э.

Единственным сохранившимся до настоящего времени целым сосудом из склепа №1012 является чернолаковая гидрия с накладным узором². Гидрия стояла в правом коридоре склепа на расстоянии 0,8 м от угла погребальной камеры. Общее описание сосуда содержится в отчёте К.К. Косцюшко-Валюжинича в Императорскую Археологическую Комиссию за 1899 г. Первое научное исследование гидрии было предпринято К.Э. Гриневичем, который по аналогии с гидрией из Зеленского кургана отнёс время её изготовления к рубежу IV-III в.в. до н. э.

Как было отмечено К.Э. Гриневичем, пропорции гидрии имитируют бронзовые сосуды второй половины IV в. до н. э. Сосуд имеет массивный венец с нависающим краем, украшенным рельефным орнаментом в виде плетёнки, высокое цилиндрическое горло, плавно переходящее в высокие плечи, тулово яйцевидной формы. В верхней части тулова расположены две горизонтальные массивные подковообразные ручки, третья вертикальная ручка соединяет горло и тулово сосуда. Все ручки с наружной части имеют по четыре вертикальных рельефных желобка. Места крепления ручек декорированы округлыми выступами, имитирующими манжеты, расположенные в местах крепления ручек на бронзовых гидриях. Подставка колоколовидной формы, сложнопрофилированная, полая внутри, состоит из трёх поясов. Нижний пояс оформлен в виде выгнутого внутрь валика, украшенного в нижней части резным же-

лобком, средний трактован в виде выгнутого наружу валика, ограниченного рельефными выступами, верхняя часть валика образует полку, украшенную резной бороздкой, верхний пояс представляет собой прямоугольный в сечении выступ, расположенный под прямым углом к полке и отделённый от нижней части тулова рельефным выступом. Гидрия была покрыта плотным чёрным лаком, на поверхности многочисленные выщерблины диаметром до 0,3 см.

Венец, горло и тулово сосуда украшены орнаментом из накладной глины в стиле west slope. На отогнутом крае в стиле ионийского киматия нанесены чередующиеся гирлянды, свободное пространство между которыми заполнено кружками. На горле изображена плавно свисающая стилизованная в виде бахромы лавровая ветвь, состоящая из стебля, на котором с двух сторон точками обозначены плоды. С нижней части ветви свисают листья, соединённые со стеблем и между собой дугообразными черенками. Верхняя часть тулова украшена орнаментом в виде расшитой ленты. Обрамлённые бахромой концы ленты свисают возле горизонтальных ручек сосуда. Они украшены на левом крае двумя небрежно исполненными, косыми крестами и одним - на правом с трилистником на конце. По верхнему краю лента украшена орнаментом в виде чередующихся волновых завитков, а в нижней части - сплошным рядом точек, вероятно, изображающих нашивной бисер. Лицевая часть ленты разделена вертикальными линиями точек на пять секторов. Центральный сектор, отделённый двойной линией точек, между которыми свисают каплевидные подвески, украшен четырьмя (по две с каждой стороны) вырастающими навстречу друг другу орнаментальными пальметтами. В двух крайних секторах изображены побеги плюща, за которыми расположены косые кресты, как и на свисающих концах ленты. Два следующих сектора заполнены орнаментальными пальметтами, которые состоят из одного центрального листа и нескольких извивающихся боковых, оканчивающихся точками.

Аналогичным образом были орнаментированы чернолаковые гидрии рубежа IV-III вв. до н. э., использовавшиеся в качестве погребальных урн в некрополе Чатби. Наиболее близкую херсонесской гидрии форму имеет гидрия, которая была найдена в Зеленском кургане. Время её производства относится к последнему десятилетию IV в. до н. э. При внешней схожести с указанными сосудами, гидрия из склепа 1012 имеет ряд существенных отличий, которые не могут быть оставлены без внимания. Прежде всего - это

РОССИЙСКИЕ МОНАРХИ И АРХЕОЛОГИЯ

профилировка ручек и подставки, копирующая эти элементы на бронзовых сосудах конца V - начала IV вв. до н. э. Кроме того, форма основных частей, из которых состоит рассматриваемая гидрия, более приземистая, за счёт чего сосуд выглядит массивнее, чем гидрии начала III вв. до н. э. Все эти признаки позволяют считать урну из склепа 1012 наиболее ранним из известных на сегодняшний день сосудов этой серии, изготовленным в пределах первой трети IV в. до н. э.

Примечания:

¹ В этой связи стоит упомянуть мнение В.М. Иванова, полагающего, что в настоящее время нет надёжных данных (*sic!* - Р.С.) для узкой (выделено мной - Р.С.) датировки этого участка оборонительных стен в пределах второй половины IV - первой половины III вв. до н. э. Для того, чтобы увязать этот тезис с датировкой комплекса находок из склепа 1012, предлагается считать, что в склепе были совершены повторные захоронения, перенесённые из более ранней гробницы, которая была разрушена при строительстве стены в последней четверти - конце III в. до н. э. К этому же времени Иванов относит и сооружение херсонесской «цитадели», по-видимому, имея в виду юго-восточный участок оборонительных стен города. Не останавливаясь подробно на разборе этой гипотезы, отмечу только, что подобные выводы противоречат датировке цистерны-нимфеума (по С.Ф. Стржелецкому, Е.Я. Рогову) или склепа (по Е.Н. Жеребцову, А.В. Буйских), засыпанного в 70-х годах IV н. э. в связи со строительством оборонительной стены, перекрытого нижним рядом кладки куртины 16, а также гробницы со ступенчатым основанием (по Р.В. Стоянову), засыпанной в 3-й четверти IV в. до н. э. в связи со строительством этой же стены, наконец, автор гипотезы полностью проигнорировал замечания А.Н. Щеглова относительно времени возведения юго-восточной линии обороны, высказанные в рецензии на СХМ. IV (1970). Указанные обстоятельства не позволяют согласиться с выводами Иванова. Имеющиеся в настоящее время источники, позволяют надёжно определить время начала строительства нижнего яруса юго-восточного участка оборонительных стен Херсонеса в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

² В камере склепа было найдено шесть урн: три керамических и три бронзовых. Остатки кремации, относящиеся к седьмому погребению, были сложены в деревянном ларце, который был установлен в дромосе. Бронзовые сосуды к моменту открытия были разрушены, две из трёх керамических гидрий оказались депаспортизированными, их изображений не сохранилось. К.К. Косцюшко-Валюжинич описывал эти гидрии, как сосуды «античной формы». Общая высота гидрии 51 см, диаметр венца 29,6 см, высота подставки 7,5 см, диаметр подставки 0,15 см.

В истории мировой археологии немало примеров заинтересованного отношения монарших особ к археологическим исследованиям, выражавшемся и в прямом их участии в археологических раскопках, в инициативе организации подобных работ и, особенно, в покровительстве и финансировании деятельности археологов. Подобные примеры известны нам еще с эпохи Древнего мира.

Мотивы такого интереса к археологии со стороны сильных мира сего могли быть весьма различны, но, тем не менее, они определяются достаточно четко. Во-первых, это, конечно, меценатство - почти все европейские монархи, начиная с римского императора Августа, да и не только европейские, стремились покровительствовать искусствам и наукам. Первые кунсткамеры, музеи, собрания древностей возникают при дворах правителей и на первых порах носят придворный характер. А археология, особенно классическая, на ранних стадиях своего развития очень тесно смыкалась с искусством и его историей. Существенным обстоятельством являлось то, что в отличие от собственно исторических исследований, археологические работы требуют больших финансовых и трудовых затрат, как правило не предусмотренных государственными бюджетами, и соответственно, именно монархи или лица приближенные к ним, могли решить эти проблемы. Во-вторых, немаловажную роль играли соображения национального престижа, еще в XVIII в. начинается своего рода соревнование между ведущими европейскими державами по пополнению древностями своих королевских и национальных музеев. В Париж, Лондон, Берлин тысячами вывозятся «антики» из Египта, Передней Азии, Греции. Скандинавские монархи, не имевшие на своей территории античного наследия, видели в археологии хороший способ пропаганды собственного героического историко-культурного наследия и, в конечном счете, национальной самоидентификации. Нередко археология выступала и в качестве инструмента колониальной политики, которая стала проводиться европейскими государствами в XIX в. значительно более тонкими и завуалированными средствами, чем прямое насилие времен конквистадоров. Постепенный переход к конституции-

онным монархиям приводил к тому, что их лидеры «царствовали, но не правили», а в этой ситуации археология представлялась солидным, почтенным, не зазорным занятием для особ королевской крови. Схожая картина наблюдалась и в России. Еще первые московские князья и цари тщательно собирали всевозможные древности в своих сокровищницах, а затем в Оружейной палате. Однако, осознанный интерес к вещественным древностям среди российских правителей мы встречаем, только начиная с Петра I, не случайно и то, что время его правления стало и началом отечественной археологии. Ряд указов и распоряжений великого реформатора России положили начало целенаправленным поискам, коллекционированию, и описанию древних вещей и памятников. Петр I положил начало и покупке древностей за рубежом. При нем и по его распоряжениям в Россию были доставлены первые античные статуи и среди них такой шедевр как Венера Таврическая. Собрания Екатерины II положили начало крупнейшему музею России - Эрмитажу. В 1785 г. Екатерина II купила коллекцию древней скульптуры, собранную на протяжении многих лет английским банкиром Д. Лайд-Брауном. В 1818 г. император Александр I посетил Керчь, где ему были показаны раскопки на горе Митридат, открытые склепы и гробницы, а также коллекции, собранные Полем де Брюксом. Еще ранее в 1804 г. Александр выделил две тысячи рублей из средств своего Кабинета на поездку в Северное Причерноморье хранителя I-го отделения Эрмитажа Е.Е. Кёллера. По возвращению из этой поездки Кёллер поднес императору собранную коллекцию античных монет и других древностей, за что получил 1800 рублей и перстень. А в 1822 г. по результатам новой экспедиции Кёллера в Крым было издано специальное распоряжение «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» и выделено на эти нужды 10 тысяч рублей. Это первый в России случай выделения значительных средств на охрану древних памятников (Тункина, 2002. С.67, 81)

Немалое внимание вопросам охраны и изучения древних памятников истории и культуры уделял Николай I. Уже в самом начале его царствования, в 1826 г. последовал циркуляр всем губернаторам с требованием доставления сведений о древних памятниках архитектуры и воспрещении разрушать их. В течение его 30-ти летнего правления еще неоднократно принимались подобные постановления,

особое внимание Николай обращал на памятники русской истории и культуры (Высочков, 2001. С.267-276) В 1830 г. императору были представлены великолепные находки скифских вещей, сделанные в кургане Куль-Оба близ Керчи. Они настолько заинтересовали царя, что он повелел продолжать раскопки и выделил на их проведение ежегодные денежные средства. Собственно, с этого времени начинается история целенаправленных и постоянных археологических раскопок в России, финансируемых правительством. В 1854 г. на средства, выделенные императором из сумм своего Кабинета (почти 30 тысяч рублей) было осуществлено роскошное трехтомное издание «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа», которое содержало описание и рисунки всех наиболее значимых и интересных вещей, найденных в ходе этих раскопок. Тираж издания составил всего 200 экземпляров, и книга рассылалась в качестве подарков иностранным королевским дворам, музеям и обществам.

Во время заграничных путешествий российские монархи нередко посещали крупнейшие европейские музеи, собрания древностей и раскопки. Так, в 1845 г. Николай I почти целый день провел на раскопках Помпей, и ему были преподнесены в дар Неаполитанским королем все предметы, найденные в этот день в присутствии коронованных особ. Среди этой коллекции поступившей в Императорский Эрмитаж особым шедевром являлся бронзовый бюстик юного Калигулы, служивший гирей ручных весов. В царских резиденциях появляются здания и интерьеры, оформленные в «помпейском» стиле. Это «Царицына дача» в Петергофе, где в пол столовой была вмонтирована подлинная мозаика из Помпей, некогда подаренная Наполеону или «Дворец Лейхтенбергских» в Сергиевке (О.Н. [Неверов О.Я.], 1993. С.43-44). Посещал император и Керчь, где ему были поднесены хлеб-соль на «серебряном блюде царице Рискупорис», найденном в 1837 г. гробнице так называемой супруги боспорского царя Рискупорида II. По инициативе Николая I произошло и заметное пополнение «антиками» эрмитажных собраний: в 1830 г. коллекция гемм, принадлежащая археологу К. Веселовскому; в 1834 г. свыше тысячи античных ваз и множество бронз и терракот были куплены у римского антиквара Пиццати; в 1852 г. более 300 ваз и 54 скульптуры были приобретены из собрания графа И.С. Лавалля. На эти и другие не менее ценные приобретения было

истрачено несколько сот тысяч рублей, что по тем временам составляло громадную сумму. Приобретенный лично царем участок земли для раскопок в Риме на Палатинском холме был уступлен папскому правительству за несколько античных статуй, бюстов и барельефов (Императорский Эрмитаж, 1880. С.13). Самое крупное и ценное приобретение античных памятников, включающее в себя около сотни скульптур и больше 500 расписных ваз, происходящих из коллекции маркиза Д. Кампана, было сделано в 1861 г. по распоряжению уже следующего императора Александра II. А в 1864 г. он приказал приобрести для Эрмитажа за 6 тысяч рублей находки из скифского кургана Хохлач, раскопанного вблизи Новочеркасска. В царствование Николая I в Петербурге было учреждено Археологическое общество (с 1851 г. - Русское археологическое общество), которое получило наименование «Императорского», а его председателем был утвержден зять императора - муж его любимой старшей дочери Марии герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Это назначение не было случайным, так как герцог имел даже опыт самостоятельных археологических раскопок в Египте - «между Сфинксом и Великой пирамидой». В ходе этих работ были найдены саркофаги членов семьи царя Амасиса, поступившие в 1852 г. вместе с несколькими другими предметами из его коллекции в Императорский Эрмитаж, украсив собой собрание египетских древностей (История отечественного востоковедения до середины XIX века, 1990. С.235; Golenischeff, 1891. P.97). (Они до сих пор встречают посетителей, входящих в зал, посвященный Древнему Египту). Традиция руководства Русским археологическим обществом «августейшими особами» сохранялась и в последующее время, так в 1852 - 1892 гг. председателем общества был Великий Князь Константин Николаевич, а с декабря 1892 г. до своей кончины последовавшей 2 июня 1915 г. - сын предыдущего Великий князь Константин Константинович. В январе 1916 г. председателем был утвержден Великий князь Георгий Михайлович. Императоры Александр III и Николай II считались официальными покровителями общества, а многие представители императорской фамилии - почетными членами (Веселовский, 1900. С.427). Неоднократно монархи оказывали различные знаки внимания к деятельности общества. В 1871 г. по случаю 25-летнего юбилея был получен рескрипт от Александра II, в котором отмечались заслуги общества по рас-

пространению истинных знаний и говорилось, что «желая явить знак Моего внимания к заслуга Общества, Я вместе с сим повелею в дополнение к получаемому им пособию, отпускать еще по две тысячи рублей в год. Надеюсь, что и впредь Общество будет продолжать ревностно и плодотворно трудиться на пользу науки и государства» (Веселовский, 1900. С.84). Подобный же рескрипт был получен и в 1896 г. от Николая II по случаю 50-летнего юбилея общества. А благодаря ходатайству Константина Константиновича, который с 1889 г. являлся президентом Академии наук и также был широко известен в качестве поэта, пишущего под псевдонимом «К.Р.», казенная пятидесятитысячная субсидия была увеличена еще на 3 тысячи рублей ежегодно. Благодаря ему же общество получило постоянное помещение в доме Государственной канцелярии на Литейном проспекте 44. Несколько раз великий князь добивался выделения средств на отдельные экспедиции и ряд изданий общества. «Не часто удавалось ему посещать наши собрания, но как по тому участливому вниманию, с каким во время посещений следил он за докладами и прениями, так и по всему складу его отношений к Обществу и его деятелям, чувствовалось, что занятия Археологического Общества находили себе отклик в склонности к любимым занятиям Председателя. Как старательно осведомлялся он о лицах, предметах и явлениях греческой и римской древности, знают те, к кому он обращался с запросами, когда составлял комментарии к «Ифигении в Тавриде». Так случилось, что предметом последней или одной из последних бесед, которые он вел, за несколько часов до своей кончины и предметом его последнего письма, тогда же в постели и написанного, были древности Царьграда» - писал С.А. Жебелев в своем продолжении истории Русского археологического общества (Жебелев, РА ИИМК РАН. Ф.2. Оп.3. Д. 453. Л.17об. Пользуясь случаем приношу благодарность И.В. Тункиной, познакомившей меня с этой рукописью). При работе над драмой «Царь Иудейский» Константин Константинович постоянно консультировался с М.И. Ростовцевым по поводу исторических реалий той эпохи и в благодарность за помощь посвятил ему свой перевод греческой эпиграммы, найденной в Нимфее (Зуев, 1997. С.235).

Великий князь Николай Николаевич, будущий главнокомандующий русской армией на Балканах в русско-турецкой войне, в 1872 г. посетил Египет. По случаю приезда высокопоставленной особы в

каирском театре дали представление оперы Верди «Аида», костюмы и декорации, для которой были изготовлены под руководством директора Каирского музея древностей Огюста Мариетта. Он же сопровождал Великого князя во время осмотра музея и недавно открытого некрополя в Саккаре, где в гигантских саркофагах были захоронены мумии священных быков Аписа. В завершении Великий князь осмотрел внутренние помещения и поднялся на вершину пирамиды Хеопса (Белова, Шеркова, 2003. С.154). В 1890 г. цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II) во время своего длительного путешествия по странам Востока, также знакомился с монументальными памятниками Древнего Египта. Фотографии запечатлели его со спутниками сидящим на статуе Рамзеса II в Мемфисе и рядом с большим сфинксом на фоне пирамиды Хеопса в Гизе. Некоторые представители династии Романовых и сами производили раскопки, особенным интересом к археологии отличался пятый сын Александра II Великий князь Сергей Александрович. В 1875 г. во время путешествия по Южному берегу Крыма, в котором участвовали Великие князья Сергей и Павел Александровичи, Александр, Николай и Георгий Михайловичи, были проведены раскопки гробниц близ Гаспры, осмотрены памятники Херсонеса и Ялты. Сопровождал великих князей граф А.С. Уваров. В начале следующего года он был специально приглашен в Петербург для чтения им лекций по археологии (Стрижова, 1988. С.95). К лету 1878 г. был разработан маршрут путешествия великих князей по городам Северо-западной России, включавший посещение и знакомство с памятниками Новгорода и Пскова. В рамках этого путешествия были проведены и раскопки курганной группы на берегу реки Великой в Псковской губернии ([Соколов Н.Н.], 1879. С.5). Впоследствии великий князь проводил раскопки в Чернево и в своем имении Ильинское под Москвой. Многие находки, как и предметы русского искусства XVII - XIX вв. из его личных коллекций, были им переданы Московскому Историческому музею, председателем правления которого он являлся с 1881 г. В 1890 г. Сергей Александрович был почетным председателем VIII Археологического съезда проходившего в Москве, а в 1892 г. он уже в должности генерал-губернатора Москвы принимал участие в церемонии открытия и работе Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии, открывшегося 1 августа в Московском университе-

те. Он всегда живо интересовался всеми делами Исторического музея, много сделал и для создания Музея изящных искусств (ныне Музей имени А.С. Пушкина в Москве), по свидетельству И.Е. Забелина вынашивал планы организации масштабных раскопок на территории Кремля (Забелин, 2001. С.155). Великий князь был председателем Палестинского общества, почетным членом многих археологических обществ и Русского Археологического института в Константинополе, с 1886 г. являлся официальным покровителем Санкт-Петербургского Археологического института. Петербургский Археологический институт (основан Н.В. Калачевым в 1878 г.) активно участвовал в праздновании 300-летия дома Романовых в 1913 г., специально подготовив ряд изданий к этой дате. Московский Археологический институт (основан в 1907 г.) также выпустил несколько изданий к этому юбилею, организовал выставку и целый археологический съезд под председательством великого князя Александра Михайловича, а также получил официальное название «имени императора Николая II».

2 февраля 1859 г. император Александр II утвердил положение об Императорской Археологической комиссии, положив начало первому государственному учреждению отечественной археологии. С первого года своего существования Археологическая комиссия развернула масштабные раскопки, в основном, в Северном Причерноморье, значительно пополнявшие собрания Императорского Эрмитажа. Со временем комиссия стала устраивать ежегодные выставки наиболее значимых в научном отношении, ярких и эффектных находок. Это был то же, своего рода, «отчет» (помимо печатного), на что она расходовала государственные средства. Часто эти выставки, устраиваемые в ее помещениях, посещали и императоры с семейством. Иногда публиковались и специальные каталоги подобных выставок (Выставка древностей..., 1894). Информация о подобных «высочайших посещениях» публиковалась в изданиях Археологической комиссии и столичных газетах. Важно отметить что, на этих выставках демонстрировались не только высокохудожественные вещи, но и рядовой археологический материал, то есть тем самым давалось адекватное представление о деятельности археологов, как ученых исследующих древнейшее прошлое, а не «раскопщиков», добывающих ценные экспонаты для музеев.

В феврале 1913 г. Николай II посетил Археологическую комис-

сию с дочерьми и другими родственниками (Высочайшие посещения..., 1914. С.1). Здесь особый его интерес вызвали древности Ольвии, Полтавский клад, находки из скифского царского кургана Солоха. С замечательных произведений искусства, найденных при раскопках Солохи, художником М.В. Фармаковским были изготовлены рисунки, предназначавшиеся в подарок от русского императора германскому кайзеру Вильгельму II, слывшему знатоком и любителем археологии. Подобные визиты, которые широко освещались прессой, способствовали росту авторитета в обществе, придворных кругах, и что, особенно важно, в глазах административно-чиновничьего аппарата, Археологической комиссии, и археологической науки в целом.

Зачастую визиты царя на раскопки или другие встречи с ним археологов имели не только помпезный, но и деловой характер с серьезными последствиями. Так, новый этап в археологических исследованиях Херсонеса начался после его посещения императором Александром III летом 1886 г., когда монарх был возмущен безобразием там творившимся (РА ИИМК. Ф.1. Оп.1. Д.174. 1900 г.). Председатель Археологической комиссии граф А.А. Бобринский добился, чтобы эти раскопки были переданы в ведение комиссии и на их проведение ежегодно выделялось 6 тысяч рублей. В 1888 г. начались работы в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича, который был принят в штат комиссии. В следующем году Бобринскому, несмотря на яростное сопротивление Московского археологического общества, развернувшего большую полемику в прессе, удалось добиться подписания Александром III Указа от 11 марта 1889 г., предоставлявшего комиссии исключительные права на выдачу открытых листов для раскопок на всех казенных, общественных и церковных землях и контроль за охраной и реставрацией монументальных памятников древности. Несомненно, что провести этот указ, действительно превращавший комиссию в центральное археологическое учреждение страны, удалось, только пользуясь личными связями с императором (Тихонов, 2003. С.103-104). В этой связи становится понятным, что имел в виду Бобринский в очередном проекте положения об Археологической комиссии, когда утверждал, что было бы крайне желательным, что бы председателем комиссии являлось лицо, занимающее высокое положение в бюрократической иерархии Российской империи.

Александр III впоследствии еще несколько раз посещал Херсонес. Об одном из таких визитов, состоявшемся в мае 1893 г., К.К. Косцюшко-Валюжинич составил подробный рапорт в комиссию (РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. Д.174. 1900 г. Л.62-64) В 1900 г. по инициативе А.А. Бобринского был составлен специальный «Очерк деятельности Императорской Археологической Комиссии в царствование Александра III» (РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. Д.174. 1900 г.), основной целью которого было, апеллируя к сыновним и патриотическим чувствам Николая II, добиться увеличения штатов комиссии и выделения новых средств на раскопки. Призывая царя сделать то же для Ольвии, что его отец - предшествующий император сделал для Херсонеса, Бобринский сумел решить эти задачи, что позволило увеличить жалование сотрудникам комиссии, расширить ее штат и начать в 1901 г. масштабные раскопки Ольвии, порученные Б.В. Фармаковскому. В августе 1913 г. А.А. Бобринскому удалось организовать визит Николая II в Херсонес, который он не без часто присущих ему иронии и юмора описал в частном письме к Б.В. Фармаковскому (Зув, 1997. С.67). Главным результатом этой встречи, продлившейся несколько часов, стало распоряжение царя о выделение специальных средств на публикацию фундаментального труда М.И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России», который вскоре вышел в свет. Сын А.А. Бобринского в своих мемуарах об отце приводит два эпизода, когда для решения вопросов, связанных с охраной памятников древности, понадобились встречи с Николаем II (Бобринский, 2003. С.516-517).

Подводя итоги, следует заметить, что, никоим образом не преувеличивая роль русских монархов в процессе становления и развития отечественной археологии, которая, особенно, в конце XIX - начале XX вв. развивалась бы и без их благосклонного внимания, определенным образом они все-таки содействовали ее успехам. Это содействие выражалась, прежде всего, в пополнении археологических собраний российских музеев за счет различных приобретений как внутри страны, так и за рубежом, финансировании, в ряде случаев, деятельности археологических организаций и отдельных археологов. Еще большую роль играло их участие в создании благоприятного для археологии имиджа в обществе, как серьезной, нужной, полезной для государства сферы занятий. Можно отметить и некоторое изменение роли царственных особ в развитии

нашей науки на протяжении двух столетий. Если в XVIII в. Петр I и Екатерина II своими действиями и страстью к коллекционированию сами подавали пример окружающим, часто оказываясь инициаторами тех или иных начинаний; Николай I, со свойственной ему привычкой вникать во все мелочи и детали, как рачительный хозяин, распоряжался, как поступить с той или иной вещью из раскопок; то Александр II, Александр III и Николай II выполняли уже скорее функции верховной власти, реагирующей на запросы ученой среды. Все эти традиции меценатства российских правителей по отношению к археологии оказались резко оборваны в 1917 г. со свержением монархии в России.

Литература:

Белова Г.А., Г.А.Шеркова. Русские в стране пирамид. Путешественники, ученые, коллекционеры. М., 2003.

Бобринской А.А. Граф Алексей Александрович Бобринской 1852-1927. (Сын об отце). Подготовка к публикации, предисловие и примечания И.Л.Тихонова// Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб., 2003.

Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846 - 1896. СПб., 1900.

Высочков Л.П. Император Николай I и русские древности// Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я.Фроянова. СПб. - Ижевск, 2001.

Высочайшие посещения Императорской Археологической Комиссии и музеев// ИАК. 1914. Прибавление к вып. 56.(Хроника и библиография, вып.26).

Выставка древностей, представляемых Императорской Археологической Комиссией на воззрение Государя Императора. СПб., 1894.

Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897-1921)// РА ИИМК РАН. Ф.2. Оп.3. Д. 453. Л.17об.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001.

Зуев В.Ю. М.И.Р. остоцев. Годы в России. Биографическая хроника// Скифский роман. М., 1997.

Зуев В.Ю. М.И.Р. остоцев и великий князь Константин Константинович// Скифский роман. М., 1997..

Императорский Эрмитаж. 1855-1880. СПб., 1880.

История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.

О.Н. [Неверов О.Я.] Петербургские собиратели античных памятников. Романовы - коллекционеры// Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993. С. 43-44.

Очерк деятельности Императорской Археологической Комиссии в царствование Александра III// РА ИИМК. Ф.1. Оп.1. Д.174. 1900 г.

РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. Д.174. 1900 г.

[Соколов Н.Н.] Журнал курганных раскопок, произведенных Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Сергием и Павлом Александровичами, Константином и Димитрием Константиновичами на Лыбутской местности (в даче дер. Ерусалимской Сидоровской вол. Псковск. у.) Июля 11 дня 1878 года. Псков, 1879.

Стрижова Н.Б. Архив А.С. и П.С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея// Очерки истории отечественной археологии. М., 1988.

Тихонов И.Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А.Бобринской// Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А.Формозова. СПб., 2003.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX вв.). СПб., 2002.

Golenischeff W. Ermitage Imperial. Inventaire de la collection egyptienne. Leipzig, 1891.

Туровский Е.Я., Диброва Н.Г., (Севастополь)

О ТЕОФОРНЫХ ИМЕНАХ В ХЕРСОНЕСЕ В IV-II ВВ. ДО Н.Э.

Анализ имен жителей античного Херсонеса дает ценную информацию по целому ряду вопросов. Важно выделить из общей массы имена, производные от имен богов и героев. Теофорные имена тесно связаны с распространением определенных культов, особенно когда эти имена повторяются неоднократно (Соломоник, 1984. С.10). Херсонесские имена сохранились в следующих категориях источников: в памятниках лапидарной эпиграфики, керамических клеймах, монетах, граффити на керамических изделиях и их фрагментах. Круг имен жителей Херсонесского государства постоянно пополняется благодаря регулярным археологическим исследованиям на Херсонесе и на его сельской периферии.

Предварительный анализ прозопографических данных для Хер-

сонеса и его хоры выглядит следующим образом. На первом месте по количеству стоят имена производные от имени бога Аполлона и его эпиклез (Дельф, Пифий). Нами учтено более 50 таких имен (включая и отчества). Это обстоятельство вызывает определенное удивление. Известно, что среди государственных культов в Херсонесе классического и эллинистического времени фигурируют, прежде всего, Дева и Геракл. Это отражается и в многочисленных надписях и в изображениях на монетах. Тем не менее, имена производные от Аполлона значительно превышают суммарное число имен производных от Геракла, Девы и Артемиды. Относительно природы главной херсонесской богини Девы существуют разные точки зрения. Одни исследователи были склонны видеть в ней синкретическое божество, сочетающее черты греческой Артемиды и местной таврской богини (Латышев, 1909. С.158-159; Ростовцев, 1918. С. 196; Пятышева, 1947. С.216; Белов, 1948. С.32; Бондаренко, 2003. С.13-25); другие не наблюдали в образе херсонесской Девы каких-либо черт, отличающих ее от собственно Артемиды (Мещеряков, 1973. С.65-73; Мещеряков, 1979. С.104-119; Мещеряков, 1980. С.64-72; Пальцева, 1979. С.30-46; Пальцева, 1980. С.21). Мы также склоняемся к тому, что херсонесская Дева является вариантом общегреческой богини с особой акцентацией на одном из ее свойств - целомудрии. Тем не менее, подсчет теофорных имен дал следующие цифры: имена от Артемиды - 10, имена от Девы - 5. Это не очень много, если сравнивать эти цифры с именами, происходящими от Аполлона. В случае с Гераклом разрыв не столь велик - известно 22 имени, произошедших от имени этого популярнейшего в Херсонесе героя.

Среди имен, производных от других богов, выделяются Афина (13 имен) и Ника (16). Эти два божества часто фигурируют в паре, в частности на одной из херсонесских бронзовых монет на лицевой стороне изображение Афины в коринфском шлеме, а на оборотной - крылатой Ники с венком в руке (Анохин, 1977. № 161-163). Наверное, это не случайно, учитывая, что Афина в одной из функций выступала как богиня справедливой войны, а Ника соответственно как богиня военной победы. Для Херсонеса, который вел постоянные войны с агрессивными варварскими соседями, культы божеств, благоприятствующих успешным боевым действиям, были весьма актуальны.

Достаточно много имен производны от божеств, связанных с земледелием - Диониса (11 имен) и Деметры (6 имен). Это не вызывает особого удивления, поскольку в основе экономики Херсонеса рассматриваемой эпохи лежали виноградарство и производство зерновых культур. Херсонес входил в тройку крупнейших в Причерноморье производителей винодельческой продукции. Клейменные херсонесские амфоры находят на многочисленных причерноморских памятниках, а также в курганах и на поселениях степной и лесостепной Скифии. В херсонесском календаре один из месяцев, очевидно, месяц, в котором собирали урожай винограда, назывался Дионисий (Соломоник, 1976. С.139). Житницей Херсонеса был район северо-западного Крыма, где очень значительные площади были заняты под злаковые культуры. Культ богини земледелия Деметры не был среди главных в Херсонесе; тем не менее, имел место, о чем свидетельствует посвящение богини на мраморной плите и граффити на чернолаковой посуде (Соломоник, 1961. С.36-37; Соломоник, 1978. С.43-45; Соломоник, 1984. № 19, 41, 103, 156, 456). Место Деметры в херсонесском пантеоне вполне адекватно отражено именами от нее производными.

На этом собственно перечень божеств, имена которых часто использовались для создания личных имен в Херсонесе, ограничивается. В то же время, и единичные теофорные имена имеют определенное значение. Так, интересно сочетание имени и отчества херсонесского астинома Посейдония сына Диоскурида (Кац, 1994. С.109; №96). Морской бог Посейдон и герои Диоскуры были среди божеств, особо чтимых моряками. Можно предположить, что и отец и сын были тесно связаны с морем, например, с морской торговлей. Имя Диоскурид достаточно хорошо известно в Херсонесе (5 имен), а вот имя Посейдоний встречено лишь однажды. Здесь же, наверное, уместно упомянуть и героя Теламона - товарища Диоскуров по походу аргонатов. Теофорное имя Теламон встречается в Херсонесе трижды (Кац, 1994. С.113, №118; Даниленко, 1966. С.165, №266, 267).

Интересное сочетание имени и отчества дает другой херсонесский астином Сотир сын Дионисия (Кац, 1994. С.113, № 117). По-видимому, в его семье было особенное почитание виноградного бога, а, возможно, что и сами отец и сын были его жрецами. Из прочих божеств, следует отметить имя Гестией (отмечено дважды),

производное от имени богини домашнего очага Гестии (Соломоник, 1996. С.45), а также имя Гафастииос (дорийская форма) от имени бога-ремесленника Гефеста (Соломоник, 1978. С.37, №383).

В заключении следует отметить, что данные, полученные в результате анализа теофорных имен Херсонеса в IV-II вв. до н. э. в основном соответствуют выводам, полученным на основании иных источников. Однако некоторые моменты все же отличаются. Прежде всего, это относится к чрезмерной популярности имен, связанных с культом Аполлона, который по другим источникам прослеживается достаточно слабо. То же можно отметить и в отношении Деметры. Употребление остальных теофорных имен вполне укладывается в логику существовавших в Херсонесе предпочтений.

Литература:

- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. К., 1977.
Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
Бондаренко М.Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
Даниленко В.Н. Просопография Херсонеса IV-II вв. до н. э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья) // АДСВ. Вып.4. Свердловск, 1966.
Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.
Латышев В.В. Гражданская присяга херсонесцев // PONTIKA. СПб., 1909.
Мещеряков В.Ф. Про походження культу Діви в Херсонесі Таврійському I-III ст. н.е. // Вісник ХДУ. 1973. №94. Вип.7.
Мещеряков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979.
Мещеряков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического I-IV вв.: Автореф. ... канд. Ист. Наук. М., 1980.
Пальцева Л.А. Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. Горький, 1979.
Пальцева Л.А. Проблемы политической истории Херсонеса Таврического в V-I вв. до н. э. - Автореф. ... канд. Ист. Наук. Л., 1980.
Пятышева Н.В. Культ Греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. №3.
Ростовцев М.И. Новая книга о Белом острове и Таврика // ИАК. 1918. Вып. 65.
Соломоник Э.И. Эпиграфические заметки // СХМ. Симферополь, 1961.
Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. №3.

Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса. К., 1978.

Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984.

Соломоник Э.И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. №3.

Соломоник Э.И. Греческие надписи Херсонеса (Находки последних лет) // ВДИ. 1996. №4.

Шаров О.В. (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ УМБОНА ИЗ МОГИЛЫ №3 НЕКРОПОЛЯ ЧАТЫР-ДАГ В КРЫМУ

Некрополь Чатыр-Даг находится в центральной части Южного Крыма, на юго-восточном склоне г. Чатыр-Даг, в 8 км от Алушты. В настоящее время значительная часть площади могильника занята постройками подсобного хозяйства бывшего Треста столовых и ресторанов г. Алушты и прилегающего к нему небольшого рабочего поселка.

В 1980 г. на территории поселка при земляных работах было разрушено несколько плитовых могил III-IV вв. н. э. с погребениями по обряду кремации. В том же году было начато изучение нового памятника Горно-Крымской экспедицией ОАК КФ ИА НАНУ под руководством В.Л. Мыца. При раскопках удалось полностью исследовать одно погребальное сооружение, а также, определить местонахождение и ориентацию трех разрушенных могил (№. 1-4) (Мыц, 1983. С.153-156, Мыц, 1987; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006). Наше внимание, еще с первых публикаций этих материалов В.Л. Мыцом (Мыц, 1983, 1987) привлек комплекс могилы № 3, в котором щит, копье, топор-тесло и серп сопровождали умершего, похороненного в каменном ящике по обряду кремации. Данная деталь обряда особенно любопытна, так как подобная погребальная традиция (сочетание серпов, топоров-мотыг с оружием, кремация в урне, положенной в каменный ящик) наблюдается только в одном удаленном уголке Европы - в южной Норвегии (Казанский, 1991, 1997). Обратимся к описанию этого комплекса. Могила 3 была сильно разрушена при строительных работах. Прослежен контур нижней части могильной ямы, которая была длиной не менее чем

1,1 м, шириной не менее 0,52 м, ориентированной по линии СЗ-ЮВ. У северо-западного торцевого и северо-восточного продольного бортов могилы зафиксированы обломки нижних краев стоявших вертикально плит песчаника, являвшихся конструктивными элементами прямоугольного в плане «каменного ящика». В центральной части могилы найдены фрагменты археологически целой светлоглиняной амфоры, которая использовалась в качестве погребальной урны. Из сопровождавшего инвентаря *in situ* удалось зафиксировать лишь некоторые железные предметы вооружения и орудия труда, располагавшиеся в пространстве между северо-западной плитой «каменного ящика» и бортом могильной ямы. Здесь найдены наконечник копья с круглой втулкой, топор-тесло, шлемовидный умбон, ручка от щита и серп.

Хронология этого комплекса неоднократно обсуждалась в печати (Мыц, 1983, 1987, 1994; Айбабин, 1990, 1999; Казанский, 1991, 1997; Kazanski, 1994, 2002; Щукин, 2005; Храпунов, 2005). Даты, предложенные различными исследователями на основании анализа отдельных типов погребального инвентаря, для этого комплекса, по нашему мнению, слишком широки и требуют некоторого уточнения. Наконечники копий с круглой втулкой и листовидным пером, как в данном комплексе, известны по материалам пшеворской культуры. По П. Качановскому - это тип XX/2 ступени С2 и начала С3/D для Центральной Европы (Kaczanowski, 1995. S.25, tab.XIV - 5), т.е. они бытуют от середины III до середины IV вв. н. э. (Вознесенская, Левада, 1999. С.256). В таких же широких рамках датируется и умбон из этого погребения, Попытаемся найти основания для его более узкой датировки, поэтому еще раз опишем его и выделим ведущие морфологические признаки. Железный умбон из могилы № 3 имеет диаметр 19 см и высоту 7,5 см. В четырех местах на поле широкого ранта сделаны парные отверстия для крепления на деревянную основу щита. Заклепки не сохранились. Купол умбона сфероконический, низкий, но заостренный. Калотта низкая: с одной стороны слегка расширяется от купола к ранту, с другой слегка сужается. В целом, можно признать эту центральную часть умбона близкой к цилиндрической. По М. Казанскому - это тип К2 по Н. Цилингу, который датирует их периодом C2/C3(260-375гг.), не исключая их бытования в период D (Kazanski, 1994. P.438-440, Fig. 2-13; Kazanski, 2002, P.410, Fig. 10-8; Zielsing, 1989.

S.123-124). Нам кажется, что это не совсем точная аналогия, и чатыр-дагский умбон вообще достаточно трудно атрибутировать в силу некоторой деформированности калотты. И.А. Бажан и С.А. Каргопольцев писали, ссылаясь на М.Б. Щукина, что в IV веке, уже представлены гибридные формы умбонов, соединяющие римские (купол сферический) и германские (купол конический) морфологические традиции. Они, большей частью уже сфероконические, но сравнительно низкие и почти не заостренные, с широким рантом (Бажан, Каргопольцев, 1992. С.116; Ścukin, 1992, Fig. 4). При этом тип умбона из Чатыр-Дага авторы не определили, просто отнеся его к типам, характерным как для памятников черняховской культуры (Компанийцы, Малаешты), так и для памятников Крыма (Озерное III, Харакс, Бельбек I) в IV веке н. э. (Бажан, Каргопольцев, 1992. С.116, Рис.1-22).

Обратимся еще раз к работе Н. Цилинга, который создал типологию умбонов на основе наиболее полной сводки находок с территории Свободной Германии (Zielsing, 1989). Можно заметить, что у всех умбонов с низким овально-коническим куполом калотта либо сильно сужается к ранту -тип К2 по Н. Цилингу (Zielsing, 1989. Taf. 14-3, 4), либо расширяется - тип Н2 по Н. Цилингу (Zielsing, 1989. Taf. 11-4), поэтому эти параллели нам кажутся не совсем точными. Чатыр-дагский умбон из всех европейских параллелей, известных нам по работам К. Годловского, Я. Тейрала и Н. Цилинга, ближе всего умбону типа К1 из погребения № 2А могильника Жабинец (Zielsing, 1989. Taf. 14-2). Он вместе с типом Коженъ относится к одному из основных типов умбонов горизонта 3 погребений с оружием пшеворской культуры по К. Годловскому (Godlowski, 1970. Pl. III-2; Godlowski, 1994. Abb. 20-3;) Дата таких умбонов - фазы C2/ C3 позднеримского времени, т.е. вторая половина III - первая половина IV вв. По Норберту Цилингу этот тип может датироваться и более поздним временем - только фазами C3 и D, т. е. всем IV веком, с пиком около середины столетия (Zielsing, 1989. S.121-122, Taf. 14-2) К сожалению, у умбона типа К1 из Жабинец, при общем визуальном сходстве, калотта уже расширяется и купол хотя и низкий, но конический без сфероидности, а у экземпляра умбона из погребения № 25 могильника Коженъ калотта сужается и он уже имеет высокий конический купол. Поэтому мы и эту приведенную параллель считаем не точной и

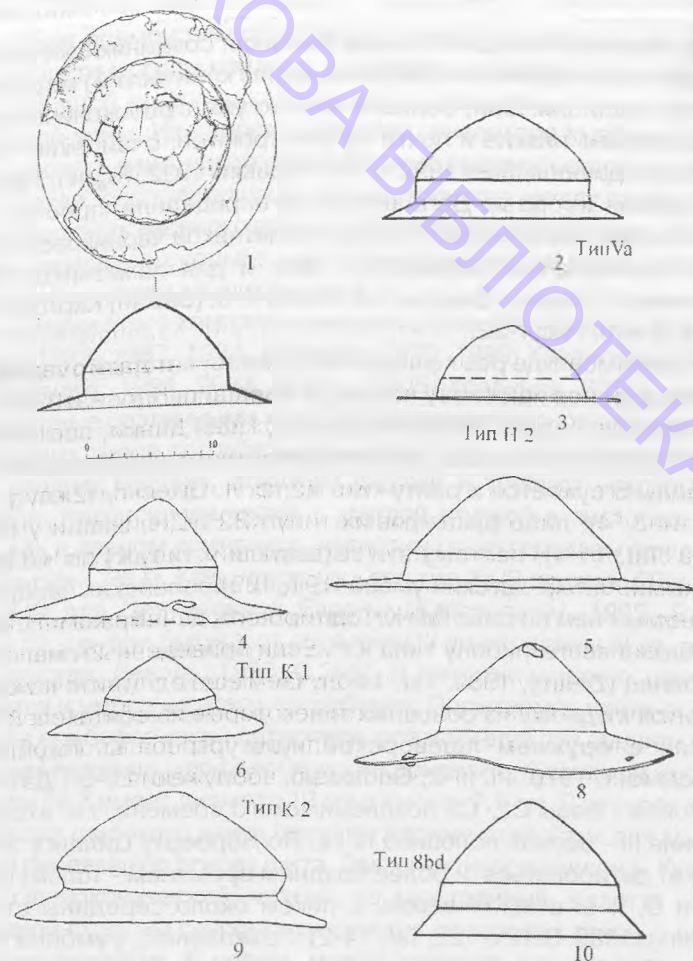

Рис. 16. Умбон из могилы № 4 Чатыр-Дага и аналогии из Скандинавии и Европы. 1-Чатыр-Даг; 2-тип Va по Я. Бёманну; 3, 5, 8-тип H 2 по Н. Цилингу; 4, 6-тип K 1 по Н. Цилингу; 9-тип K 2 по Н. Цилингу; 10- тип 8bd по Й. Иллькеру

попытаемся найти аналогии нашей находки за пределами Центральной Европы, прежде всего в Скандинавии. По нашему мнению, наиболее близкие параллели представлены в Норвегии. Это тип Va по Яну Бёманну (Bemann, Nahne, 1999. S.463, Abb. 84). Умбоны этого типа имеют сфероконический купол, как правило, цилиндрическую калотту. Рант находится под углом к калотте в 15-37 градусов. Средние размеры умбонов этого типа весьма близки чатыр-дагскому: их высота 6.7-7.1 см, диаметр 15-17 см. Они распространены прежде всего в Норвегии и датируются временем V?ien-Gruppe погребений с оружием Скандинавии по Я. Бёманну (Bemann, Nahne, 1999. S.308-312). Эта хронологическая группа, в которой представлены Bügelknopffibel, и которая в корреляционной таблице лежит раньше горизонта бытования фибул типа Нюдам, соответствует по Яну Бёманну европейской ступени C3 в понимании К. Годловского и Э. Келлера и датируется только первой половиной IV века н. э. (Bemann, Nahne, 1999. S.312). Анализируя каталог погребений с оружием Дании, составленный Й. Иллькером, мы не нашли точных соответствий чатыр-дагскому умбону. Его можно расположить морфологически между умбонами типа 8ad (соответствующих типу K2 Н. Цилингу) и умбонами типа 8bd по Й. Иллькеру (соответствующих типу K1 по Н. Цилингу) (Ilkjer, 1990. S.35, 297, Abb. 190, 191, 199).

Таким образом, мы можем датировать данный комплекс только первой половиной IV века н. э. Если приведенные аналогии достаточно убедительны, то мы получаем еще одну ниточку связей с Норвегией, откуда могли придти некоторые из обитателей Чатыр-Дага, принеся не только свои традиции погребального обряда, но и некоторые специфические детали вооружения.

ДВА РОДОССКИХ КЛЕЙМА ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

История Северного Причерноморья в античную эпоху не обойдена вниманием исследователей. Достаточно обстоятельно изучены к настоящему моменту центры греческой колонизации - полисы и их хора. Многие проблемы разрешены или, как кажется, близки к разрешению. Однако остается немало вопросов, связанных с характером взаимоотношений кочевого скифо-сарматского и греко-римского миров. Отдельные комплексы и случайные находки вполне определенно свидетельствуют о контактах эллинов и варваров. Но картина, изображающая историю их общения, остается мозаичной. Поэтому публикация даже редких случайных находок может быть полезна для изучения населения Северо-Восточного Приазовья в античное время.

Со II в. до н.э. в Северо-Восточном Приазовье археологически прослеживается присутствие сарматских племен. Правда, в сравнении с другими территориями комплексов, датируемых ранне-сарматским временем, насчитывается около 30. С этой позиции вполне закономерен интерес к двум находкам клейм на территории Донецкой области.

Одна из находок сделана в середине прошлого столетия и хранится в фондах Донецкого областного краеведческого музея. Это небольшой фрагмент ручки амфоры с клеймом (рис.1,1). Другое клеймо было обнаружено в ходе разведок отрядом Донецкого государственного университета в 1996 г. и находится в фондах археологического музея Дон УНУ (рис.1,2).

1. В 1958 г. Т.А. Шаповаловым проводились археологические разведки на территории Донецкой области. В 200 м к сев. от поселка Донское Волновахского района на мысообразном возвышении левого берега р. Калка было обнаружено поселение. Собранный подъемный материал позволил характеризовать его как многослойное, представляющее многоваликовую, срубную и салтовомаяцкую культуры (Шаповалов, 1958). Среди подъемного материала был обнаружен фрагмент верхней части ручки амфоры, на которой помещено клеймо (Список памятников..., 1988, С.56). Глина

ручки - светло-коричневого цвета однородная, без заметных включений. Поверхность покрыта плотным светлым ангобом. Размер обломка: длина 7,5 см; сечение ручки овальное, размером 2,4х3,8 см. Оттиск клейма четкий, размер прямоугольного штампея - 4,3х1,7 см. Нижний край оттиска слегка сглажен отпечатком пальца. Обломанные края слегка затерты.

Клеймо трехстрочное, буквы читаются четко:

ΕΠΙ ΠΥΘΟ

ΔΩΡΟΥ

ΔΑΛΙΟΥ.

Характер глины и эпонимное клеймо позволяет отнести данную ручку к группе родосских амфор (Туровский и др., 2001. С.40-41). Овальное сечение ручек встречается у самых ранних типов родосских амфор (Зеест, 1960. С.25). У более поздних типов - ручки круглые в сечении. На протяжении периода существования родосских амфор изменяется также и форма их изогнутой части. В поздних образцах она становится более крутой и приподнятой, почти до уровня венца. Надпись говорит о том, что клеймение происходило при эпониме Питодора в месяц далий родосского календаря. Имя Питодор встречается на клеймах Северного Причерноморья нечасто. Штемпель, аналогичный находке из с. Донское, отмечен в Танаисе (Т-58. Р.V1, помещ. Б). Клеймо в ромбической рамке, упоминающее Питодора и месяц далий, издано в 1969 г. (Болтунова и др., 1969) и внесено в каталог Д.Б. Шелова 1975 г. (Шелов, 1975. С.70, №190).

Еще одно упоминание имени Питодор, но в сочетании с другим месяцем - агрианием, встречено на случайной находке в Танаисе (Т-88-НЗ №15) (Шелов, 1993. С.19-20, №70).

Имя эпонима Питадора встречается на амфорах фабрикантов Тевмнаста, Исидора на Делосе и Диоклеи в Фанагории. По мнению Д.Б. Шелова, относится к группе IV хронологии В. Грейс, (2-я четверть II в. до н.э. или ок. 180-150 гг. до н.э.) (Шелов, 1993. С.20).

В коллекции Неаполя Скифского известно одно клеймо с именем Питодора. Автор издания, опираясь на новую хронологию родосских клейм, разработанную Г. Филькенштейном, относит его к группе IVb с датой 150 г. до н.э. (Зайцев, 2003. С.17).

2. Другое клеймо обнаружено на пахотном поле во время обследования окрестностей пос. Юрьевка Першотравневого р-на отря-

дом Донецкого госуниверситета (с 2000 г. - национального) под руководством В.А. Посредникова. Глина находки светло-коричневого цвета, хорошо отмученная. Амфора была покрыта светлой обмазкой, сохранились следы заглаживания на внешней и внутренней стороне венчика. Диаметр клейма 2,8 см. Овальное сечение ручки - 3,8 x 2,5 см

Клеймо представляет собой круг с цветком граната в центре и легендой по окружности. Часть клейма затерта, читаются буквы ... AM...PATEYΣ

Этот фрагмент венчика амфоры с обломком ручки можно отнести к типу I родосской тары варианту вилланова к поздней серии 1-E-2 по Монахову (Монахов, 2003. С.117-118. Табл.82.2). Это поздняя серия отличается всегда изогнутыми под острым углом ручками. Среди амфор этой серии известны амфоры с круглыми клеймами с легендой. Размещенной вокруг родосской эмблемы «цветок» с именами эпонимов, деятельность которых относят к первым двум десятилетиям II до н.э.

Наиболее вероятное восстановление имени - ΔΑΜΟΚΡΑΤΕΥΣ - имя Дамократ в род. п. ед.ч.

Круглые клейма с именем Дамократа вокруг цветка, расположенного в центре - принадлежат Дамократу I - предпринимателю времени пергамского комплекса. Мастерские этого фабриканта активно работали в первые десятилетия II в. до н.э. Аналогичные клейма известны довольно широко в Северном Причерноморье, прежде всего в Танаисе (Шелов, 1975. №№ 307-316; Шелов, 1993. №№ 125, 126, 129, 130).

Клейменные родосские амфоры появляются на рубеже IV-III вв. до н.э. В этот период торговое преобладание на море переходит к Родосу, благодаря посреднической деятельности которого на рынках Северного Причерноморья попадают товары его торговых партнеров. Одним из активных причерноморских агентов острова был Боспор. Достаточно сильные позиции родосский импорт занимал в Ольвии (Брашинский, 1984; Зеест, 1960; Лейпунська, 1999).

Среди предметов импорта в период E (175-135 гг. до н.э.) Неаполе Скифском первое место занимали родосские амфоры (ок.75 %), клейма которых использованы для хронологических построений (Зайцев, 2003. С.13).

Продукция в родосских амфорах ввозится на Боспор до начала I

в. до н.э. Родосские амфорные клейма зафиксированы в Пантикапее, Фанагории, Мирмекии, Феодосии, согласно исследованиям Д.Б. Шелова и Ю.С. Бадалянца, динамика их поступления в город Боспора примерно одинакова.

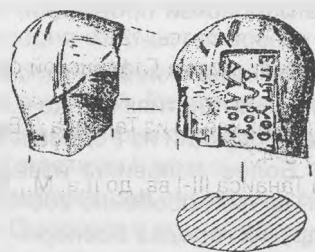
В связи с находками из Северо-Восточного Приазовья особый интерес представляет родосский импорт в Танаисе. Родосская амфорная керамика в Танаисе довольно представительна. В каталоге керамических клейм эллинистического времени Танаиса, изданным Шеловым в 1975 г., родосские клейма представлены отдельной группой (Шелов, 1975). Раскопки последующих десятилетий дополнили эту коллекцию (Шелов, 1993). Распределение клейм по центрам показывает доминирование родосской продукции, которая составляет около 88,4%.

Хронологическое распределение амфорных клейм Родоса свидетельствует о конце III и первых двух десятилетиях II в. до н.э. как о времени наиболее массового ввоза продукции из Родоса в Танаис, затем сильно сократившегося. Более половины известных клейм Танаиса датируется 220-180 гг. до н.э., особенно 200-180 гг. Эта же тенденция характерна и для других городов Боспора.

Родосский амфорный импорт обнаружен как в эллинских центрах Северного Причерноморья, так и у населения степи. Так, среди амфорного материала Дунай-Днестровского междуречья в незначительном количестве присутствуют родосские клейма. Авторы публикаций датируют клейма, обнаруженные на поверхности могильников Курчи и Холмское, временем III группы В. Грейс (220-180), а могильника Цыганча - два родосских клейма с именем эпонима Горгона - второй пол. II в. до н.э., ссылаясь на работы Д.Б. Шелова (Чобручский археологический комплекс, 1997. С.57-61).

Клейма из Донского и Юрьевки не связаны с погребальными памятниками. Присхождение их может объясняться различными причинами. Интересно, что находки родосских клейм в Дунай-Днестровском междуречье также не связаны прямо с погребальными комплексами. Скифское население в это время здесь не обитало постоянно, а могильные комплексы датированы 3/4 IV в. до н.э. (Чобручский археологический комплекс, 1997. С.62).

Таким образом, клейма из Северо-восточного Приазовья можно отнести к группе родосских клейм, датируемых 1 пол. II в. до н.э., и связать с торговой деятельностью Танаиса.

Донское ПМ

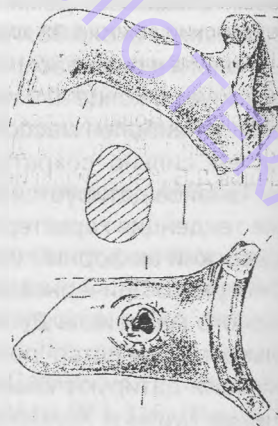

Рис. 1. Керамические клейма из Донецкой области: 1 - Донское, 2 - Юрьевка

Литература:

- Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деопик Д.В. Раскопки западного района Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969. С.6-97.
- Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. М., 1984.
- Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский. Симферополь, 2003.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА, 1960. Вып.83.
- Лейпунська Н.О. Комплекс пізньоелліністичних амфор з Ольвії // Археологія. 1999. №1. С. 64-75.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов, 2003.
- Список памятников археологии Украины. Донецкая область / Сост. О.Я. Привалова, А.И. Привалов. Киев, УООП. 1988.
- Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В. Древние амфоры в Северном Причерноморье. К., 2001.
- Чобруцкий археологический комплекс. Тирасполь, 1997.
- Шаповалов Т.А. Отчет о разведках на территории Сталинской области в 1958 г. // Науч. арх. ИА НАНУ. Ф.э. 1958/38.
- Шелов Д.Б. Новая коллекция керамических клейм из Танаиса // Вестник Танаиса. Вып.1. Ростов-на-Дону, 1993. С.9-43.
- Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III-I вв. до н.э. М., 1975.

Wykorzystanie przez armię bizantyjską łodzi bojowych w działaniach na jeziorach, na przykładzie posunięć wojsk cesarza Aleksego I w czasie oblężenia Kastorii (1083 r.) i Nikeii (1097 r.).

Celem tego artykułu jest przedstawienie działań dywersyjno-kontrolnych przy pomocy łodzi transportowo-bojowych, jakie stosowała armia bizantyjska w czasie trwania oblężeń fortec i miast zajętych przez wroga, a położonych nad jeziorami wewnątrz łądu. Jako wzorcowy przykład posłuży oblężenie Kastorii przez wojska Aleksego I w czasie wojny z Robertem Guiscardem w latach 1081-1085, a także oblężenie Nikeii w trakcie I krucjaty w roku 1097.

Podstawowym źródłem do zbadania tych zagadnień jest dzieło spisane w pierwszej połowie XII wieku przez Annę Komnenę, a poświęcone w całości życiu i działaniom jej ojca cesarza Aleksego I¹. Z punktu widzenia tego artykułu, najbardziej interesującym dla nas aspektem jest relacja z działań militarnych Aleksego i jego dowódców jaką w swym dziele pozostawiła Anna. Opisy zmagani wojennych Bizantyjczyków Porfirogenetka opierała na słowach naocznych świadków wydarzeń, męża Nikefora Bryenniosa², oraz innych krewnych parających się w okresie rządów jej ojca wojskowością. Inne źródła głównie normańskiej proveniencji pełnić będą tutaj rolę pomocniczą.

Kastoria pierwsza z wymienionych w tytule tego artykułu twierdz-miast, leżała na jednym ze szlaków z Dyrrachium do Konstantynopola, na ziemiach wchodzących wcześniej w skład państwa Komitopuli³, które po podboju Bazylego II znalazło się w granicach Cesarstwa Bizantyjskiego. Był to obszar zamieszkały głównie przez ludność słowiańską i wołoską. Dlatego pod koniec XI stał się terenem zmagani Konstantynopola z kształtującą się państwowością serbską, do której ciążyły po upadku Carstwa Bułgarskiego Słowianie Macedonscy⁴.

O wiele jednak groźniejszym od Serbów zagrożeniem dla państwowości bizantyjskiej stało się pojawienie na Bałkanach Normanów. Po opanowaniu dawnych ziem bizantyjskich w południowej Italii, Robert Guiscard nie ośmieszał nie wykorzystać trudnej sytuacji wewnętrznej Bizancjum i wmieszać się w rozgrywkę o najwyższą władzę⁵. Rozpoczęta w maju 1081 roku inwazja

niemal rzuciła na kolana borykające się z rozlicznymi problemami państwo Aleksego I⁶.

Wiosną roku 1082 zawierucha wojenna dociera do Kastorii. Garnizon miasta składający się z 300 Waregów⁷, po odparciu pierwszego szturm Normanów, miał złożyć broń i oddać twierdzę Robertowi⁸. Miasto stało się bazą wypadową Normanów, którzy pod dowództwem syna Roberta Boemunda, kontynuowali kampanie przeciwko Aleksemu⁹.

Pasmo sukcesów Normanów trwało tylko rok, bo wiosną roku 1083 cesarz zastosował przeciwko nim technikę wojny podjazdowej, gdy ci oblegali Larysę w Macedonii, która zaowocowała okupionym ciężkimi stratami odwrotem Boemunda na zachód¹⁰. Po drodze Boemund zatrzymał się w Kastorii, którą powierzył pieczy konetabla de Brienne, poczym udał się do Italii po pieniądze i żywność¹¹.

Kastoria leżała na górzystym przylądku wrzynającym się w jezioro o takiej samej nazwie¹². Mając za plecami jezioro de Brienne, mógł nawet przy stosunkowo małych siłach długo utrzymać twierdzę, gdyż musiał skupiać swoją uwagę tylko na jednym odcinku, mianowicie na tym miejscu w którym przylądek graniczył z łądem stałym. W miejscu tym mury były najgrubsze, więc gdy Aleksey I zaczął jesienią 1083 roku oblegać Kastorię towarzyszył mu szereg machin oblężniczych, wśród których dominowały helepole¹³.

Mimo ciągłych bombardowań, które doprowadziły do powstania wyłomu w murach Normanowie bronili się z wielką determinacją. Aleksey świadomy że

⁶ Najdotkliwiej odczuli Bizantyjczycy bitwę pod Dyrrachium 18 października 1081 roku, zakończoną dotkliwą porażką ich wojsk zadana im przez Roberta Guiscarda. Otworzyła ona drogę Normanom w głąb półwyspu bałkańskiego. Anna Komnena, *Aleksjada*, IV 6, t. I, s. 178-183; William of Apulia, *The Deeds of Robert Guiscard*, tłum. G.A. Loud z: Guillaume de Pouille, *La Geste de Robert Guiscard*, ed. M. Mathieu (Palermo 1963), London 1994, IV, s. 53-56; Geoffrey Malaterra, *The Deeds of Count Roger of Calabria and Sicily and of Duke Robert Guiscard his brother*, tłum. G.A. Loud z: Ganfredi Malaterra, *De Rebus Gestis Rogerii Calabriae et Siciliae Comitis et Roberti Guiscardi Ducis Fratris eius*, w: RIS., Muratori, t.5, cz.1, ed. E. Pontieri (Bologna 1928), Londyn 1996, III 27, s. 117-118; J.W. Birkenmeier, *The Development of the Komnenian Army*, Leiden 2002, s. 62-66.

⁷ Wielkość załogi wareskiej jest pozostawionej w Kastorii jest kwestią sporną. Sigfus Blöndal w swoim książce poświęconej Waregom w Bizancjum insynuuje, że Aleksey wycofując się spod Dyrrachium pozostawił w twierdzy pięciuset osobowy garnizon, zaś polski historyk Jarosław Dudek opierając się na źródłach normańskich twierdzi, że załoga liczyła jedynie trzystu ludzi. Wersja proponowana przez Dudkę jest bardziej racjonalna, więc została przeze mnie przytoczona w powyższym tekście. S. Blöndal, *The Varangians of Byzantium*, Cambridge 1981, s. 127; J. Dudek, *Cała ziemia dyrracheńska...*, s. 54.

⁸ Malaterra twierdzi, że wareski garnizon Kastorii miał się poddać w wyniku przerażenia jakie miały wzbudzić w Waregach maszyny oblężnicze Roberta. Jest to relacja stronnicza, ponieważ Malaterra osobiście związany z Hautevillami z całą pewnością nie przedstawił załogi twierdzy w pozytywnych barwach. Geoffrey Malaterra, *The Deeds of Count Roger of Calabria and Sicily...*, III 29, s.120.

⁹ Robert musiał wrócić do Italii na wieść o wybuchu powstania apulijskich baronów oraz wkroczeniu na jego ziemię cesarza Henryka IV. Anna Komnena, *Aleksjada*, V 3, s. 197-202; William of Apulia, *The Deeds of Robert Guiscard*, IV, s. 56.

¹⁰ Anna Komnena, *Aleksjada*, V 7, s. 216-217.

¹¹ Ibidem, V 7, s. 218; William of Apulia, *The Deeds of Robert Guiscard*, IV, s. 58; J.W. Birkenmeier, *The Development of the Komnenian Army*, s. 68.

¹² Anna Komnena, *Aleksjada*, VI 1, s. 229.

¹³ Ibidem. Na temat helepolów patrz również G.T. Denis, *Byzantine Heavy Artillery: The Helepolis, w: Greek, Roman and Byzantine Studies* 39 (1998), s. 99-115.

¹ O pochodzeniu i życiu Anny Komneny patrz Anna Komnena, *Aleksjada*, tłum. O. Jurewicz, t. I, Wrocław 2005, w oparciu o *Alexias*, ed. B. Leib, t. I-III, Paryż 1937-1943-1945, wstęp s. XXIII - XLII.

² Nikefor pochodzący z arystokracji wojskowej pozostawił również po sobie dziełko noszące tytuł *Materiały historyczne* (*Ἱστορικὰ*), był także jednym z zaufanych ludzi ojca Anny Aleksego I jej brata Jana II. Nikefor Bryennios, *Materiały historyczne*, tłum. O. Jurewicz, Wrocław 1974, wstęp s. V-XI.

³ S. Rek, *Zachodniobułgarskie państwo Komitopulów*, w: *Przegląd Historyczny*, t. 74, 1983, z.3, s.237-254.

⁴ W roku 1072 pod murami Kastorii doszło do potyczki pomiędzy powstańcami słowiańskimi i wspomagającymi ich Serbami, a garnizonem tego miasta. Powstańcom nie udało się go zdobyć. J. Dudek, *Cała ziemia dyrracheńska pod panowaniem bizantyjskim w latach 1005-1205*, Zielona Góra 1999, s. 22-23.

⁵ Wiązało się to również z fiaskiem planów matrymonialnych Guiscarda połączenia swojej rodziny z cesarskim rodem Dukasów. Guiscard również musiał zapewnić odpowiednie dziedzictwo swemu najstarszemu synowi Boemundowi, a leżące po drugiej stronie Morza Jonskiego ziemi idealnie do tego się nadawały. J. Dudek, *Cała ziemia dyrracheńska...*, s. 51.

przedłużające się oblężenie działa na jego niekorzyść, postanowił zastosować pewien wybieg który miał mu przynieść zwycięstwo. Postanowił uderzyć na Kastorię z dwóch stron jednocześnie i z lądu i z jeziora. Ponieważ nie dysponował na miejscu żadnymi łodziami ani okrętami rzecznyymi, sprowadził je na wozach i na małym moło zwodował na jezioro. Polecił Jerzemu Paleologowi, aby na czele doborowego oddziału, dokonał lądowania na tyłach twierdzy, co nastąpić miało zapewne w nocy, zaś wraz z nastaniem dnia wspólne uderzenie z dwóch kierunków miało otworzyć bramy Kastorii cesarzowi.¹⁴

De Brienne gdy nastąpił jednoczesny atak sił głównych armii cesarskiej i oddziału dywersyjnego Paleologa, nie stracił ducha walki, ale ulec musiał swoim podwładnym, którzy nie wytrzymali psychicznie i poddali miasto cesarzowi¹⁵. Manewr zastosowany przez cesarza powiódł się zatem idealnie, miasto zostało zdobyte bez większych strat¹⁶. Większa część normańskiej załogi miasta przeszła na służbę Aleksego I¹⁷.

Oblężenie Nikei pomimo różnicy zaledwie 14 lat od wydarzeń spod Kastorii, przebiegało już w zgoła odmiennych warunkach. Pozycja cesarza a także państwa bizantyjskiego ustabilizowała się w toku rozlicznych wojen granicznych, które powoli przywracały prestiż oręża bizantyjskiego¹⁸. Jednakże sam Aleksey ściągnął na siebie i na Bizancjum kolejne niebezpieczeństwo, prosząc o pomoc militarną papieża Urbana II¹⁹. Wkrótce Konstantynopol stanął przed kolejnym problemem, jakim było przejście I krucjaty, zmierzającej przez ziemię Cesarstwa Wschodniorzymskiego do Palestyny, aby odzyskać z rąk muzułmanów grób Chrystusa²⁰. Aleksemu udało się zapanować nad niesfornymi członkami krucjaty, jednych przekupił, innych zaszantażował militarnie²¹. Dalsza droga krzyżowców przez Azję Mniejszą w kierunku Ziemi Świętej, przebiegać miała przez Nikeę, gdyż pozostawienie tej twierdzy w rękach muzułmanów prowadzić mogło do przecięcia linii komunikacyjnych wojsk krzyżowych i posiłkujących ich Bizantyjczyków²².

¹⁴ Anna Komnena, *Aleksjada*, VI 1, s. 230.

¹⁵ Anna Komnena, *Aleksjada*, VI 1, s. 231.

¹⁶ Jerzy Dudek decydującą rolę w zdobyciu Kastorii przypisuje maszyną oblężniczym bombardującym miasto, które wyrządzonymi szkodami miały zmusić obrońców do kapitulacji. J. Dudek, *Cała ziemia dyrracheńska*, s. 56.

¹⁷ De Brienne wrócił zaś do Italii. Anna Komnena, *Aleksjada*, VI 1, s. 231.

¹⁸ Były to głównie wojny obronno-prewencyjne toczone z Seldżukami, Pieczyngami i Kumanami. J.W. Birkenmeier, *The Development of the Komnenian Army*, s. 71-80.

¹⁹ J. Harris, *Bizancjum i Wyprawy Krzyżowe*, tłum. J. Gardzińska, Warszawa 2005, s. 78-79; S. Runciman, *Dzieje wypraw krzyżowych*, tłum. J. Schwakopf, t. I, Warszawa 1987, s. 102.

²⁰ Anna Komnena, *Aleksjada*, X 7-11, s. 414-440; S. Runciman, *Dzieje*, t. I, s. 135-163; J. Harris, *Bizancjum*, s. 88-92; J. France, *Anna Komnena, the Alexiad and the First Crusade*, w: *Reading Medieval Studies* v.10 (1984), s. 21-24.

²¹ S. Runciman, *Dzieje*, t. I, s. 162; J. Harris, *Bizancjum*, s. 93.

²² Nikea znajdowała się w rękach Seldżuków od 1078 roku. Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 441; S. Runciman, *Dzieje*, t. I, s. 167.

Nikea leżała w Bityni, przy wschodnim brzegu Jeziora Askaniańskiego, w niewielkiej odległości od Morza Marmara²³. Miasto było silnie ufortyfikowane, zaś jego zachodnie mury schodziły wprost do samego jeziora²⁴.

W początkach maja 1097 krzyżowcy i posiłkujący ich oddział bizantyjskich saperów stanął pod murami twierdzy²⁵. Rozpoczęło się oblężenie twierdzy, którego nie przerwało nawet pojawienie się wojsk sułtana Kilidż Arslana w dniach 16-21 maja²⁶. Jeszcze przed przybyciem odsieczy tureckiej Aleksey zaczął pertraktacje z załogą Nikei, przy pomocy swojego zaufanego człowieka Manuela Butumity, ale zakończyły się one początkowo fiaskiem²⁷.

Po odstąpieniu Turków, krzyżowcy z jeszcze większą energią przystąpili do oblężenia miasta. Niestety, mimo ich wysiłków przez jezioro ciągle dostarczano pomoc do miasta, gdyż tego odcinka murów krzyżowcy z braku środków kontrolować nie mogli²⁸. Cesarz dostarczył zatem małą flotyllę lekkich łodzi, które przewieziono na wozach i zwodowano na jeziorze od strony Kiosu²⁹. Łodzie zostały obsadzone ludźmi z oddziału Butumity, którzy mieli przerwać połączenie pomiędzy sułtanem a miastem, a później także brać udział w jego zdobyciu. Po odcięciu tej linii zaopatrzenia załoga Nikei, przystała na warunki cesarza i nocą wpuszczono Butumitę wraz z jego oddziałem do miasta³⁰.

Aleksey I wbrew pozorom nie był jakimś nowatorem w wykorzystywaniu łodzi w działaniach w głębi lądu³¹. Bizantyjczycy w ciągu kilku wieków permanentnej wojny z Arabami wypracowali pewne wzorce działań dywersyjno-kontrolnych na akwenach morskich i śródlądowych³², które były równie skuteczne w walkach z oponentami w innych rejonach imperium. Łodzie

²³ P. Endmann, *Die Schlacht von Nikaia am 17. Mai 1097 in militärgeschichtlicher Perspektive*, w: *Concilium medii aevi* 4 (2001), s. 141; S. Runciman, *Dzieje*, t. I, s. 167.

²⁴ S. Runciman, *Dzieje*, t. I, s. 168.

²⁵ Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 441; P. Endmann, *Die Schlacht von Nikaia*, s. 142; S. Runciman, *Dzieje*, t. I, s. 168; J. Harris, *Bizancjum*, s. 93.

²⁶ Bitwa stoczona przez krzyżowców z Turkami zakończyła się wielkim sukcesem chrześcijan. Sułtan świadomy siły krzyżowców zaniechał prób przebiecia się zbrojnie do miasta. Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 443; P. Endmann, *Die Schlacht von Nikaia*, s. 145-147; J. Harris, *Bizancjum*, s. 94; S. Runciman, *Dzieje*, t. I, s. 169-170.

²⁷ Stało się tak ponieważ Turcy czekali na wojska swego władcy. Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 442; J. France, *Anna Komnena, the Alexiad and...*, s. 26.

²⁸ Mówią o tym zarówno Anna Komnena jak i źródła związane z krzyżowcami. Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 446; *Histoire anonyme de la premiere croisade*, ed. L. Bréhier, Paryż 1924, I 7; A. C. Krey, *The First Crusade: The Accounts of Eyewitnesses and Participants*, Princeton 1921, s. 101-103.

²⁹ Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 446.

³⁰ Cała akcja została rozegrana bez wiedzy wojsk krzyżowych, które gdy ponowiły ataki na miasto następnego dnia, zostały ogromnie zaskoczone widokiem bizantyjskich flag i trąb na murach. Nie znając zapewne właściwej liczebności wojsk bizantyjskich, uwierzyli że to armia Aleksego I zdobyła miasto. Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 448.

³¹ Bizantyjczycy byli dziedzicami bogatej spuścizny Greków i Rzymian w materii działań na akwenach śródlądowych, jak i budownictwa okrętowego. J. Jundziłł, *Zegluga rzeczna starożytnych Greków i Rzymian*, w: *Ręki: kultura-cywilizacja-historia*, t. 8, Katowice 1999, s. 81-98. A. Avramea, *Land and Sea Communications, The Economic History of Byzantium*, pod red. A. E. Laiou, Waszyngton 2002, s. 57-90.

³² V. Christides, *Military Intelligence in Arabo-Byzantine Naval Warfare*, w: *Byzantium at War*, Ateny 1997, s. 269-274.

w rękach Aleksego I miały za zadanie zminimalizować straty, na które narazić mogła się jego armia podczas przedłużających się działań oblężniczych, co dla cierpiącego na stały deficyt dobrego żołnierza państwa mogło być wielkim ciosem. Idąc za zasadą iż w działaniach oblężniczych należy przede wszystkim wykorzystywać ludzkie słabości, a dopiero później polegać na zdobyczych techniki³³, Aleksey w obu przedstawionych powyżej przypadkach wykorzystał łódzie jako element psychologicznego nacisku na obleganych.

W Kastorii łódzie posłużyły do dokonania manewru dywersji, która zmusiła psychicznie zmęczonych bombardowaniami Normanów do poddania miasta. Można przyjąć iż twierdza miała na swoim wyposażeniu jakieś łódzie lub tratwy, które w ostateczności służyć mogły za środek ucieczki dowódców i pewnej części rycerstwa, gdyby mury padły. Ponadto Normanowie mieli świadomość, że zbliżająca się zima jest równie wielkim zagrożeniem dla nich jak i dla oblegających, ale w ich wypadku mogła posłużyć za atut. Osłabione zimnem i nie dożywieniem wojska cesarskie, mogły zwinąć oblężenie lub też pozostawić jakieś luki, przez które mogła by do twierdzy dotrzeć pomoc. Wraz z nadejściem wiosny zaś mógł wrócić z posiłkami Boemund. Normanowie zapewne nie kontrolowali wcześniej jeziora, dlatego atak Paleologa odciał im jedyną drogę ucieczki, co w połączeniu ze stale spadającym morale, definitywnie zarysowało los twierdzy.

Działania pod Nikeą flotylli Aleksego I, świadczą o innych celach cesarza, który tym razem użył floty jako formy nacisku, zarówno na broniących się w mieście Turków, jak i na oblegających go krzyżowców³⁴. Cesarz nie ufał zbytino Łacinnikom, gdyż znał ich mentalność i barbarzyńskie zachowania, aż za dobrze. Wiedział, również że po zdobyciu Nikei może dojść do rzezi w większej części grekojęzycznej ludności miasta. Nikea przed seldżuckim podbojem była jednym z miast cesarskich³⁵, którego fortyfikacje zbudowano za pieniądze z cesarskiego skarbcza, dlatego zrozumiała może być dla nas dążenie Aleksego I do odzyskania miasta w jak najmniej naruszonym stanie. Odbudowa miasta po przejściu przez niego krzyżowców mogła się okazać bardzo kosztowna.

Zdeinformowana poprzez działania flotylli bizantyjskiej załoga Nikei³⁶, odcięta ze wszystkich stron, miała tylko dwie możliwości wyboru: poddać się cesarzowi, który oferował poprzez swojego wysłannika Butumite pewne warunki kapitulacji, lub też poddać się barbarzyńcom z zachodu. Cesarz był dla załogi Nikei jedynym gwarantem życia i wolności, dlatego to właśnie w jego

ręce złożono klucze do miasta. Flotylla zaś posłużyła do ewakuacji poza zasięg krzyżowców notabli i żołnierzy tureckich, co miało miejsce po wkroczeniu do miasta oddziału Butumity³⁷.

Odchodząc już od dywagacji na temat wykorzystania łodzi przez Aleksego, skupmy się na rodzajach tych środków lokomocji. Na jeziorach takich jak Kastoria, czy Jezioro Askanijskie wykorzystanie wielkich, pełnomorskich bizantyjskich okrętów wojennych takich jak *liburniany* i *dromony*³⁸, byłoby prawie niemożliwe, ponadto transport ich z portów macierzystych na wozach transportowych na miejsce akcji trwałby bardzo długo.

Zatem posługiwano się zapewne mniejszymi jednostkami, takimi jak *myoparon*³⁹ czy też *chelandia*⁴⁰. Były to jednostki jednopokładowe z jednym masztem, które służyć mogły do działań przewencyjno-kontrolnych na jeziorach. Oprócz tych przedstawionych powyżej statków, obie flotylle Aleksego musiały być wyposażone w mniejsze jednostki wiosłowe, takie jak barki rzeczne, łódzie, czy dłubanki, które pełniły role pomocnicze.

Kolejną istotną sprawą jest załoga. Musieli być to ludzie obeznani z żeglugą. Można przyjąć, że Aleksey sprowadzając łódzie w pobliże Kastorii i Nikei, sprowadził także wraz z nimi pewną grupę ludzi morza, którzy stanowili wioslarzy i sterników tych jednostek. Na miejscu uzupełniono te zespoły specjalnie przeszkolonymi żołnierzami piechoty (łucznikami lub oszczepnikami), których wyszkolenie można porównać do XX wiecznych komandosów⁴¹. Umiejętne wykorzystanie tych ludzi zadecydowało o sukcesie poczyną Aleksego.

Aleksey I nie miał nigdy realnej szansy na osiągnięcie sukcesów militarnych równych działaniom jego sławnych poprzedników z dynastii Macedońskiej. Potrafił jednak zachować trwałość państwowości bizantyjskiej w tak krytycznym okresie, jakim był koniec XI wieku. Użycie przez niego flotylli pod Kastorią i Nikeą, było jednym z elementów jego polityki, polityki którą z perspektywy prawie tysiąca lat trzeba ocenić pozytywnie. Chciał on bowiem chronić i oszczędzać swoich żołnierzy, jednocześnie realizując tak istotny cel jak odbudowa państwa.

Bibliografia:

Anderson R. C., *Oared Fighting Ships*, Londyn 1962.
Avramea A., Land and Sea Communications, *The Economic History of Byzantium*, pod red. A. E. Laiou, Waszyngton 2002, s. 57-90.

³³ E. Mc Geer, *Byzantine Siege Warfare in Theory and Practice*, w: *The Medieval City Under Siege*, ed. M. Woolf, 1995 Woodbridge, s. 129.

³⁴ Runciman podejrzewa, że Aleksey I chciał przywodem krucjaty uświadomić niemożność osiągnięcia bezpiecznej i sprawnej przeprawy przez Azję Mniejszą, dlatego dopiero po ich namowach sprowadził łódzie S. Runciman, *Dzieje...*, t. 1, s. 170.

³⁵ M. Whitow, *Rural Fortifications in western Europe and Byzantium Tenth to Twelfth Century*, w: *Byzantische Forschungen* v. 21 (1995), s. 72.

³⁶ Cesarz wyposażył bowiem oddział Butumity w wielką ilość chorągwi, bebnów i tręb, które miały sugerować obecność na drugim brzegu jeziora znacznych sił cesarskich. Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 446.

³⁷ Ludzie ci bowiem mogli odegrać jeszcze jakąś rolę w planach Aleksego. Anna Komnena, *Aleksjada*, XI 1, s. 448-449.

³⁸ R. C. Anderson, *Oared Fighting Ships*, Londyn 1962, s. 31-41; G. Makaris, *Ships*, w: *The Economic History of Byzantium*, s. 92-93.

³⁹ V. Christides, *Military Intelligence in Arabo-Byzantine Naval Warfare*, s. 276.

⁴⁰ M. Bonino, *Archeologia navale, Storia di Ravenna, II. 1*, Ravenna 1991, s. 43.

⁴¹ V. Christides, *Military Intelligence in Arabo-Byzantine Naval Warfare*, s. 279-280.

Birkenmeier J.W., *The Development of the Komnenian Army*, Leiden 2002.
 Blöndal S., *The Varangians of Byzantium*, Cambridge 1981.
 Bonino M., *Archeologia navale, Storia di Ravenna, II.1*, Ravenna 1991.
 Bryennios Nikefor, *Materiały historyczne*, tłum. O. Jurewicz, Wrocław 1974.
 Christides V., *Military Intelligence in Arabo-Byzantine Naval Warfare*, w: *Byzantium at War*, Ateny 1997, s. 269-281.
 Denis G.T., *Byzantine Heavy Artillery: The Helepolis*, w: *Greek, Roman and Byzantine Studies* 39 (1998), s. 99-115.
 Dudek J., *Cała ziemia dyrracheńska pod panowaniem bizantyńskim w latach 1005-1205*, Zielona Góra 1999.
 Endmann P., *Die Schlacht von Nikaia am 17. Mai 1097 in militärgeschichtlicher Perspektive*, w: *Concilium medii aevi* 4 (2001), s. 133-151.
 France J., *Anna Comnena, the Alexiad and the First Crusade*, w: *Reading Medieval Studies* v.10 (1984), s.20-39.
 Harris J., *Bizancjum i Wyprawy Krzyżowe*, tłum. J. Gardzińska, Warszawa 2005.
Histoire anonyme de la première croisade, ed. L. Brehier, Paryż 1924.
 Jundziłł J., *Zegluga rzeczna starożytnych Greków i Rzymian*, w: *Rzeki: kultura-cywilizacja-historia*, t.8, Katowice 1999, s. 81-98.
 Komnena Anna, *Aleksjada*, tłum. O. Jurewicz, t. 1-2, Wrocław 2005, w oparciu o *Alexias*, ed. B. Leib, t. I-III, Paryż 1937-1943-1945.
 Krey A.C., *The First Crusade: The Accounts of Eyewitnesses and Participants*, Princeton 1921.
 Makaris G., *Ships*, w: *The Economic History of Byzantium*, s. 91-100.
 Malaterra Geoffrey, *The Deeds of Count Roger of Calabria and Sicily and of Duke Robert Guiscard his brother*, tłum. G.A. Loud z: *Ganfredi Malaterrae, De Rebus Gestis Rogerii Calabriae et Siciliae Comitis et Roberti Guiscardi Ducis Fratrisc eius*, w: *RIS.*, Muratori, t.5, cz.1, ed. E. Pontieri (Bologna 1928), Londyn 1996.
 Mc Geer E., *Byzantine Siege Warfare in Theory and Practice*, w: *The Medieval City Under Siege*, ed. M. Woolf, 1995 Woodbridge, s. 123-129.
 Rek S., *Zachodniobułgarskie państwo Komitopulów*, w: *Przegląd Historyczny*, t. 74, 1983, z.3, s.237-254.
 Runciman S., *Dzieje wypraw krzyżowych*, tłum. J. Schwakopf, t. 1, Warszawa 1987.
 William of Apulia, *The Deeds of Robert Guiscard*, tłum. G.A. Loud z: *Guillaume de Pouille, La Geste de Robert Guiscard*, ed. M. Mathieu (Palermo 1963), London 1994.
 Whittow M., *Rural Fortifications in western Europe and Byzantium Tenth to Twelfth Century*, w: *Byzantische Forschungen* v. 21 (1995), s.57-75.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев В. П. (Одесса) «ЛЕГКИЙ» АУРЕУС ЦАРЯ ФАРЗОЯ ИЗ ТИРЫ	3
Абызова Е.А., Рябцева С.С. (Кишинев) ИЗДЕЛИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЮВЕЛИРОВ ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ЦЕНТРОВ КАРПАТО-ПОДНЕСТРОВЬЯ	8
Березин С.Е. (Одесса) ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В НОВОРОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ	14
Богуславский Г.С. (Одесса) К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОСМАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ЧЕТАТЯ АЛБЭ	21
Буйских С. Б. (Киев) ГРАФИТИ VI-III ВВ. ДО Н.Э. НА СЕРОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ	26
Булатович С.А. (Одесса) ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ТИРЫ	30
Былкова В. П. (Херсон) РАННИЕ ПОСТРОЙКИ БЕЛОЗЕРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ	33
Виноградов Ю.А. (Санкт-Петербург) О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА МИРМЕКИЙСКОМ САРКОФАГЕ	40
Гизер С.Н., Малюкевич А.Е. (Одесса) ТУРЕЦКИЕ КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ХАДЖИБЕЯ	43
Дёмин О. Б. (Одесса) СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ: РОЛЬ УКРАИНСКОГО ФАКТОРА (1583 - 1596 гг.)	51
Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. (Одесса) О СИМВОЛИКЕ КАМНЕЙ И СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ДВУХ ГЕММАХ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	56
Добролюбский А.О., Красножон А.В. (Одесса) СЛЕДЫ ЦАРЯ ДАРИЯ У ДВОРЦА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА	62
Еманов А.Г. (Тюмень) СОЛДАЙСКИЙ РЕЛЬЕФ СВ. ГЕОРГИЯ ...	67
Иванова С.В. (Одесса) БРОНЗОВЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ	76
Избаш Т.А. (Одесса) АКАДЕМИК Е.Е. КЁЛЕР И НАЧАЛО АНТИЧНОЙ НУМИЗМАТИКИ В РОССИИ	78

Кокоржицкая Т.Н. (Одесса) ФРИЗАХСКИЕ ПФЕННИГИ В НУМИЗМАТИЧЕСКОМ СОБРАНИИ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ	82
Копылов В.П., Рылов В.Г. (Ростов-на-Дону) ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЧАЛА ОСВОЕНИЯ ГРЕКАМИ УСТЬЕВОЙ ОБЛАСТИ РЕКИ ТАНАИС	86
Котигорошко В.Г. (Ужгород) ИМПОРТЫ МАЛОКОПАНЬСКОГО ДАКИЙСКОГО ГОРОДИЩА	95
Корпусова И.В. (Одесса) ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ НА СОЖЖЕНИЕ ЯНА ГУСА В 1415 г. ИЗ СОБРАНИЯ ОАМ НАН УКРАИНЫ	102
Коцура А.Г. (Одесса) ВОТИВЫ КОШАРСКОГО ЗОЛЬНИКА, СВЯЗАННЫЕ С РЕМЕСЛЕННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ И ПРОМЫСЛАМИ	104
Красюк Е.С. (Донецк) БРИТАНСКАЯ АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В XVII-XVIII ВВ.	111
Лавров В.В. (Санкт-Петербург) К ВОПРОСУ О ГОТСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ	118
Лиман С.И. (Харьков) СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГЕНУЭЗСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Н. ЮРГЕВИЧА (1819 - 1898)	124
Луговой О.М. (Одесса) ПОСОЛЬСТВО КАЛОКИРА И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ В X ВЕКЕ	129
Ляшко С.Н. (Киев), Папанова В.А. (Бердянск) ОЛЬВИЙСКАЯ УСАДЬБА (ИТОГИ РАСКОПОК 2003-2005 гг.)	134
Малюкевич А.Е. (Одесса) СВЯТИЛИЩЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ МОЛОГИ	140
Марченко К.К., Доманский Я.В. (Санкт-Петербург) О БАЗОВОЙ ФУНКЦИИ РАННЕГО БОРИСФЕНА	144
Матеевич Н.Н., Чеботаренко Г.Ф. (Кишинев) АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА С ПОСЕЛЕНИЯ ЭТУЛИЯ	148
Назарова Т.А. (Киев) БРАХИКРАННЫЙ КОМПОНЕНТ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА	151
Немченко И.В. (Одесса) К ВОПРОСУ О «РОЯЛИЗМЕ» ТОМАСА ГОББСА	156
Паламарчук С.В. (Измаил) О СВЯЗЯХ ЗЕМЕЛЬ РАЙОНОВ УСТИЙ ДУНАЯ И ДНЕСТРА С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХАТОМ	162
Прохненко И.А. (Ужгород) ПУТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВЕНГРОВ НА ТЕРРИТОРИЮ НОВОЙ ОТЧИЗНЫ	166

Рабинович Р.А. (Кишинев) О БЕССАРАБСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ	176
Редина Е.Ф. (Одесса) АНТИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЮЖНОГО БУГА И ДНЕСТРА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И ПОПЫТКИ ИХ ЛОКАЛИЗАЦИИ. .	182
Руссев Н.Д. (Кишинев) МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ И МОЛДАВСКО-ПОЛЬСКИЕ СВЯЗИ КОНЦА XIV - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV ВВ.	188
Самойлова Т.Л. (Одесса) ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ АНТИЧНОЙ ТИРЫ В ДОРИМСКИЙ ПЕРИОД	193
Серебрянникова Н.С. (Одесса) ВІКТОР ІВАНОВИЧ ГРИГОРОВИЧ: РОЗДУМИ АНТИКВАРА	201
Смирнова И.Е. (Донецк) СУММАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПО МАТЕРИАЛАМ БАЗЫ ДАННЫХ «НЕКРОПОЛИ БОСПОРА»	206
Сорочан С.Б. (Харьков) ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН В СВЕТЕ НОТИЦИЙ ЕПИСКОПАТОВ VII-X ВВ.	214
Стоянов Р.В. (Санкт-Петербург) ЧЕРНОЛАКОВАЯ ГИДРИЯ ИЗ СКЛЕПА №1012 В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ	218
Тихонов И.Л. (Санкт-Петербург) РОССИЙСКИЕ МОНАРХИ И АРХЕОЛОГИЯ	221
Туровский Е.Я., Диброва Н.Г. (Севастополь) О ТЕОФОРНЫХ ИМЕНАХ В ХЕРСОНЕСЕ В IV-II ВВ. ДО Н. Э.	231
Шаров О.В. (Санкт-Петербург) К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ УМБОНА ИЗ МОГИЛЫ №3 НЕКРОПОЛЯ ЧАТЫР-ДАГ В КРЫМУ ..	235
Шепко Л.Г., Привалова О.Я. (Донецк) ДВА РОДОССКИХ КЛЕЙМА ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ	240
Marcin Bohm (Poland) Wykorzystanie przez armię bizantyjską łodzi bojowych w działaniach na jeziorach , na przykładzie posunięć wojsk cesarza Aleksego I w czasie oblężenia Kastorii (1083 r.) i Nikeii (1097 r.). .	246

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА